

ქართული
ლიბრარიონი

4

ЛИТЕРАТУРНАЯ

ГРУЗИЦА

1959

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГРУЗИЯ

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЛИТЕРАТУРНО - ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО - ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ

О Р Г А Н
СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ ГРУЗИИ

Год издания третий

С О Д Е Р Ж А Н И Е

ГАЛАКТИОН ТАБИДЗЕ. Моей Родине. Стихи	3
ШАЛВА ДАДИАНИ. Недописанная поэма. Рас- сказ	4
АННА КАЛАНДАДЗЕ. Новые стихи	20
КОНСТАНТИНЭ ГАМСАХУРДИА. Цветение ло- зы. Роман. (Продолжение)	34
ЮРИЙ РЫШКОВ. Рассказы о детстве	58

ИНОСТРАННЫЙ РАССКАЗ

ЮСЕФ ИДРИС. Рамадан	62
-------------------------------	----

ГАЛАКТИОН ТАБИДЗЕ	71
------------------------------------	----

ШАЛВА ДАДИАНИ	74
--------------------------------	----

МАСТЕРА ГРУЗИНСКОГО ИСКУССТВА

ЭТЕРИ ГУГУШВИЛИ. Главный герой — совре- менник	76
---	----

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

БЕСО ЖГЕНТИ. Выдающийся писатель-револю- ционер	80
СОФЬЯ ГВЕЛЕСИАНИ. Повесть о судьбах ин- теллигенции	89
Б. МЕЙЛАХ. Декабристы и общественно-литера- турное движение в Грузии	92
Коротко об авторах	96

4

АПРЕЛЬ
1959

Редактор К. ЛОРДКИПАНИДЗЕ

Редакционная коллегия:

**Э. АНАНИАШВИЛИ, М. ЗЛАТКИН, А. КУЗЬМИЧЕВ (заместитель редактора),
А. КУТЕЛИЯ, В. МАЧАВАРИАНИ, Э. ФЕЙГИН, Д. ШЕНГЕЛАЯ**

Адрес редакции: Тбилиси, ул. Махарадзе, 14, тел. 3-87-88.

Галактион Табидзе

МОЕЙ РОДИНЕ

Перевод с грузинского П. Антокольского

Ты шагаешь вперед, моя Родина славная,
В жарком, солнечном, юном расцвете, —
Это главное, это главное,
Что учился любить я на свете!

Твердо верю в победу, в твое грядущее,
Неразлучен с тобою до смерти.
Наступленье в бою — это лучшее,
Что учился любить я на свете.

Как цветами, тебя осыпаю я ритмами,
Золотыми кошницами изобилия.
Никакая сила не отвратит меня
От того, что навек полюбил я!

შალვა დადიანი

Недописанная поэма

РАССКАЗ

Авторизованный перевод с грузинского С. Евлахова

Светлой памяти артиста Г. Чахави

Гурий Милорава вышел из кабинета режиссера и остановился на секунду-другую, прислушиваясь к учащенным ударам своего сердца.

Все кружилось у него перед глазами.

Счастье, наконец, пришло!

Ему, начинающему актеру, предстоит сыграть роль Армана Дюваля на родной столичной сцене с видными актерами. Его партнершей будет сама Верико Анджапаридзе, изумительная Маргарита Готье.

В те годы, когда Гурий играл в университетском драмкружке и у него созрело решение посвятить себя сцене, он мог только лишь мечтать об этом. А теперь мечта сбывается. Народ, газеты, и особенно его однокашники-студенты, будут с гордостью повторять его имя.

Арман Дюваль!

Сколько блестящих исполнителей этой роли прошло по сценам всего мира! И одним из них был его знаменитый сородич, гордость грузинской сцены — Ладо Месхишвили. Ведь многие из знатоков, старых театралов, еще помнят Ладо в «Маргарите Готье». И именно ему, Гурию Милорава, представителю молодого актерского поколения Грузии, выпала честь поддержать репутацию этого поколения. Он не смеет ударить лицом в грязь. Все говорят о его редких сценических данных, о его привлекательной внешности, он знает, что девушки заглядываются на него и перешептываются о его стройной фигуре и задумчивых красивых глазах, восхищаются мягким тембром его баритона. Но Гурий отлично уяснил себе, что одних природных данных для хорошего актера мало. Он понимает, что без истинной любви к делу, без упорной работы над собой, все эти данные могут увянуть, как растение, лишенное ухода.

Да, работать и работать, не щадя сил! Он должен найти какие-то новые краски, тонкие нюансы для образа Армана, чье всепоглощающее чувство символизирует первую чистую юношескую любовь, глубоко

втоптанную в грязь буржуазной средой, где лучшие побуждения заглушаются звоном золота, продаются и покупаются, как любой рыночный товар.

Гурий вышел на проспект Руставели, и походка его невольно изменилась. Он почувствовал себя Арманом, снял шляпу и держал ее так, будто это был цилиндр. Молодое горячее воображение уносило его все дальше и дальше... Если он добьется успеха, то образ Армана Дюваля будет лишь первым шагом на его творческом пути. Работая над собой, он сумеет показаться зрителю и в роли пламенного Ромео и в других больших ролях классического репертуара. Наконец, он сумеет создать образы современных героев, героев гражданской войны, героев строительства в городах и селах. Много, много еще впереди...

Он шел, погруженный в свои думы, не видя ничего вокруг.

Навстречу ему приближалась стройная, тонкая девушка. Поравнявшись с ним, она улыбнулась краями губ и прошла мимо. Гурий скорее почувствовал, чем заметил ее. Он оглянулся:

— Малало!

Но она, казалось, не слышала его. Он догнал ее и взял за руку.

— Подожди же, Малало!

Но она мягко и настойчиво отвела его руку.

— Что с тобой? — воскликнул он удивленно. — Ты недовольна мной?

— Я и мама прождали тебя вчера весь вечер, — в ее голосе звучала обида.

Он снова с горячностью сжал ее руку:

— Дорогая, прости, я все объясню тебе...

На этот раз она не отвела его руки и вопросительно посмотрела ему в глаза.

— Но сначала, — воскликнул он с оживлением, — я хочу порадовать тебя. Я буду играть Армана Дюваля!

И увлекая ее за собой, жестикулируя, то останавливаясь, то прибавляя шаг, он передал ей во всех подробностях свою беседу с режиссером. Она слушала его, тихо и радостно, порой ласково, снисходительно улыбаясь, как улыбается мать своему ребенку, когда он начинает хвалиться своими успехами. Он замолк. Она посмотрела на него лучистыми глазами и сказала просто:

— Я очень рада за тебя, Гурий, и мама будет очень рада. — затем лукаво улыбнулась: — А теперь все-таки скажи мне, почему ты обманул меня вчера?

— Я начал свою поэму, — воскликнул он. — Целый день рылся в архивах и вечером засел-таки за нее. Я добыл новые, интереснейшие материалы, увлекся...

— ...и забыл обо мне, — закончила девушка.

— Нет, нет! Я писал и думал, как понравится то или другое место тебе...

Она помолчала. Как можно было продолжать упрекать этого взрослого восторженного ребенка? К тому же, она одна знает о том, что Гурий не только актер, но и поэт. Только ей он всецело раскрывается. Она — единственный слушатель и ценитель его стихов. Она живо вспомнила, как однажды, влетев в ее комнату, забыв поздороваться, он восторженно рассказал ей, что в руки ему попали любопытнейшие архивные материалы по грузинскому театру XVIII века. Речь шла о прославленном старшем актере при дворе царя Ираклия II — Давиде Мачабели. Образ этого выдающегося человека того времени поразил вообра-

жение Гурия, он почувствовал какое-то духовное родство с ним. И вот решил теперь написать о нем поэму. Каждый раз, встречаясь с Малалю, он рассказывал о Давиде все новые и новые подробности, восхищался тем, что этот талантливый актер, народный певец, музыкант, стихотворец в то же время был бесстрашным воином. Одно время он даже был начальником Борчалинской крепости и проявил подлинную воинскую доблесть при ее защите.

А Гурий тем временем продолжал с увлечением:

— Представь себе, Малалю, оказывается, Давид ведал «Нагарахани» — особым приказом того времени. Это было одно из учреждений специально по театру, понимаешь, наподобие нашего Управления по делам искусств, но, конечно, совсем в другом роде. Не правда ли, это очень любопытно? Вот почему я задержался!

В душе она перестала сердиться на него, зная, что поэма, за которую он взялся, — не пустая забава, а творческий труд, помогающий ему в его актерской работе. И все-таки женщина в ней взяла верх, и она сказала с притворным недовольством:

— О, я отлично понимаю все. И со мной бывает, что я засиживаюсь над своим проектом и представляю себе каждую деталь будущего театра. Но и тогда я все-таки не позволяю себе забывать о моих обещаниях...

Гурий вспыхнул. Он искренне чувствовал себя несчастным:

— Ты тысячу раз права! Я осел, неисправимый эгоист. Только о себе и говорю.

Сейчас Гурий казался таким огорченным и беспомощным, что ей стало жаль его:

— Довольно об этом. Я прощаю тебе — ради сегодняшнего дня... Я хочу сказать — ради Армана Дюваля.

Некоторое время они шли молча.

— Ты не думай, — сказал он, наконец, — что моя поэма действительно заставила меня забыть обо всем остальном. Я, например, очень часто думаю о твоём проекте. Как он у тебя, подвигается?

— О да! — она рассмеялась. — Во всяком случае, в моем воображении чочхатский театр выстроен окончательно и возвышается на площади во всем своем величии.

— Ты быстро работаешь, — сказал Гурий, и, чтобы доставить девушке удовольствие, добавил: — Знаешь, не будь я актером и поэтом, я, пожалуй, стал бы архитектором. Тонкая и точная наука и искусство в то же время. Да, ты работаешь быстрее и успешнее, чем я.

— Не знаю, — сказала она, — если это действительно так, то лишь потому, что я не служу двум богам сразу.

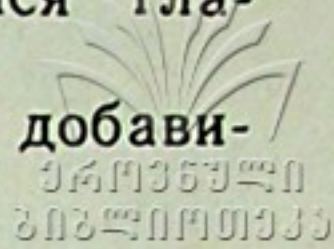
Гурий даже остановился.

— По-твоему, быть актером и поэтом значит служить двум богам? — воскликнул он взволнованно. — О, как ты ошибаешься! Разве Давид Мачабели служил нескольким богам? Да, да, не возражай, я снова обращаюсь к нему... Подумай, на его пути стояли препятствия, которые уже не стоят перед нами, советскими людьми. И все-таки ему удалось добиться своей цели. Это потому, что он, работая в различных отраслях искусства, служил одному богу. Этот бог — народ. И я хочу только одного: жить и творить для своего народа!

Она невольно залюбовалась его одухотворенным лицом. От волнения розовое пятно выступило у него на виске, и рука ее неудержимо потянулась к его лицу. Ей подумалось, что если она прикоснется ладонью к этому пятну, то оно исчезнет. Но она сдержала прилив нежно-

сти и только сказала тихо, глядя на него чуть затуманившимися глазами:

— Не волнуйся так, я пошутила... — и, секунду помолчав, добавила: — Ведь сегодня ты не обманешь меня и... маму?..

★ ★ ★

«... Прозрачные вечерние тени упали на купол Анчисхатской церкви. Давид Мачабели—начальник приказа «Нагарахани», старший актер при дворе царя Ираклия II — и его друг Кешиш-Дардиманди направлялись к царскому дворцу...»

Гурий Милорава нервно отшвырнул перо и откинулся на стуле. «Не то, не то, — пробормотал он, — надо ярче представить себе Тбилиси того времени, увидеть этот вечер, когда они шли вдвоем к дворцу...»

Он закрыл глаза... Старый Тбилиси... Он начинался тогда у Авлабара, и два маленьких мостика перебрасывали его на правый берег Курры, к склону горы, увенчанной Нарикальской крепостью. Склоны сплошь застроены домами с плоскими крышами... А у подножья горы вырисовываются знаменитые серные бани... Чуть подалее, справа — Сионский собор. Отсюда-то и начинался Анчисхатский квартал... Он спускался в Ивнианскую ложбину — город заканчивался там, где теперь раскинулась площадь имени Ленина.

Гурий вскочил со стула, нервно прошелся по комнате и остановился у окна. Перед ним открылся вид на гору Мтацминда. Вагончики фуникулера медленно надвигались один на другой и внезапно, там, где путь разветвлялся, разошлись, двигаясь один вверх, другой вниз. Гурий прильнул к окну и снова закрыл глаза. В его воображении гора Мтацминда покрылась сплошным лиственным лесом, как это было в далекие времена, до того, как, по приказу царского наместника Цицианова, лес был вырублен. Раньше там, сквозь густую листву, сверкали белизной стены монастыря Святого Давида. Именно в этом монастыре нашел убежище царь Ираклий в «лихую годину».

Гурий сел к столу и снова взял перо. В его воображении блеснул купол Метехской церкви.

Гурий задумался: «Так ли, как и теперь, золотили этот купол лучи солнца тогда? Так ли, как и теперь, падали на него тени?». Теперь он ярко представил себе город, по которому шли к палатам дворца, на репетицию, Давид Мачабели и его друг Кешиш-Дардиманди.

Но пора перейти к описанию персонажей поэмы. Давид дается ему легко. Кажется, он проник в самую сущность его внутреннего облика и ясно видит перед собой. Видит его смелое, веселое, открытое лицо, на котором природная доброта прекрасно сочетается с горделивым мужеством. А вот с Кешиш-Дардиманди дело обстоит сложнее. Ведь он—духовное лицо, хотя и жил жизнью светского человека. Уж если вводить в поэму духовное лицо, быть может, лучше поработать над образом прославленного Саят-Нова, постригшегося в ту пору в монахи? Нет! Нет! Во-первых, именно Кешиш-Дардиманди — лучший друг Давида, а кроме того, до чего он колоритен! Уже само прозвище Кешиш-Дардиманди, — что означает беззаботный, независимый, — привлекает. Его подлинное имя Иосиф Илуридзе. Он очень любопытен, этот придворный священник, состоявший при полководце того времени Иоанне Орбелиани, сумевший в то время перешагнуть через все преграды, пренебречь всеми предрассудками и условностями, умудрившись даже играть на сцене. Решено. Он останется в поэме!

И перо быстро забегало по бумаге...

...Вот Давид Мачабели и Кешиш-Дардиманди входят в палату дворца, где назначена репетиция пьесы Еврипида «Ифигения». Они встречаются там самого Георгия Авалишвили, первого драматурга и организатора профессионального театра того времени. С ним Чолокашвили, написавший грузинский текст пьесы. Они беседуют с дружеской простотой. Давид Мачабели все время пересыпает беседу шутками, словно не он, а кто-то другой должен воплотиться сейчас в грозного царя Агамемнона. Но вот звонок прерывает их беседу. Участники представления, придворные актеры всходят на подмости. Среди них дипломаты, судьи, полководцы и важные сановники. Здесь Иоанн Орбелиани, Эраст Туркестанишвили, Тамаз Андроникашвили, Майор-Гавриил...

Внизу, в зале, расположились дамы, дочери царя Ираклия, Орбелиани, Авалишвили. Вот поднялась на сцену исполнительница роли Ифигении — одна из дочерей Георгия Авалишвили, красавица Маия. Водворилась тишина. Взоры всех устремлены на Агамемнона — Мачабели. И на глазах у всех этот человек, только что весело шутивший с друзьями, весь преображается. Он будто становится выше ростом; манеры, глаза, голос приобретают силу властителя, привыкшего повелевать. Жрецы объявляют ему предсказание Оракула. На минуту Агамемнон впадает в раздумье, потом снова выпрямляется и с подмостков гремит его гневный протест:

«Покориться богам? Богам, лишенным зрения и слуха?
Как могли они дать мне то, чего нет у них самих?!
О, как обманывают нас жрецы, нами же возвеличенные!!»

Он воздевает руки, словно хочет сразиться со всеми небесными силами, с этими античными богами, и... внезапно репетиция обрывается. Все присутствующие поднимаются, и лишь одна Манана Авалишвили, зачарованная игрой Мачабели, не замечая этого, остается на месте.

Женщины, переглядываясь, указывая на нее глазами, что-то шепчут друг другу. Наконец, Манана замечает это, и лицо ее покрывается краской смущения. А Давид неотступно смотрит на нее, он направляется прямо к ней, невольно обнаруживая перед другими свои чувства. Но его вовремя останавливает Кешиш-Дардиманди:

— Клянусь твоим солнцем, Давид, ты переигрываешь. Не следует с такой яростью ополчаться против божества!

Он говорит это подчеркнуто озабоченным тоном и очень громко, чтобы все слышали.

Давид спокойно возражает:

— Я в точности передаю текст Чолокашвили. Он сам подтвердит это.

— Не спорю, ты не искажаешь текста, но любой текст можно толковать по-разному. Ты произносишь эти слова так, что приводишь зрителя в трепет и восстанавливаешь его против богов.

— Но ведь это языческие боги, — недоумевают Давид.

— Что случилось? Посмотрите, как взволновался наш Дардиманди! — и присутствующие вмешиваются в спор.

Дардиманди с жаром предостерегает — сцена эта в подобной трактовке может не понравиться самому царю Ираклию, не говоря уже о том, что царица Дареджан, несомненно, возмутится и разбранит актеров; а тогда ему и его господину — он бросает взгляд в сторону Орбелиани — нельзя будет показаться ей на глаза. Да и сам католикос Антоний может разгневаться.

Многие не могут не согласиться с доводами Илуридзе, но и Георгий Авалишвили и сам переводчик пьесы Чолокашвили на стороне Мачабели, и оба превозносят его игру...

Гурий дописывает страницу, задумывается... Вскоре он засыпает, положив голову на стол. Гурию снится сон... Он в палате дворца... Кешиш-Дардиманди, смеясь, протягивает к нему руку: «Давид! Наконец-то!..». Подходит Манана... А где же Малало? Манана все ближе, он вглядывается в ее лицо. О! Да это не Манана, это Малало! Он облегченно вздыхает, привлекает к себе девушку... и просыпается.

Гурий вскакивает и с тревогой смотрит на часы. Как незаметно он заснул! Долго ли это продолжалось? Ох, уже десять! А в одиннадцать в театре назначена первая читка «Маргариты Готье».

Скорее! Скорее!

* * *

Замелькали дни, наполненные напряженной творческой работой.

Как-то Малало сказала Гурию с грустью:

— Я почти не вижу тебя. Мой проект закончен. Я хотела бы показать тебе его. Но теперь тебя, кажется, ничего не интересует, кроме Армана Дюваля и Давида Мачабели. Я не уверена, читаешь ли ты газеты...

— Как можешь ты так думать? — бурно возражает Гурий. — Я в курсе всех событий. Спроси у друзей о моем докладе, прочитанном в театре по просьбе парторга. Они очень хвалят его.

На другой день, рано утром, Гурий поспешил к своей подруге. Разложив перед ним проект, она с увлечением разъясняла каждую деталь будущего театра. Гурий с интересом рассматривал проект. В эти минуты Малало стала еще ближе и дороже ему.

Мать Малало вбежала в комнату и прервала их беседу:

— Включите радио. Война!

Побледневшая Малало слушала диктора, украдкой вглядывалась в Гурия и прочла на его лице негодование и стойкую решимость. В эту минуту она поняла: ее Гурий уйдет, чтобы сражаться с врагом во имя счастья Родины.

* * *

И Гурий ушел, несмотря на то, что ему, как одному из молодых, талантливых представителей театрального искусства, была предоставлена возможность остаться. Ушел на фронт по своей воле, вместе с лучшими сынами Грузии.

* * *

Гурий и Малало перешагнули через рельсы первого и второго пути на станции Навтлуги и подошли к длинному воинскому эшелону. Он взглянул на нее. Ее глаза были сухи, но он заметил, как дрогнули губы и ресницы девушки, и сказал тихо, но твердо:

— Не надо, Малало...

Она беззаботно улыбнулась в ответ, стараясь не выдать, каких усилий стоила ей эта улыбка. Он спросил ее о чем-то. Обычно немногословная, она, изменив себе на этот раз, ответила слишком пространно на его незначительный вопрос, и вплоть до ухода эшелона ее разговор сверкал веселостью, радужными надеждами, милым остроумием живого женского ума, словно не на войну провожала она его, а на гастроли по Грузии.

Когда эшелон тронулся, скрипя и подрагивая, и из вагонов донеслась громкая солдатская песня, она вскинула руки и чуть наклонилась вперед, как бы собираясь полететь поезду вслед. Сделала несколько легких, поспешных шагов и остановилась. Потом снова пошла... Даль поглотила красный фонарь на последнем вагоне, затихла песня, а она все шла и шла.

Малало не помнила, как очутилась у себя в комнате. Она все еще ощущала поцелуй Гурия на своих губах. Она подошла к зеркалу и вдруг прижалась к холодному стеклу губами потому, что их касался он; словно она сейчас еще раз возвратила ему с нежностью его прощальный поцелуй.

И вдруг упала на тахту и разрыдалась. В комнату вошла мать, подтянутая и строгая. Секунду-другую она молча смотрела на дочь. Та повернула к ней свое лицо в слезах. Мать негромко произнесла:

— Моя дочь должна быть твердой...

Больше она ничего не сказала. И вышла.

Малало поднялась с тахты. Зеркало снова отразило ее лицо. Теперь глаза ее были сухи, и постепенно новое выражение стало появляться у нее на лице, отражая созревающее в ней какое-то новое, бесповоротное решение.

* * *

Дни... Недели... Месяцы...

Малало торопливо шла домой. Сегодня она принесет матери радостную новость. Несмотря на то, что война поглощает огромные государственные средства, правительство все-таки решило начать строительство театра по ее проекту. И все же, чем ближе дом — тем задумчивей ее взгляд... Она обрадует мать, а матери нечем порадовать ее. На ее немой вопрос она отведет глаза. Сегодня, как и вчера, как и позавчера, как все дни после отъезда Гурия, она не протянет ей конверта с адресом, написанным его рукой. Прошло немало времени, а от Гурия ничего нет...

Но что это? Она не успевает повернуть ключ в замке, как дверь распахивается. На пороге мать. Она давно не помнит, чтобы ее глаза так чудесно светились. Они стали совсем юными. Правую руку она держит за спиной. Малало, угадав, бросается к матери. Синий продолговатый конверт мелькнул у нее перед глазами. Она почти выхватила его из рук матери. Та звонко смеялась.

Не снимая шляпы, Малало читает:

«... Малало! Малало! Дважды я заношу твое имя на бумагу, а в сердце моем оно звучит беспрестанно! Прости, это обращение — единственная поэтическая вольность, которую я допускаю в этом письме. О дорогая, теперь Гурий Милорава не только актер и поэт, но и настоящий воин — участник Отечественной войны. Этого мало! Я нахожусь в рядах людей, которых называют «богами войны», — я артиллерист! Впрочем, я поспешил, — я только буду им, но буду очень скоро, потому что вся наша часть добивается этого, работая над собой изо всех сил. Занятия поглощают почти все время, и все-таки мне дают возможность не забывать моей мирной профессии. Я участвую в работе клуба нашего полка и выступаю на клубной эстраде. Малало, дорогая, у нас в части есть и грузины, и украинцы, и узбеки, и армяне, и туркмены... Знаешь, только сейчас я особенно остро почувствовал братскую сплоченность нашей великой семьи народов. Я чувствую себя родным в этой семье, я

окружен вниманием и заботой, как и все мои товарищи. Ну, вот видишь, опять я все о себе и о себе. Здорова ли ты, думаешь ли обо мне? Как твой проект? А знаешь, мне не хочется больше играть Армана Дюваля, я перестал чувствовать его. Я столкнулся здесь с удивительными людьми. Это скромные, подлинные строители нашего будущего. Вот, чьи образы хотелось бы воплотить на сцене! А о поэме своей не забыл. Я продолжаю работать над ней. Мне удалось раздвинуть рамки поэмы, действие уже перекинулось из дворцовых палат в народ, в среду городского и ремесленного люда, где Давид Мачабели был постоянным гостем. И, наконец, я добрался до зенита поэмы, до главы, когда в Грузию вторгается Ага-Магомет-хан, и наши войска готовятся к жестокой Крцанисской битве на самых подступах к старому Тбилиси...»

* * *

Солнце золотым шилом пронзило на рассвете тучи и заблестело на стволе артиллерийского орудия. Лейтенант Гурий Милорава, сидя на ящике из-под снарядов, поспешно набрасывал в походный блокнот план очередной главы поэмы о Давиде Мачабели.

...Подойдя к Тбилиси, Ага-Магомет-хан сосредоточил огромное войско свое у Ортачальских садов, раскинувшихся неподалеку от Крцанисского поля. Было о чем призадуматься царю Ираклию. Он располагал лишь горсточкой воинов — и ждать помощи было неоткуда. Каждый новый воин был бы для него большой подмогой.

А в одной из палат дворца, где еще недавно потрясал зрителей царь Агамемнон, вполголоса совещались Давид Мачабели и преданный царю воин и актер Майор-Гавриил. Да, решено. Они создадут отряд из своих актеров. Еще сорок воинов выйдут на защиту родины. Только царь не должен знать об этом ничего раньше времени. Он может не допустить актеров на поле сражения. Лишь самому Давиду Мачабели, участнику боя за Борчалинскую крепость, да Майору-Гавриилу он не сумеет отказать в этой чести. А об остальных пока надо молчать.

И вот один за другим входят в театральный зал актеры. Давид Мачабели объявляет им о своем решении. И все, как один, не задумываясь, вступают в отряд. Водворяется тишина. Сорок человек, как один, молчат, и их молчание звучит красноречивее, нежели присяга, произнесенная вслух. Да, оно звучит, как клятва защищать родную землю до последней капли крови.

Они уславливаются о месте сбора и расходятся суровые, по-прежнему безмолвные...

* * *

Гурий услышал за своей спиной чьи-то поспешные шаги и затем голос: «Товарищ лейтенант» — и резко обернулся. Солдат-наводчик, краснолицый украинец с синими детскими глазами вручил ему пакет. Это был приказ, содержащий благодарность подразделению Милорава за отличные успехи в боевой подготовке. В приказе особо был отмечен лейтенант Милорава.

Один за другим к учебной позиции стали подходить офицеры и бойцы. Они построились. Гурий прочел им приказ. И каждый из бойцов подумал, что вот формирование закончено и, хотя в приказе ничего об этом не говорится, теперь уже близок час, когда им предстоит пойти в бой. И каждого в эту минуту волновала одна и та же мысль: где это произойдет? Они знали, что враг неистовствует, подбрасывая все новые

и новые силы к сердцу нашей Родины — Москве, и внутренне угадывали, что именно там они получат свое первое боевое крещение; и каждый желал, чтобы на его долю выпала честь защищать столицу Родины.

А вечером пришел новый приказ. Наутро части надлежало выступить.

В этот же вечер Гурий с эстрады полкового клуба читал стихи. Он читал о войне и о великой любви к Родине. Читал он по-грузински, и слушали его в напряженном молчании не только сородичи, но и те, кому родной язык его был непонятен. Сама по себе напевность стиха, гибкий, проникновенный голос, страстность, выразительность жеста и вдохновенных глаз чтеца не оставили равнодушным в зале ни одного воина. Они воспринимали мелодию стиха, как музыку, и, как музыка, она волновала простые их сердца. Благородное бесстрашие, глубокая любовь к родной земле слышались в призывах воинов, врезавшихся в гущу врага, и звенели в словах мечи, ржали кони, дребезжали щиты.

В этот вечер Гурий читал так, как не читал еще никогда. Это было истинное торжество артиста с душою воина, и он впервые понял, что такое настоящая овация, овация, порожденная неподдельным восхищением людей, у которых сердца полны теми же стремлениями и надеждами, какими насыщено его сердце.

Потом настояли, чтобы он прочел и по-русски. Он начал неуверенно, стесняясь своего акцента; но через минуту, вдохновившись, забыл о нем, все присутствующие тоже перестали замечать его акцент, а потом говорили, что он даже придавал какую-то своеобразную красоту его чтению.

Когда Гурий замолк, сквозь шквал аплодисментов прорвались голоса:

— Поэму, поэму! Читай свою поэму, Милорава!

Он поднял руки, словно взмолившись о пощаде:

— Я не дописал ее...

— Читай, читай, что есть!

И тогда, вкратце рассказав по-русски содержание написанной им новой, еще не известной никому главы, он начал читать.

Вот о чем он читал:

...Над Тбилиси непроглядная, черная сентябрьская ночь. И в ночи раздается тревожное гудение кузниц, где до рассвета будут ковать оружие для завтрашней битвы.

Давид Мачабели бродит по городу из одной улицы в другую, прислушиваясь к ночным звукам. Мысли его и беспокойны, и светлы, и величавы. Завтра решается судьба Грузии. Ни одна живая человеческая душа в городе не спит в эту ночь. Остановившись, Давид смотрит в даль, туда, где перед самыми воротами в город, у садов Ортачальских, на одном из склонов раскинулся лагерь свирепого Ага-Магомет-хана. Лазутчики видели даже его белоснежную палатку в центре лагеря. Они подробно описали эту палатку, отороченную внизу красной атласной оборкой. А одна из сторон палатки—тоже из красного атласа—забрана вверх золотым шнуром. И Давиду представляется, как завтра Магомет-хан, лежа на своем золотом ложе, гортанным протяжным голосом будет отдавать приказания, и на малочисленное войско царя Ираклия обрушатся одно вражеское полчище за другим.

Ох, злая ночь!.. Женщины и старики, наверное, до сих пор в страхе перешептываются о том, будто с наступлением темноты над городом зловещей тенью пронеслась огромная черная птица. Уверяют даже, будто дети видели ее, слышали шум от взмахов ее крыльев и испуганно жалась к матерям. И, крестясь, молились о спасении старики.

Об этом рассказала Давиду Манана. Манана! Мысли Давида принимают другое направление. Он не страшится завтрашнего сражения, его дух ясен, но... Манана! Как ему быть? Ведь она решила сопроводить его на поле брани, и Давид знает, что нет на земле силы, способной остановить ее. Манана... Любимая... Нежнейшая из всех земных созданий... Перед ним возникает ее лицо, самое дорогое лицо во всей вселенной. «Я пойду с тобой», — сказала она ему сегодня утром глубоким, сдавленным голосом. Никогда раньше не звучал так ее голос: «Я умру вместе с тобой, если это суждено. Умереть за родину рядом с любимым... Ничто не может более возвеличить твою невесту». Давид и встревожен, и в то же время восхищен ею.

Нет, нет, не надо думать об этом сейчас! Взгляд его светлеет, он что-то шепчет вслух: он слагает песню, бродя по городу. С этой песней его отряд завтра пойдет на врага.

На тесной улице окраины до него доносится монотонный скрип колес, и он вынужден посторониться. Мимо него тянутся арбы, покрытые навесом из ковров. В них женщины, дети, старики—те, кто не успел еще по приказу царя Ираклия покинуть родные очаги.

Он сворачивает на другую улицу. Все новые и новые строфы слагаются у него в уме. Надо спешить домой, чтобы записать. Он ускоряет шаг. И вдруг воздух оглашается торжественным пением. Оно летит из храма. Это духовенство молится о даровании победы грузинскому войску. Новая строфа складывается в уме Давида. Теперь он уже почти бежит, направляясь к дому. Но возле одного из храмов он вдруг резко останавливается. Оттуда доносится необычное пение. Одинокий, уже немолодой, но еще сохранивший голос хватает за сердце. Перешагнув порог храма, Давид застывает у дверей. И он видит знаменитого старца Саят-Нова, облаченного в священническую ризу. Да, это поет молитву он, когда-то несравненный исполнитель шикасти и баяти¹, восхищавший в дни молодости своим пением народ и первого своего друга—царя Ираклия. И Давид задумывается. В те далекие времена молодой, дерзкий и сильный Саят-Нова слагал песни о дружбе и любви близких, дорогих ему народов Армении, Азербайджана, Грузии. И вот теперь, когда Ага-Магомет-хан, это исчадие ада, прошелся по их странам с огнем и мечом, чтоб поработить их, смятенная душа старца жарко молится об их спасении.

Давид поспешными шагами покидает храм. Мысли его переносятся во дворец. Перед ним предстает седовласый царь Ираклий... Давид мельком видел его сегодня. Он, как всегда, спокоен и сдержан в словах и жестах, но от наблюдательного поэта не ускользнуло какое-то новое выражение на лице царя—печать заботы, тревога за исход завтрашнего сражения. Давид знает—царь забыл о сне. И сейчас седая его голова откинута на золоченую спинку кресла, а умные, прозорливые глаза неподвижно устремлены в пространство и, словно пронзая даль веков, видят будущее страны.

Наконец, Давид в своем жилище. Шагая из угла в угол, он вслух слагает строфу и, устремившись к столу, записывает ее. Затем снова, зашагав по комнате, слагает следующую. Так работает он всегда: долго, долго ходит взад и вперед, сложит строфу, тут же сочинит к ней мелодию—и потом только запишет.

Давид подходит к окну и начинает петь свою песню—сначала вполголоса, потом все громче и громче. Ему становится легко и радостно. Песня льется из самой глубины души, в ней все его мысли и чувства.

¹ Шикасти, баяти — жанры восточных народных песен.

Никогда прежде ему не удавалось добиться подобной гармонии. Он весь во власти собственных звуков. Но вдруг он начинает прислушиваться к чему-то. Как разыгралось его воображение! Ему кажется, что чей-то женский голос, робкий и нежный, вторгся в его пение. Очевидно, это обман слуха! Нет! Нет! Голос крепнет и ширится... И голос этот может принадлежать только одной женщине во всем мире!.. Бесспорно, это она, непослушная и бесконечно желанная... Улыбка освещает его лицо. Вдруг он меняет мелодию, чтобы сбить неожиданную партнершу. Но она не поддается и продолжает петь в правильном тоне. Давид порывисто распахивает двери: перед ним Манана. Она в мужской одежде, с кинжалом у пояса, туго стягивающим ее тонкую талию.

— Манана! — в его голосе ликование.

Она звонко смеется.

— Скажи, откуда ты знаешь мою песню?.. Ведь я только-только сложил ее?!

Глаза ее заискрились, как у шаловливого ребенка.

— Дело в том, — говорит она, — что вчера наш драматург Георгий перевел нам с французского две комедии Мольера. Они, конечно, известны тебе, одна называется «Любовь исцеляет», а другая «Любовь красит».

— О! — восклицает Давид. — Ты хочешь сказать, что любовь всеведуща? — и он привлекает голову девушки к своей груди. Потом лицо его омрачается: — Быть может, ты все-таки послушаешься меня и не пойдешь завтра..

— Завтра? — перебивает она. — Не завтра, милый, — сегодня мы выступим вместе. Взгляни в окно. Заря уже тронула небо своей розовой ладонью.

Он понимает, что бессилён отговорить ее, и тихо произносит:

— Сейчас соберутся мои друзья. Не пой мою песню при них. Она принадлежит только нам двоим, и, как знать, быть может, мы споем ее в последний раз в жизни...

Лицо Мананы становится строгим и торжественным. Она поняла своего любимого и благодарна ему.

И сразу комната Давида наполняется артистами-воинами. Следуя обычаю своего времени, они, собираясь в поход, надели самые богатые свои одежды. И все они отлично вооружены.

Надел светское платье и Кешиш-Дардиманди. Он, как всегда, весел и с удовлетворением острит, что на этот раз навсегда ушел из-под власти епископа Досифея и недосягаем теперь даже для самого католикоса Антония. Затем он сообщает Давиду, что передовые отряды уже двинулись к Крцанисскому полю и ими предводительствует сам царь Ираклий. Выступил в поход и Майор-Гавриил, возглавивший пушечную артиллерию. Но он не забыл об актерах. И Кешиш-Дардиманди передает подробный план будущих действий отряда, разработанный Майором-Гавриилом.

...Голос Гурия затих. Тишина. Зал замер, и потом, сразу, молчание разрядилось оглушающими аплодисментами и возгласами восхищения. Люди, сидящие здесь, переживали вместе с артистом то, о чем он читал. Они чувством угадывали слова, которых не понимали, потому что жили в одной стихии. Нашелся ли в зале хоть один человек, страна которого не знала бы в прошлом жестоких нашествий чужеземных поработителей? Нет, такого человека не было здесь. И пока читал Милорава, — вспоминал грузин об истоптанных когда-то врагом виноградниках; и туркмен

вспомнил об отравленной врагами воде и уничтоженных оросительных каналах и увядших цветах хлопка; и о загубленных, примятых к земле золотых колосьях вспоминал украинец; о затопленных шахтах—шахтер Донбасса; о городах и деревнях, превращенных в груды руин, вспомнил армянин... И видели они перед собой зловещие черные виселицы и пламя пожаров, и слышали стоны женщин, стариков, детей...

Когда Гурий, взбудораженный и счастливый успехом, проходил мимо поблескивающего при свете луны орудия, его робко остановил наводчик-украинец.

— Товарищ лейтенант, разрешите спросить?

Гурий остановился.

— Разрешите спросить, товарищ лейтенант, кто же одолел на этом Крцанисском поле? А Давид и его невеста — они остались живые?

Гурий ласково усмехнулся.

— Не торопись, дорогой. Обещаю, что ты узнаешь все, как только я допишу последнюю главу.

— Извините, товарищ лейтенант, но вам бы поторопиться... Какое уж тут писание, колы нас на передний край...

— Ничего, — ответил Гурий, — когда очень хочется писать, то пишешь в любой обстановке.

И он спустился в свою землянку.

* * *

Недели, месяцы, год... Еще месяцы...

Каждый день, каждый день у Малало одна и та же мысль по дороге домой: чем встретит ее мать? Неужели и сегодня ей нечего будет сказать ей? А вот у Малало есть что сказать матери. После пятимесячного обучения на курсах парашютистов она сегодня сделала сложный затяжной прыжок с самолета. До сих пор дух захватывает — стоит ей вспомнить, как ринулась навстречу земля, и рука ее тянулась вырвать кольцо раньше времени с невольной тревожной мыслью — вдруг парашют не раскроется. А потом желанная земля, приветливые лица товарищей и биевание взбудораженного сердца, раскрывшегося для них. Сам полковник Реваз Сараджишвили пожал ей руку и пожелал удачи в будущих боях. Да, она выполнила решение, созревшее у нее в тот день, когда воинский эшелон увез Гурия и она поцеловала отражение своих губ в зеркале...

Она поворачивает ключ в замке. Матери в комнатах нет. Из кухни доносится звон посуды. Шумит в раковине вода, бьющая из крана, и Малало кажется, что она льется сегодня как-то особенно грустно...

— Это я, мама!

— Малало? Я сейчас... Обед готов.

Молчание.

— Знаешь, Малало, приехал техник из Чочхати. Твой театр строится. Там хотят, чтобы ты взглянула хоть одним глазком... Он придет вечером...

— Это все, мама?

Молчание.

Зрачки у Малало суживаются и тускнеют. Она снимает шляпу, садится к столу и лихорадочно начинает писать, потому что не может не писать: надо дать выход своим чувствам.

И она пишет Гурию о том, что здорова и думает о нем, и тоскует, и в тревоге, что он так долго молчит. И о том, что театр строится, а она через месяц уйдет в армию, потому что иначе не может. И она рада, что он

не думает больше об Армане Дювале и обо всех этих мелодрамах, но просит его не забывать Давида Мачабели. И что она видела во сне, будто спустилась на парашюте к фантастически огромной пушке, у которой стоял он, Гурий, и очень ласково улыбался ей...

* * *

О, какие это были дни! Грозные и великие дни скорби о погибших в боях и истерзанных у своих родных очагов, дни испепеляющей ненависти и всеобъемлющей любви, невиданных подвигов и величайшего торжества советского человека.

Вот какие это были дни!

Москва! До последнего своего вздоха будет помнить лейтенант Гурий Милорава минуту, когда в морозном воздухе, сквозь синюю дымку предстали перед ним очертания величественных заснеженных зданий широко раскинувшегося города, что стоит на скрещении всех русских дорог.

Вот тянутся их орудия вдоль гладкого шоссе, посреди сверкающих снегов, минуя подмосковные домики. Проплывают пустые платформы, и заколоченные окна дач, и безлюдные пристани, и огромные деревья с вороньими гнездами, и танцевальные площадки с раковинами для оркестра... И зловеще чернеющие на белизне снега сбитые вражеские самолеты...

Москва! Разве забудет Гурий, как тогда горячая спазма внезапно сдавила ему горло, как провел он рукою по своему лицу и пальцы стали влажны! И он украдкой взглянул на товарищю, опасаясь — вдруг заметили они его слезы, и увидав, что и их суровые глаза увлажнены, простил себе минутную слабость.

«Давно ли это было? — думает Гурий. — Нет, недавно, а иногда кажется, что очень давно». Ведь после всего этого он не видел Малало; этого просто не могло быть; а иногда кажется, что видел, и все ей рассказал. Малало! Малало! Хотя бы час побыть с тобой, рассказать, что перед тобой теперь другой, не прежний Гурий, рассказать о боях, которые прошел с честью; можно было бы даже похвалиться немного — она простила бы на этот раз, — похвалиться тем, что имя лейтенанта Гурия Милорава все чаще повторяют на тех участках фронта, где он побывал, и упоминают во фронтовых газетах, и говорят о нем, как об искусном, инициативном, смелом офицере, который к тому же вдохновляет воинов чтением стихов.

Да, Малало, это так!..

* * *

Еще месяц...

Кажется, воет все небо, и вражеские самолеты, как черные птицы, заслоняют солнце, стонет земля, от неистового грохота, кажется, глохнет все живое.

И сразу мертвящая тишина... Хищники скрылись. Надолго ли? Готовятся к новому налету или не вернуться, уверенные, что погребли все вокруг?

Гурий мутными глазами оглядывает бездыханные тела бойцов у исковерканной пушки, сокрушенно смотрит на изуродованные орудия. Они давно перестали быть для него неодушевленными предметами. Нет, это живые, верные друзья, могучие, умные, точные, вместе с ним уничтожавшие врага. А теперь они, как и его бойцы, бездыханны. Гурий подползает к одному бойцу, к другому, к третьему... Мертвы... И вдруг

слышит стон. Это тихо стонет наводчик... Рука его залита кровью. Гурий вскрывает санпакет. Рука у наводчика через минуту перевязана. Он открывает глаза. Он лишь ранен в руку и оглушен. Глоток спирта. Сержант приподнимается и садится, недоуменно озираясь. Наконец произносит тихо:

— Спасибо, товарищ лейтенант...

Гурий черен от копоти, гимнастерка разодрана, на зубах скрипит земля, жестоко исцарапаны руки.

Утром он прибыл сюда, к этим орудиям, спрятанным у околицы деревеньки, превращенной теперь самолетами в пепелище. Расчеты получили приказ держать здесь оборону. Сюда ожидаются вражеские танки, за которыми последует вражеская пехота. Гурий должен продержаться до прибытия наших частей. Когда налетели хищники, он не мог уничтожать их, чтобы не обнаружить пушек. И, черт подери, случай это или их заметили с воздуха? Не может быть, ведь они замаскировались по всем правилам... И все-таки... Да, теперь их только двое: он и наводчик, и у них нет ничего, кроме единственного уцелевшего пулемета и гранат. Так что ж! Все равно, они будут стоять насмерть. Какая тишина! От этой тишины с непривычки раскалывается голова. И ему и наводчику кажется, что сейчас они одни во всем беспредельном мире. Все равно, стоять! Но и время стоит. Ох, солнце словно замерло на месте. Оно не движется, будто бы его приклеили к небу. Где же эти проклятые вражеские чудовища? Скорее бы уж... Тишина. Потом до них доносятся какие-то монотонные звуки: «тук-тук-тук». Нет, действительно время остановилось. Гурий молчит. Молчит и солдат.

Вдруг хмурое лицо Гурия озаряется, и солдат с удивлением видит, как его лейтенант торопливо извлекает из сумки помятый блокнот и начинает что-то лихорадочно заносить на листки карандашом. Гурий на секунду отрывается от блокнота, его рассеянный взгляд скользит по лицу наводчика, и он видит у него в глазах изумление. Гурий светло улыбается и объясняет:

— Я записываю план последней главы поэмы.

— Значит вы, товарищ лейтенант, про битву на Крцанисском поле? — и в потухших было глазах солдата засветился интерес. — Кто же тогда одолел?

Гурий быстро заносит план на измятые листки и произносит вслух то, что записывает:

...Битва малочисленного грузинского войска с полчищами Ага-Магомет-хана закипела. По обеим сторонам Крцанисского поля расположились лагеря противников. Из своей палатки наблюдает за ходом битвы иранский шах. А по противоположному склону гарцует на белом своем жеребце седовласый полководец — царь Ираклий, окидывая зорким взглядом окрестности вокруг, всматриваясь в каждую ложбину, в каждый куст, в каждую лощину, отдавая своим связным точные, уверенные распоряжения. И они, срывая коней с места, стремительно несутся передать их по назначению.

Полдень.. Битва все ожесточенней. Не равны, не равны силы... У Ираклия всего три тысячи воинов — вместе с отрядом имеретинского царя Соломона. Как устоять против полчищ Ага-Магомет-хана, насчитывающих тридцать пять тысяч воинов? Страшная схватка! Царь Ираклий, мудрый и многоопытный полководец; он искусно маневрирует своими войсками, проявляющими чудеса храбрости; он дробит силы врага, охватывает их клещами по частям и затем уничтожает. Но вот близится вечер, и не в пользу грузин стала клониться чаша весов. И в

решающую минуту царь Ираклий, издав воинственный клич, сам устремляется к месту боя. Вот он уже неподалеку от рукопашной схватки. И вдруг в шум боя врывается ликующая песнь, одна из тех, что поется на пирах, чтоб зажечь весельем сердца людей. Царь не успевает уяснить себе, откуда эта песнь, как видит вступивший на поле сражения новый отряд воинов. Впереди отряда идет статный рыцарь, держа высоко над головой дайру¹.

Отбивая ритм, рыцарь поет чудесную песнь. Подобной красоты царь еще никогда не слышал. А голосу певца вторит другой — нежный женский голос. И видит царь, как рыцарь, увлекая за собой своих воинов, врывается в самую гущу врагов.

Именно в эту минуту в своей палатке иранский шах Ага-Магомет-хан сказал: «С юности моей и доныне я проводил и провожу дни свои в битвах. Но никогда еще я не зрел сопротивления, подобного тому, какое творят против меня эти люди с таким мужеством».

В этом бою погиб смертью храбрых актер, певец, поэт и воин Давид Мачабели. И рядом с его телом распростерлось на земле тело Мананы, его верной, невинной и прекрасной подруги...

* * *

Карандаш в руке Гурия застывает. Издали возникают тревожные, скрежещущие звуки.

— Танки... — едва слышно роняет солдат.

Гурий поспешно прячет блокнот в сумку. План последней главы намечен. Теперь только остается написать ее.

Скрежет танков все нарастает.

Гурий и сержант ждут. Они залегли в снег под прикрытием изуродованных орудий. В их направлении ползет головной танк, утюжа гусеницами снег, неумолимо приближаясь.

Рука солдата тянется к гранате.

— Стой! — и Гурий хватает его за руку. — Надо выждать, когда танк подойдет почти вплотную.

Взмах руки! Летит граната и падает в снег, не взорвавшись. Из дула танковой пушки сверкнул огонь. Солдат, слабо ахнув, валится навзничь. Гурия что-то сильно ударяет в грудь, и он расплывается на снегу. Танк проходит, едва не задев его гусеницами. Гурий, сделав над собой невероятное усилие, приподнимается и слабым взмахом руки швыряет гранату. Мгновение — и чудовище, воспламенившись, бешеным костром завертелось на снегу...

Надвигается второй танк. Он идет загзагами, ворочая низко срезанным тупым рылом. Гурий ползет ему навстречу. В груди нестерпимая боль, сердце сжимается. Вот он у самого танка. Под гусеницы летит граната. Пламя... Со взревевшим, словно от нестерпимой боли, мотором, танк резко поворачивает в сторону от Гурия, волоча за собой по белизне снега черный шлейф дыма.

Третий танк останавливается и, словно подумав с минуту, начинает отползать. Тотчас воздух вспарывают автоматные очереди. Над Гурием жужжат пули. Он видит вынырнувшие из леса фигуры врагов. Рассыпавшись цепью, делая перебежку, они, пригибаясь, бегут в его направлении. Гурий из последних сил сжимает в руке гранату.

Внезапно раздается раскатистое русское «ура-а-а!»

Столб огня вырывается из отползающего танка. Доносятся возгла-

¹ Д а й р а — род бубна.

сы врагов, и Гурий видит, как они в беспорядке бегут от преследующих их советских бойцов...

От приступа нестерпимой боли Гурий снова переворачивается на спину. Теперь он не видит ничего, кроме морозного бледного неба. До него доносятся крики: «Вперед!» И словно он сам, находясь в гуще боя, кричит: «Вперед!». Ему кажется, что он кричит очень громко, но это лишь беззвучно шевелятся его губы. Силы все уходят и уходят. Пальцы, разжавшись, выпускают гранату, и рука безвольно падает в снег. А мысли продолжают работать лихорадочными скачками: «Бегут, бегут! Победа!» И в меркнувшем его сознании вдруг возникает видение: будто он со своими орудиями проносится по улице вражеского города мимо зданий, похожих на те, какие он видел в иностранном архитектурном альбоме у Малало.

«Да, Малало, победа!»

Но что это? Над ним склоняется улыбающееся нежное девичье лицо. Малало!.. Он тянется к ней, силясь обвить ее шею руками, но руки ловят лишь воздух... И сразу мысли его проясняются... «Это конец, — думает он, — вот и завершился круг моей жизни... Но клянусь тебе, Малало, я умираю гордо, легко, с непоколебимой верой в победу. Я угадываю будущее. Я даже вижу твой театр! Как он будет радовать глаза тех, кто останется после меня... Вот только поэма моя... Я так и не дописал ее... Одна глава, последняя глава... Быть может, кто-нибудь допишет ее за меня...»

... Сознание Гурия угасает. Он не думает больше ни о чем, только вдруг в ушах возникают странные нежные звуки... Словно дуновение ветерка, доносится к нему тихая песенка... Ее когда-то давно, давно пела его Малало...

Он ничего не видит уже, не чувствует боли, и лишь в ушах еле слышно, замирая, звучит песенка его любимой, нежная песенка о сладостном аромате распустившейся на заре розы...

1950 г.

Анна Каландадзе

НОВЫЕ СТИХИ

Перевод с грузинского Б. Ахмадулиной

МРАВАЛЖАМИЕР

Твоим вершинам,
белым и синим,
Дарьялу и Тереку,
рекам твоим,
твоим джигитам,
статным и сильным,
а также женщинам,
верным им, —

мравалжамиер, многие лета!

Твоим потокам,
седым потокам,
твоим насупленным ледникам,
предкам твоим
и твоим потомкам,
их песням,
танцам
и смуглым рукам —

мравалжамиер, многие лета!

Твоим героям,
делам их ратным,
их вечной памяти на земле,
твоим языкам и наречьям разным,
лету,
осени,
весне
и зиме —

мравалжамиер, многие лета!

Горам и ущельям,
низу и долу,
каждому деревцу во дворе,
Волге твоей,

и Днепру,
и Дону,
Сыр-Дарье
и Аму-Дарье —

мравалжамиер. многие лета!

Твоим строителям неутомимым,
реке,
и речке,
и каждой струе,
тебе, овеянной светом и миром,
тебе,
моей дорогой стране, —

мравалжамиер, многие лета!

ПРЕКРАСНАЯ ГРУЗИЯ

Где же еще Грузия другая?
Гр. Орбелиани.

Все, что видела и читала,
все —
твое,
о тебе,
с тобой.
В моем сердце
растет чинара,
ночью ставшая голубой.
И в минуту самую грустную
предо мною одна,
дорогая,
ты —
прекрасная Грузия.
«Где же еще Грузия другая?»

О луга моей Карталинии,
олени с большими рогами,
и такие хрупкие лилии,
что страшно потрогать руками.
Ты об этом помнить велишь мне.
Я смотрю на тебя,
не мешая,
край,
овеянный былым величьем...
«Где же еще Грузия другая?»

Травы синие
лягут на плечи.
С этих трав
я росинки сняла.
О мои виноградные плети!
О Тетнульда большие снега!
Зажигаются звезды со звоном,
искры белые
визвергая.

Я слежу
за далеким их зовом:
«Где же еще Грузия другая?»

Пусть герои твои умирали —
слава их
разнеслась далеко.
Прямо к солнцу
взмывает Мерани,
и печально звучит
«Сулико».
Живы Алуда и Лела.
Устал Онисэ,
размышляя.
О родина песен и лета!
«Где же еще Грузия другая?»

С тихими, долгими песнями
проходят твои вечера.
Плачут горийские персики,
когда наступает пора.
Они нависают с ветки.
Ветка густая, большая.
Разве ты не одна на свете?
«Где же еще Грузия другая?»

РАЗГОВОР С ЧИАМАИЕЙ В ДЕНЬ ПОБЕДЫ

О медлительная побелка
этих яблоневых лепестков!
Так здравствуй, победа,
победа,
победа во веки веков!
Выходи, чиамаия¹,
празднуй,
тонко крылышками трубя.
Мои руки совсем не опасны —
мои руки ласкают тебя.
Возмужавшей земле обожженной.
не управиться
с новой травой.
Где наш враг?
Он лежит, пораженный
справедливой и меткой стрелой..
Чиамаия, как мы тужили,
как мы плакали, горе терпя,
не смеется
герой Цицишвили,
защитивший меня и тебя.
Чиамаия,
мир, а не горе!
И, вступая в привычки труда,

¹ Чи а м а и я — божья коровка.

тут степенно пройдетя Никора¹
и воскреснет за ним борозда.
Как Никора доволен работой!
Как глаза его добро глядят!
Я стою среди луга рябого.
«Гу-гу-гу...» —
Это вязы гудят...

ТАКАЯ ЛИ БЫЛА ПОГОДА...

Вот солнце
на носки привстало,
и город потянулся сонно.
Ему быть темным
не пристало.
Входило солнце
в город солнца.
И воздух был прозрачный,
ранний,
просвечивающий изнутри.
Стоял Тбилиси, как Ираклий,
у древней крепости Нарі.
Такая ли была погода,
когда в Тифлис вступали персы
и не сдавались им подолгу
его воинственные песни?

ЧТО ТЕБЕ БОЛЬШЕ НРАВИТСЯ?

Маленькой Виоле

Какие розовые щеки —
и в каждой светит по костру,
и глаз голубенькие щелки
еще не клонятся ко сну.
О, девочка,
что «Деда эна»²
тебе расскажет о земле?
Как виноград лисица ела?
Как заяц белым стал к зиме?
С какою трогательной грустью
ты плачешь! Вздрагивают плечики.
Зачем лисице с белой грудью
попались маленькие птенчики?!
О радость первого незнания!
Ты выговорила едва
цветов красивые названия —
«а-и на-рги-зи, а-и и-а».
Все в маленьком твоём рассудке
запечатлелось, но опять
ласкаешь пестрые рисунки.

¹ Никора — кличка быка, ставшая нарицательной.

² «Деда эна» — «Родная речь».

Устала книжка.
Хочет спать.
День к вечеру переломился.
Вот месяц вышел и горит,
а язычок не утомился.
Смеется он
и говорит.
Жизнь будет сложная и долгая.
О, девочка,
запомни так:
страна твоя большая,
добрая,
она вся в реках и цветах.
А ты играешь с мамой в ладушки —
тебе ли думать о судьбе!
Ромашки,
маки
или ландыши —
что больше нравится тебе?

★ ★ ★

Ты такое глубокое,
небо грузинское,
ты такое глубокое и голубое.
Никто из тех, кто тебе грозился,
приюта не обрел под тобою.
Ни турки, ни персы,
и ни монголы
не отдохнули под тобой на траве,
не заслонили цветов магнолий,
нарисованных на твоей синеве.
Ошки,
и Зарзма,
и древний Тао
поют о величье твоём,
о небо!
Птицы в тебе летают
и теряются в тебе,
голубом...

★ ★ ★

Снег аджаро-гурийских гор,
моих гор родных.
О, какой там большой простор,
какой чистый родник!
Маленькая мельница на Губазоули
у ворот моего двора.
Там лавровишни давно уснули
и роса их сладка и добра.
О родина,
уже, наверное, год

я не видалась с ней!
Снег аджаро-гурийских гор,
туман и снег...

ВХОДИЛА В ГУРИЮ КАЛАНДА

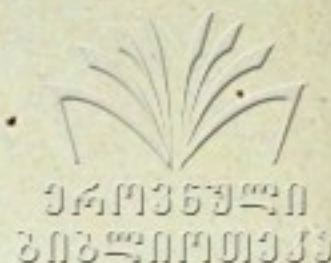
Я помню изгородь под инеем.
Снег падал тихо и светло.
Кричит петух — и вспоминаю я
мое гурийское село.
Проламывалась наледь тонкая
под грузом шага моего,
и лаяла устало Толия,
сама не зная на кого.
Похожий на большую букву,
один на вековом посту
дуб укрывался, словно в бурку,
в свою дырявую листву.
Глубокий снег следы марали,
Тропинка далеко вела,
и возле вещего марани
был ветер пьяным от вина.
Все это где-то и когда-то,
но позабыть о том нельзя...
Входила в Гурию Каланда
и чичилаки¹ нам несла.

★ ★ ★

Когда наступит ночь
и вычернит
все камни и цветы вокруг,
когда на небе месяц вычертит
свой точный, неразрывный круг,
и склонятся ко сну все травы,
все люди,
все живые твари, —
луч месяца соединится
со снегом чистым, молодым,
то белым светом озарится,
то розовым, то голубым.
Их поцелуй так тих,
отраден,
и запахом цветов отравлен.
Лишь палочкою вырубальной
там птица вдалеке стучит.
Кавкасиони величавый
все видит,
слышит
и молчит.

¹ Каланда — новогодье, чичилаки — подобие искусственной елки, выструганной из ветки орешника.

Я СЛЕЧУ, СИРЕНЬ...

Небо синее,
нет у неба предела
здесь, близко,
и там, далеко.
Появилось облачко
и поредело..
Небу тайну хранить нелегко.
Я прикрою веки,
прикрою веки,
чтобы мир едва голубел и серел.
Слечу я
на твои синие ветки,
на твои синие ветки
слечу,
сирень!

Я буду петь твоим мелким цветочкам,
о буду петь,
буду только петь —
твоим прожилкам,
крапинкам,
точкам,
потому что не смогу утерпеть.

Я буду петь голосисто и тонко.
Как мне хочется петь, сирень!
Никому так не хочется!
Может быть, только
небу хочется так же синеть.

О облака!
Я догнать их надеюсь,
я за ними следую
всегда и сейчас.
Но куда я денусь,
о, никуда не денусь,
сирень,
от твоих сиреневых глаз.

О зачем мне скрывать эту тайну?
Навеки,
навсегда
одного хочу:
я слечу на твои синие ветки,
на твои синие ветки слечу.

НЕ Я, А СЕРДЦЕ ХОХОЧЕТ МОЕ

Когда прохожу по долине росистой
меня, как ребенка, смешит роса.
Цветы приоткрывают ресницы,
к моим глазам обращают глаза.
Я вижу движение каждого пестика,
различаю границу утра и дня.

Ветер, подай мне цветок персика,
травой и листьями обсыпь меня!
Я,
эти цветы нашедшая,
хочу,
чтоб они из земли вылезали.
И, как сумасшедшая, —
о сумасшедшая! —
хохочет трава
с растрепанными волосами.
Деревья сняли свои драгоценности
и левой пригоршней меня забросали.
Вот драгоценности — все они в целости.
Деревья,
вы понимаете сами.
Я тоже,
я тоже сошла с ума.
Всего мне мало
и все мне мало!
Хохочет,
хохочет —
не я сама! —
Хохочет,
хохочет сердце мое!
И ты на исходе этого дня
листьями и травой прогоркшей
обсыпь меня,
да, обсыпь меня,
но только правой пригоршней!

Я СОВСЕМ МАЛЕНЬКАЯ ВЕТОЧКА...

Вот я стою — ни женщина, ни девочка,
и ветер меня гладит по плечам.
Я—маленькая, маленькая веточка.
Садовник, утоли мою печаль.

Садовник, заслони меня от ветра:
мой он разоряет лепестки.
Что сделаю я, маленькая ветка?
Ведь у меня ни слова, ни руки.

О подойди, скажи: не солгала ты,
ты—маленькая веточка, прости.
А ветер — он буян и соглядатай,
и ты меня от ветра защити.

* * *

Что делает весна с владениями роз?
Ей хочется заботой их порадовать.
Шиповник медленный свой замечает рост,
и начинают веточки подрагивать.

Как голоса влюбленные пернатые
над каждою лужайкой и тропой!
А вот цветы, поникшие, примятые,
перемешанные с травой.
Их, верно, парни девушкам дарили.
У тех же, видно, помыслы свои:
они сбегают весело в долины,
где новые цветы и соловьи.

★ ★ ★

О ты, чинара, взмывшая высоко, —
страшны ли тебе ветер и гроза?
На фоне просветлевшего востока
ты открываешь медленно глаза.
Всей кожей на рассвете холодея,
ты распуши листву
и так замри,
безмолвная, как Тао и Халдея,
соединеньем неба и земли.
Назначена для страсти и восторга
бровей твоих надменная краса...
О ты, чинара, взмывшая высоко, —
страшны ли тебе ветер и гроза!

ТУТА

Чего,
чего же хочет тута?¹
Среди ветвей ее темно.
Она поскрипывает туго,
как будто просится в окно.
Она вдоль дома так и ходит,
след оставляет на траве.
Она меня погладить хочет
рукой своей по голове.
О тута,
нужно в дом проникнуть
и в темноте его пропасть,
и всей корой ко мне приникнуть,
и всей листвой ко мне припасть.

СКАЖИ МНЕ, ЧИАМАИЯ...

Чиамая, чиамая,
отшумел этот дождик сполна.
Ты такая смешная и маленькая.
Чиамая, где ты спала?

¹ Тута — шелковица.

Твои крылышки, верно, простыли,
когда капля тебя волокла.
Я кажусь тебе тенью в пустыне —
так я рядом с тобой велика.

Чиамаия, в чем твоя радость?
Эти крапинки кто намечал?
Чиамаия, в чем наша разность?
Ведь и мне этот дождь не мешал.

* * *

Что за ночь — по реке и по рощам!
Что за ночь окружает меня!
Ты кричишь: «Эй, паромщик, паромщик!» —
но вокруг ни души, ни огня.

Как далеки и Дзегви, и Мцхета,
и таинственный месяц в реке.
Он молчит, но так слышимо это.
Что он думает там вдалеке?

ЗВЕЗДЫ

Апрельская тихая ночь теперь.
Те птицы и эти
свои голоса сверяют.
О звезды, —
невозможно терпеть
как они сверкают,
как они сверкают!
Земле и небу
они воздают благодать
и, нарушая темноту этой ночи
сверкают,
сверкают —
издалека видать! —
мои звезды
и твои очи.
Теперь апрельская тихая ночь,
и глаза к ней медленно привыкают.
О звезды, — мне это все невмочь —
как они сверкают!
как они сверкают!

* * *

Я тебя увенчаю короной,
я тебе жемчугов надарю.
Захочу я — и славой короткой,
громкой славой тебя наделю.

А когда ты затихнешь в восторге,
я сама засмеюсь, удивлюсь.
Для тебя я взошла на востоке.
Для тебя я на запад склонюсь.

ЛАДО АСАТИАНИ

Вспомнят меня, как Никалу
и наступят на теплую могилу мою.
Л. Асатиани. 1

Где-то поблизости солнце и ветры
дадут акации зацвести поскорей,
и осыплются эти белые ветви,
осыплются
над могилой твоей.
Я-то знаю, что под этой елью
ты уснул,
положив свою голову в маки.
Взбудораженный любовью,
наполненный ею,
ты лежишь,
как лежат все поэты и маги.
А земля наполняется парусами
и цветами,
которые тебя так манили...
А Пиросмани?
О Пиросмани
придет к твоей теплой могиле...
Ты умер, окончился,
но снова прокрался
в эту жизнь.
Велики твои радость и грусть.
О весна! — взгляни, сколь она прекрасна!
А цветы все падают и падают тебе на грудь...

ОБЛАКА

Грозы и солнца перемирие
и облака несут утрату
дождя —
над всем:
над пирамидами,
над Хетой,
Мидией,
Урарту.
И радуга — грозы напарница
встает, и пенится Кура.
Куда теперь они направятся?
Куда? Не ведаю, куда?

1 Л. А с а т и а н и — грузинский поэт.

ИЗ ЧЕХОСЛОВАЦКОЙ ТЕТРАДИ

ВЛТАВА

Влтава сверкает у моста Карла,
слегка касаясь плакучих ив.
Я — в Чехии. И сбывается карта,
и превращается в город, и город красив.

О Влтава, стремительная погоня
воды за ветром.
Ты не даешься словам.
О Влтава, ты чиста и покойна,
как сердце чехов и всех добрых славян.

Так глубока твоя каждая капля,
и в каждой огни, и огни горят.
Вода засыпает у острова Кампа,
и ивы склоняются и говорят.

Уже зацветают каштаны Праги,
и занимается новый день.
Исполненная отваги и правды
встает Яна Гуса строгая тень.

Город украшен серебряными венками
Они посвечивают всю ночь до утра.
Так чтут героев, погибавших веками,
желавших тебе, о Прага, добра.

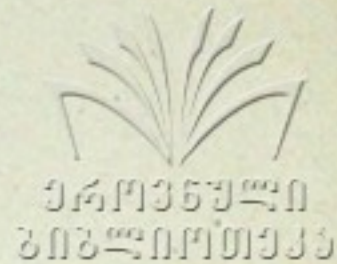
Рассвет возникает туманно и жидко.
Память сражений чиста и строга.
На горе Виткова ополчился Жижка
и отвел от города руки врага.

О Чехия,
суровая кара
всегда постигала врагов твоих.
Влтава сверкает у моста Карла,
слегка касаясь плакучих ив.

НА ВЫСТАВКЕ МЕКСИКАНСКИХ ХУДОЖНИКОВ В БРАТИСЛАВЕ

Это синие горы Ромеро Ороско.
Этой земли каждая малая пядь.
Прощай, — я ухожу.
Здравствуй, — о робко
я возвращаюсь опять.
О строгое и нежное месиво
дождя, и солнца, и свежей травы.
Это ты, Мексика?
Это ты, Мексика —
с бахромчатой шляпой вокруг головы.

Поет гитара,
И возвышаются росло
синие горы.
Я на синие горы гляжу.
Я приближаюсь к тебе, Ромеро Ороско,
и опять ухожу.

ЗЛАТА УЛИЧКА

На этой улице,
в потемках старины,
все двигалось в каком-то мертвом темпе..
Здесь госпожа таинственная Тепи
вещала и разгадывала сны.

Она, накидку черную надевши,
шептала и впадала в немоту.
Исполнены отчаянной надежды,
алхимики смотрели в темноту.

И, извиваясь, словно тело кобры,
горело пламя, выбившись из сил,
но мертвенно отсвечивали колбы:
«Беспомощен ты, мудрый элексир».

Здесь слышны звоны дальние Лореты..
И только камни помнят:
в старину
надменные придворные поэты
здесь хаживали, вперившись в луну.

Прославиться им, бедным,
дал ли бог?
Но ты живешь,
все так же строг и волен,
к поверженным взывавший Далибор,
ты, гордый дух,
ты, неподкупный воин.

Умолкли те зловещие уста,
и в воздухе, пронизанном грачами,
так расцветает и шумит листва
деревьев, примыкающих к Градчану..

ЮЛИУС ФУЧИК В ПРАГЕ

Вот я над Влтавой встала,
цветок в руке держу.
Мне тихо шепчет Влтава,
а что — я не скажу.

Весенней доброй правдой
весенних добрых дней
сияет день над Прагой
и надо мною —
в ней.

И, молодо бунтуя,
сливаются, плеща,
шуршанье ив, и туи,
и лавра, и плюща...
О Прага, я волнуясь!
Я представляю, как
двором тюремным Юлиус
шагал с цветком в руках.
Дитя двора тюремного
мерцал, как огонек,
чуть синий, чуть сиреневый,
чуть беленький цветок.
Но, как бессмертна юность
и вечные слова,
так ты бессмертен, Юлиус,
и в этом я права!
Вот, вместе с нами празднуя,
под уличный галдеж
свободной, гордой Прагою
свободный, ты идешь.
Идешь ты, не сутулясь.
Ты молод и высок.
И ты смеешься, Юлиус,
и даришь мне цветок!

ЦВЕТЕНИЕ ЛОЗЫ

Р О М А Н

(Продолжение)

Авторизованный перевод с грузинского С. Трегуба

Тетя Варя, подсевшая к Церодене, прошептала:

— Чтоб ему пусто было. Это он отобрал у нас большой виноградник. Погляди, настоящий лесной человек. В таких грязных сапогах показаться в обществе! Ah! Mon Dieu, mon Dieu!

Церодена, зная свою соседку, испугался, как бы она еще чего не сболтнула, и пересел к Сускии Миндели.

Коринтели, Арадели и дядя Нико были обрадованы приходом дорогого гостя.

— Если вам не нравится белое вино, сейчас же принесут красное, — суетился дядя Нико. Он приказал наполнить кувшинчики и провозгласил тост за Цихистави.

Разгорелся оживленный разговор. Арадели вспоминал:

— В Токио со мной и Вахтангом заговорил английский ученый-цитрусовод. Он сказал: «Белые никогда не смогут заниматься той примитивно-механической деятельностью, которая превращает человека в машину. Для этого мы, белые, обязательно должны использовать китайцев, малайцев и прочих желтокожих». И как это ни странно, его поддержал японец.

— В этом нет ничего странного, — заметил Коринтели. — В Японии очень сильны реакционные взгляды. По той же причине, по которой плагиатор ненавидит автора, у которого он постоянно крадет, или ленивый и неспособный ученик ненавидит своего учителя, многие японцы ненавидят китайцев. Японская аристократия куда более реакционна, нежели европейские бароны времен крестовых походов.

Коринтели и Цихистави заговорили о бермухских делах. Цихистави сообщил, что в ЦК одобрили идею строительства маленькой ГЭС в Гвелети и скоро отпустят средства.

Вмешался тамада:

— Заклинаю вас не говорить здесь о делах. Отдыхайте.

XI

Нападение на Нуну произошло, как мы помним, в субботу вечером. На следующий день жители Бермухи стали свидетелями нового, довольно странного происшествия. Ранним утром они увидели у основания крепости Мамуки оленя, спустившегося с гор. Он стоял на недосыгаемой скале и трубил. Эхо вторило ему в ущельях.

Услышав этот трубный зов, остановились идущие к алазанским лугам пастухи, свинопасы и даже трактористы прекратили работу.

Пожилые мужчины пожимали плечами, так как время весеннего гона оленей давно прошло. Погонщики стада, ночевавшие в развалинах крепости Мамуки, выскочили при виде оленя, совсем близко подкрались к нему, но стрелять не посмели, пораженные красотой лесного великана.

Олень стоял на своем естественном постаменте, гордо держа тяжелые ветвистые рога. Он внимательно осмотрел плоскогорье Девяти дубов и двинулся к алазанским лугам. Первым, кто встретил его на равнине, оказался мельник Ниортава. Он до того растерялся от столь неожиданной встречи, что забыл про ружье, висевшее у него за спиной, и швырнул в оленя камень.

Олень рысью промчался мимо колхозной конюшни. В этот самый момент заведующий коневодческой фермой Копешавидзе садился на коня. Конь испугался оленя, кинулся в сторону, а его седок брякнулся о землю.

Свинопас Попола гнал на пастбище свиней. Олень разогнал стадо, а самого Попола заставил орать, как ошпаренного. Разогнал он и отару овец, так, что чабаны не успели и опомниться. За оленем погналось было несколько овчарок. Но он оставил их далеко позади, свернул с дороги и побежал на колхозные бахчи. Как бы зная о доброте женщин, он не обратил внимания на возгласы работавших в поле колхозниц, остановился у канавы, коснулся мордой воды и медленно двинулся к зарослям.

Тут за оленем погнались дети. Тогда он перемахнул через высокую придорожную посадку акации и снова вышел на дорогу.

Из Телави в это время ехала грузовая машина с людьми. Шофер дал газу, пытаясь нагнать оленя. Люди закричали, засвистели. Олень закинул рога за спину и, вытянув вперед шею, помчался еще быстрее.

Но вот начался подъем. Машина сбавила ход. Замедлил бег и олень. Настал момент, когда машина чуть не догнала его. Но животное, почуяв смертельную опасность, напрягло свои последние силы и понеслось вперед с такой быстротой, что казалось, будто оно обрело крылья.

Навстречу оленю ехали всадники. Тогда он перелетел через изгородь и помчался по тропинке к сараю, в котором хранились саженцы.

Именно в этот момент Годердзи, искавший в сарае секатор, увидел, что одноглазый Гайоз с юношеской живостью сорвал со столба свою заржавленную берданку и выскочил из сарая.

«Не подрался ли с кем сварливый старик?» — подумал Годердзи и побежал за ним.

— Зачем тебе ружье? — крикнул Годердзи.

— Олень, олень! — неистово орал Гайоз.

Годердзи, не успев еще разглядеть оленя, инстинктивно выхватил у Гайоза ружье. И лишь тогда он увидел, как вдоль рядов недавно рассаженных лоз, беззаботно пощипывая траву по краям тропинки, точно лошадь, выпущенная на пастбище, действительно, двигался олень.

Годердзи залюбовался им. Он хотел приблизиться к животному и побежал, скрываясь за персиковыми деревьями, посаженными вдоль виноградника.

Олень направлялся к югу. Годердзи подумал: «Там такие густые заросли терновника, что животное их не преодолеет. Оно обязательно повернет к «Лисьему ущелью» и выйдет на микроучасток».

Годердзи достиг уже деревянного мостика, перекинутого через овраг, и мог отсюда наблюдать за движением оленя по ущелью. Но тот

опроверг все расчеты Годердзи. Он подошел к зарослям терновника и исчез в них...

Годердзи до того расстроился, что оступился на мостике и полетел в овраг. Он больно ударился головой о камень. Когда он оттуда выбрался и возвратился к сараю, одноглазый Гайоз всполошился:

— Что с тобой, Годердзи?

У юноши на лбу запеклась кровь.

Годердзи разорвал носовой платок, посыпал рану табаком и с помощью Гайоза туго перевязал ее.

Они присели на бревно. Гайоз набил трубку и, приминая табак пальцем, корил юношу:

— Поделом тебе! Сам ничего не сделал и мне не дал выстрелить.

— Ты стал бы стрелять в оленя?

— А что? Он же не мой крестный. Ты не шути с одноглазым Гайозом. Дай бог тебе столько лет жить, сколько козлов и оленей я убил.

— Разве ты не знаешь, что за убийство одного оленя дают сейчас пять лет тюрьмы?

— Э-э, кто бы увидел в такую рань?

— А меня за кого ты считаешь?

— Ты выдал бы меня? Зачем же ты сам за ним гонялся? А?

— Меня охватил азарт, дорогой Гайоз. Я не убить его хотел, а только посмотреть на него вблизи.

— Так я тебе и поверил, — старик сердито сплюнул. — Эх, исчез зверь в наших краях. Не жить уж там оленю, где появятся тракторы. А жаль... Сколько оленей поубивали мы с твоим дедушкой в этих лесах...

Годердзи не мог простить себе того, что послушался Нуну и не проводил ее домой. Если бы он был с нею, то ничего бы не случилось.

Много возникло в Бермухе толков относительно того, кто напал на Нуну. Думал об этом, разумеется, и Годердзи. Но он ни с кем не делился своими подозрениями. Прежде всего, нужно было поговорить с самой Нуну.

Годердзи послал было к девушке свою родственницу, просил ее разузнать у Нуну, не подозревает ли она сама кого-либо, чтобы тем самым проверить свои подозрения. Родственница вернулась и передала слова Нуну: «Если бы знала, то сказала бы следователю». Но опытная в житейских делах женщина от себя добавила: «Нуну говорит не то, что думает. Она ведет себя странно, что-то скрывает».

— Почему ты так решила? — спросил Годердзи.

— Я не слышала уверенности в ее голосе, и она очень покраснела.

Шли дни. Колхозники работали в поле, а Нуну по-прежнему не было видно. К председателю колхоза явился Малхаз и сказал, что у нее поднялась температура.

Годердзи отвел мальчика в сторону и спросил, действительно ли у Нуну температура. Малхаз чмокнул губами и замотал, в знак отрицания, головой. Потом он подтвердил, что температура есть:

— Лежит.

Затем Малхаз снова чмокнул и замотал головой.

Странно! Весь день Годердзи ходил, как неприкаянный. Он злился на всех, упрекал в плохой работе. Наткнувшись на длинного, как жердь, Лалбацу, он обругал его, выхватил у него мотыгу и в течение часа сам мотыжил землю.

— Вырос с версту, а до сих пор не выучился обращаться с мотыгой. Сколько раз тебе говорили: нельзя мотыгой касаться побега лозы, портить кору. Ведь это живой организм.

— Допустим, что живой... — мрачно ответил Лалбаца.

— Вот именно, живой.

— Не живее меня, — гримасничал Лалбаца, — в особенности после выпивки.

— Да, в выпивке с тобой никому не сравниться.

— Скажи пожалуйста, почему ты злишься? — спросил Лалбаца.

— Смотрю на тебя, вижу, что ты ни на что не годен, вот и злюсь, — ответил Годердзи.

Лалбаца почесал затылок и осклабился.

— Чего смеешься? — набросился на него Годердзи.

— Я хотел бы, чтобы ты так каждый день на меня злился и выполнял за меня норму, — спокойно сказал Лалбаца.

У Годердзи, как мы уже знаем, была перевязана голова. Это дало кое-кому основание окончательно уверовать в то, что Годердзи и в самом деле был вместе с Нуну, когда на нее напали, что избили и его, а Нуну потащили в лес... Версию эту охотно поддерживали все лодыри, которые ненавидели Годердзи.

Годердзи встретил Натю Таралашвили. Она была огорчена, подавлена. Такой ее никто никогда не видел. Причиной оказалась болтовня Гайоза, который, без злого умысла, конечно, сказал в ее присутствии, что он видел в субботу, в полночь, Годердзи и Нуну у колхозного сарая.

Раньше, когда ее подруги шутили относительно того, что Годердзи-де к ней равнодушен, она фыркала и говорила: «Какая разумная девушка согласится стать женой человека, у которого дома сумасшедшая тетка и слепой дед?». Но как только распространился слух о том, что Годердзи влюблен в Нуну, Натя почувствовала себя оскорбленной.

Ненависть и любовь всегда сопутствуют друг другу, качаются на двух чашах одних весов; иногда бывает достаточно добавить крошечный груз на одну из сторон, чтобы нарушить равновесие.

Так случилось и теперь. Натя, которая была равнодушна к Годердзи, сразу возненавидела его, и не только его, но и свою подружку Нуну.

Когда Годердзи спросил Натю о здоровье Нуну, она гневно посмотрела на него, сорвала листок персикового дерева, нервно помяла его и со злорадством сказала:

— Вчера вечером ей было очень плохо. Рана загноилась. Кетуа, будь она неладна, с утра ушла к Маро, оставив Нуну на попечение ее брата-дурачка.

У Годердзи перехватило дыхание:

— Как? И врача не вызывали?

— А кому было вызывать? Я хотела сегодня привести врача, да вот работа не позволила.

Натя снова сорвала с дерева листок. Зло усмехнувшись, она многозначительно произнесла:

— Так всегда случается, когда девушки на выданье начинают по ночам гулять с мужчинами.

Годердзи возмутился:

— Что ты говоришь? С какими мужчинами? Насколько я знаю, Нуну в ту ночь одна возвращалась домой.

Натя иронизировала:

— Одна, говоришь, возвращалась? А что ей нужно было ночью у колхозного сарая?

Годердзи смутили эти слова. Он хотел уже сказать Натии, что сам проводил Нуну до МТС, но прикусил язык и сказал другое:

— А как ты думаешь, Натя, с кем была в ту ночь Нуну?

Натия слукавила:

— Откуда мне знать, с кем гуляет по ночам Нуну?

Годердзи хотел сказать ей что-то резкое. Еще несколько минут назад он не мог себе представить, чтобы девушка с таким открытым лицом, приветливая, добрая, могла быть такой злой. Но он сдержался.

— А все же, что говорят, Натия, с кем была Нуну в ту ночь? — еще раз спросил он.

— Откуда я знаю, — раздраженно ответила Натия. — Ты меня так об этом спрашиваешь, будто бы я там была. Тысячу разных вещей говорят. Говорят и то, — она пристально посмотрела на перевязанный лоб Годердзи, — что будто бы того жалкого труса, который был с ней, здорово избили.

Юношу словно ожгли крапивой. Это его она имела в виду, говоря о «жалком трусе».

— Кто же распространяет такие слухи? Скажи мне. Как сестру, прошу тебя, Натия.

Он назвал ее сестрой. В другое время это слово пришлось бы ей по душе. Теперь же оно ее только злило.

— Могу сказать, если тебя так интересуется, — ответила она. — Канкре, например.

И, измерив своего собеседника пренебрежительным, высокомерным взглядом, Натия удалилась.

Годердзи решил: пусть говорят, что угодно, а он найдет доктора и сам приведет его к Нуну. Но доктор, оказалось, уехал в Телави. Его ждали с минуты на минуту. Огорченный Годердзи побрел по улице...

Тут-то и встретил его председатель колхоза. Он схватил Годердзи за руку:

— Жена моя ушла к родственникам, пойдем ко мне обедать, не люблю одиночества.

— Не хочется мне что-то.

Тедо в упор смотрел на юношу.

— Ты, мне кажется, не в настроении, а у меня дома — буглама¹ из ягненка.

— Спасибо, дядя Тедо, я уже обедал, — сказал неправду Годердзи.

— Что с тобой, парень? Я тебя таким никогда не видел.

— Ничего, дядя Тедо. Вчера дедушке было плохо, и я не спал всю ночь.

— А лоб где разбил?

— Переходил через мостик у «Лисьего оврага» и оступился.

У одного из домов их внимание привлекли три гончих собаки: пестрая, черная и в желтых крапинках.

— Интересно, какой глупец собрался на охоту в такую горячую пору, — заметил Тедо.

И как бы в ответ на эти слова, из дома вышел пьяный Лалбаца и принялся их упрашивать зайти к нему в гости.

Тедо недовольно ответил:

— Разве время сейчас ходить по гостям?

Лалбаца обиделся. Из его дома вышли пьяные Канкре и Гагрия.

Тедо несколько ушел вперед.

— Здравствуй! — сказал Канкре.

— Здравствуй! — холодно ответил Годердзи и пристально посмо-

¹ Буглама — мясо, тушенное особым способом.

трел ему в лицо. Он заметил на нем ссадину и синяк. — Дядя Тедо, по-
дожди! — крикнул Годердзи.

Тедо остановился. Он видел, как Канкре, Гагриа и Лалбаца
жили Годердзи.

Канкре схватил его за ворот рубахи и нагло произнес:

— Как поживаешь, джигаро?¹

— Джигаро? — переспросил Годердзи и заставил убрать руку. —

Что это за слово?

— Городское слово.

— Городское или блатное?

— Что есть, то есть. Городское или блатное — все равно!

— А я не люблю блатных слов.

Но Канкре не отставал:

— Нет, ты все же ответь, как поживаешь?

— Хорошо.

— Что-то не видно, что хорошо.

— Почему?

— Что это у тебя со лбом?

— Ничего. В темноте споткнулся и упал.

Канкре пьяно усмехнулся:

— Гм... А мы-то думали другое.

— А что думали?

Канкре поднес кулак к своему лицу и подмигнул Годердзи:

— Хуже думали, джигаро.

— Что именно?

— Злые языки говорят, что тебя избили.

— Кто тебе сказал такую глупость?

— Все говорят.

— Как хочешь, так и думай.

— Нет, я думал, что ты мужчина, а ты — баба. Будь я на твоём
месте, я бы на тот свет отправил этих сукиных сынов.

— Нечего хвастаться, время покажет, кто из нас мужчина. А тебе,
Канкре, советую не походить на тот горшок, который хвастался, что у
него золотое дно.

— Горшок! Ха-ха-ха! Мы то знаем, кто действительно горшок, да
еще треснутый, — нагло хохотал Канкре, посматривая на завязанный
лоб Годердзи.

Лалбаца знал — достаточно еще одного слова, и начнется драка.
Чтобы предотвратить ее, он решил вмешаться.

— Пойдем к нам, Годердзи, — сказал он. — Отведай нашего хле-
ба-соли. Хватит того, что ты день и ночь ругаешься с нами на работе.

— Если я и ругаюсь с вами на работе, так это не со зла ведь, а по-
тому, что я добра вам хочу. Трудитесь-то вы не на меня и не на моего
деда. Если все мы будем хорошо работать, то нам же и жить будет
лучше.

— Э, брось, пожалуйста, не учи уму-разуму, надоело, — буйствовал
Канкре. Он отбросил руку Лалбацы и вплотную подступил к Годердзи.

Лалбаца снова разнял парней. Он наклонился к Годердзи:

— Заклинаю тебя именем матери, пошли к нашему столу.

— Не время сейчас, Лалбаца, — отказывался Годердзи. — К тому
же меня ждут, — он указал на стоявшего под деревом Тедо.

Тедо подошел ближе.

¹ Джигаро — дружище (жаргонное выражение).

как этот механизм, — говорил Годердзи. — Это зависит от каждого из нас. Не сердись на меня, не считай меня зазнайкой. У меня, как у каждого, много недостатков. Один из них — грубость. Но если я бываю порой груб, то это потому, что в своем детстве я мало знал ласки, любви...

Лалбацу тронули эти простые, сердечные слова. Он почесал затылок и ответил:

— Я не в обиде на тебя, Годердзи. Я не так глуп, чтобы не отличить горькое слово, сказанное от чистой души, от доброго слова, сказанного со злым умыслом. Но я тебе вот что скажу. Вы, коммунисты, вечно в труде, в борьбе—и другим не даете покоя. Газеты только и пишут: бороться за хлеб, бороться за чай, бороться за урожай винограда, все бороться и бороться... А жизнь-то человека коротка. Я не лук-порей и не чеснок, который можно сорвать, а он снова вырастет. Дедушка мой надорвался на работе в винограднике генерала Вачнадзе, здесь, на этом же Цхрамухском плоскогорье. Когда сейчас решался вопрос о закладке виноградников, дедушка Микела и Абриа Уджираули забыли рассказать одну вещь. Возможно, им память изменила.

Виноградник Вачнадзе погиб не только от вредителей. Была страшная засуха. В августе пошел град величиной с воронье яйцо. Люди не помнили еще такого бедствия. Оно превратило нашу цветущую Кахетию в пустыню. Народ голодал, питался лесными ягодами и кореньями. Тогда крестьяне стали по ночам высасывать сок из виноградной лозы...

— Что ты говоришь, Лалбаца? Разве это возможно?

— Сомневаешься? Можешь сейчас попробовать. Разрежь ветку лозы пополам, положи в рот срез, и ты почувствуешь, как из него потечет сладкий сок. Так вот, голодные крестьяне набросились на виноградники нашего Вачнадзе. А у генерала были охранники. Они напали на крестьян и многих убили. Моего деда тоже убили. Скоро я потерял всех своих родных. Я и три мои брата были, как ты знаешь, выращены соседями. В пятнадцатом году мои братья погибли на фронте, и я остался один в том самом доме, куда ты и Тедо отказались зайти.

Годердзи стало искренне жаль Лалбацу. Он думал о том, как загладить свою вину перед ним.

— Я не женился, — продолжал Лалбаца. — Кто пойдет за такого несчастного? У меня нет ни дочери, ни сына. Со мной живут три гончих пса. Вот и вся моя забота. Когда удастся, я пью вино и тем тешу душу.

Годердзи выслушал Лалбацу, взял его дружески за руку и сказал:

— Твоя боль, дорогой Лалбаца, мне понятна. Я обязательно зайду к тебе. Но я хочу, чтобы и ты понял мои слова. Партия думает о всех нас, а, значит, и о том, как бы тебе жить лучше. Ты вот говоришь: «вы — коммунисты», отделяешь себя от нас. Вы, мол, одно, а я — другое. И в этом — твоя большая ошибка. Ведь интересы партии неотделимы от интересов народа. Если завтра-послезавтра наш колхоз станет, к примеру, миллионером, как ты считаешь — хорошо будет только коммунистам или всем нам? Партия хочет, чтобы мы жили богато и культурно. Правильно?

— Правильно, — улыбаясь, ответил Лалбаца.

— Ты говоришь, что у тебя нет ни сына, ни дочери. Не обижайся, мой Лалбаца, за то, что я, младший по возрасту, скажу тебе, уже седому человеку — во многом ты сам виноват. Перестань бездельничать, пьянствовать, обзаведись семьей и тогда жизнь твоя изменится. Мы все от души желаем тебе этого.

— Ты и в этом прав, конечно, — сказал задумчиво Лалбаца. Ему было сейчас стыдно за себя.

А Годердзи от души посоветовал:

— Брось этого Канкре. Дружба с ним к добру не приведет. И еще

я тебе скажу, Лалбаца: каждый человек склонен к лени. Труд кое в чем похож на вино — однажды почувствовав его вкус, трудно от него отвыкнуть. Почувствуй настоящий вкус труда...

Лалбаца не спорил. Слова Годердзи заставили его о многом задуматься. Он сказал, как бы оправдываясь:

— Я обещал Канкре пойти с ним на этих днях охотиться. Слово мужчины дороже золота. Я выполню свое обещание. Но если он не исправится, тогда конец...

Годердзи хотел было спросить его, когда и куда они собираются на охоту. Но Лалбаца взял в руки мотыгу. Пришел и Тедо Таралашвили и передал Годердзи, что их срочно вызывают на совещание в Кварели.

Годердзи вернулся из Кварели в ту же пятницу. Беседа с Лалбацей оставила в его душе глубокий след. «Как долго я встречался с этим человеком, — корил себя Годердзи, — ругал его, и ни разу мне не пришло в голову поговорить с ним так, как сегодня, откровенно, тепло, товарищески. А он ведь именно в этом нуждался». Годердзи решил пригласить его к себе в субботу вечером.

С утра он искал Лалбацу, но его на участке не было. Не вышли, оказалось, на работу и Канкре и Гагрия. Обычно так оно и случалось: если из этой тройки не выходил на работу один, то исчезали и двое других. Годердзи подумал, что они, вероятно, отправились на охоту, как о том говорил Лалбаца.

Вечером, после работы, Годердзи шел в сельсовет и ему встретился Ниортава. Юноша любил Ниортава настолько, насколько могут любить друг друга различные по характеру люди.

Годердзи принадлежал к тому типу людей, которые воспринимают жизнь активно. Они всегда на взводе, как курок у ружья. Жизнь для них полна, прежде всего, действия, героики.

Ниортава же больше любил наблюдать жизнь, нежели в ней активно участвовать. И он воспринимал ее не в героическом плане, а, скорее, в смешном, комическом.

Этим, несомненно, определялись и их совершенно разные темпераменты.

Годердзи остро и сложно ощущал жизнь, Ниортава — спокойнее, проще. Но юноше нравилось то, что Ниортава легко переносил трудности, никогда не плакался встречному-поперечному, не омрачал радости товарищей своим дурным настроением, хотя жизнь его была отнюдь не веселой.

— Как поживаешь? — спросил мельника Годердзи.

— Лучше всех, мой дорогой.

— У тебя, я вижу, хорошее настроение.

— Еще бы! — ответил Ниортава. — На нашей мельнице ласточки развели много гнезд. Вчера, в мое отсутствие, мальчишки разорили одно из них. Ох, попадись они мне, я бы оторвал уши этим негодьям. Но вот я иду сейчас сюда и вижу, что две ласточки суетятся вокруг разрушенного гнезда, тащат в клювах солому, пух. Они заново строят гнездо. Их упорство достойно подражания. Оно веселит сердце.

Годердзи от души рассмеялся, а Ниортава хитро подмигнул ему:

— Если ласточки заново строят гнездо, то на что же ты смотришь, парень? Если бы я был писателем, то сказал бы всем неженатым и незамужним: «Как вам не стыдно, почему вы не вьете свои гнезда? Жизнь — величайшее счастье, и вы должны познать его полной мерой».

— Все это хорошо, — улыбнулся Годердзи, — но почему ты сам не показал нам в этом деле примера?

— Я не такой счастливый, как ты, Годердзи,—ответил Ниортава.— Старое время, будь оно проклято, так сильно потрепало меня, что я превратился в летучую мышь и укрылся на мельнице; летучие мыши ведь только и живут на старых мельницах да в разрушенных крепостях.

Ниортава положил на плечо юноши свою руку.

— Эх, и мне тяжелое наследство оставило старое время, — вздохнул Годердзи.

— Что ты? — возразил Ниортава: — Да продлит бог жизнь твоих близких. Но твой дедушка ведь умрет, и твоей несчастной тетке тоже не суждено долго жить. Ты останешься совершенно одиноким, таким, как я. Но я уже стар, а ты молод. Умереть одиноким не то, что одиноким жить.

Годердзи понял, конечно, на что намекает Ниортава.

Прощаясь с ним, он, между прочим, спросил:

— Не ловил ли ты на днях рыбу?

— Рыбу? — удивился Ниортава. — И не думал. Позавчера ребята просили меня сопровождать их в охоте на оленя. Но на кого оставить мельницу? Ты, вероятно, слышал, что произошло со мной, несчастным. Вышел я из мельницы и наскочил на оленя. Он был в двадцати шагах от меня. И что, ты думаешь, я сделал? До того опешил, что забыл про ружье, которое болталось у меня за плечами, и швырнул в оленя камень.

— Что же было потом?

— Потом? Олень и судьба похожи кое в чем друг на друга, — ухмыльнулся Ниортава. — Обоих надо вовремя схватить за рога.

Они уже было распрощались. Уходя, Годердзи крикнул мельнику:

— Кто приглашал тебя на охоту?

— Канкре, Гагрия и Лалбаца, — ответил Ниортава.

— Куда они отправились?

— К Дуруджскому ущелью.

Годердзи так и полагал: у оленя нет другого пути, как через Дуруджское ущелье.

В прошлую ночь юноша поделился переживаниями со своим другом Ваном Хелашвили. Обычно спокойный Ван на этот раз реагировал очень горячо:

— Как жаль, что этот негодяй Канкре убежал от нас в ту ночь. Мы бы его проучили.

— Ничего, за нами не пропадет, — успокоил его Годердзи.

— Знаешь, — сказал Ван. — У моего отца был дикий жеребец. Никто не мог объездить его. Отец наполнил хурджин¹, взвалил его на коня, сам сел верхом, ввел коня в Алазань и плетью начал водить по морде коня: вверх — вниз, вверх — вниз. С тех пор этого дикого жеребца нельзя было узнать, таким он стал смиренным, послушным. Поверь, Годердзи, что Канкре ждет та же участь.

Они о многом еще переговорили. Ван вызвался сопровождать Годердзи. Тот решительно отказался. Тогда Ван предложил ему своего тушинского коня — крепконового и привычного к горам, а также отличное охотничье ружье.

Утренние тени еще лежали в Дуруджском ущелье, когда Годердзи пустился в путь. Постепенно края облаков, нависших над Кавкасиони, светлели, и из ущелья уплывали клочья белого, как снег, тумана. На фоне зеленовато-серых гор выделялись верхушки елей, похожие на зубцы огромной расчески.

¹ Хурджин — переметная сума.

Вершины скал с наседавшими одна на другую серыми глыбами казались древними крепостями и замками, вознесенными к небу.

С утесов взлетали орлы и круто поднимались ввысь.

Горная река Дуруджи, давшая имя этому ущелью, пенилась по террасам, покрытым мхом, волоча за собой валуны, похожие на трупы гигантских дэвов.

Все выше и выше поднимался Годердзи. Его конь медленно плелся, вытянув шею. Он явно устал. Всадник пожалел его, слез, закрепил на седле поводья, ружье—и пошел вперед, наслаждаясь сказочной красотой этих мест.

Вдруг он услышал ржание чужого коня. Вслед за этим раздался стук копыт и донесся чей-то возглас. Вскоре Годердзи лицом к лицу столкнулся с маленьким человеком в чохе¹, который вел на поводу низкорослую лошадку.

На голове у этого человека была ярко-красная папаха, на коротких ногах — пестрые паичи², какие обычно носят горцы. Спереди висел черныи кинжал.

Путник оказался лезгином. У него было благообразное лицо и длинные усы, торчавшие кверху, как пики. Голубые его глаза блестели. Улыбаясь, он обнажал крепкие белоснежные зубы.

Говорил он по-грузински плохо, то и дело употреблял слово «кацо», но «ц» не выговаривал, и вместо «кацо» у него получалось — «касо».

Выяснилось, что этот лезгин два дня в пути, едет он из Дагестана.

Годердзи поинтересовался, не встречал ли он в пути охотников. Охотников он не встречал, но ему попались три гончих собаки.

— Какого цвета? — спросил Годердзи, угощая лезгина папиросой.

Тот задымил и припомнил, что одна собака — пестрая, вторая — черная, а третья — с желтыми пятнами.

«Собаки, конечно, Лалбацы», — подумал Годердзи.

— Значит, охотников нигде не встречал? — повторил он.

— Говорю же тебе, касо, не встречал, — ответил лезгин. Он добавил лишь, что потом несколько раз слышал чей-то свист и лай собак.

— Где слышал?

Лезгин, с трудом произнося грузинские слова, ответил, что надо вдоль Дуруджи проехать до развалин старой церкви, потом свернуть вправо и подняться по тропинке до крепости на горе. Как раз там он и слышал чей-то свист и лай собаки.

Нетерпение охватило юношу. Он поблагодарил лезгина, угостил его еще одной папиросой, и они расстались.

Только через час Годердзи приблизился к заросшим плющем развалинам старой церкви. Он свернул направо и двинулся вверх по каменистой тропинке. Она была настолько крутой и узкой, что он предпочел спешиться.

Старый, белоголовый орел сидел на развалинах церкви и, подняв крыло, беспечно чесался.

Охотничий азарт захватил Годердзи. Орел поплатился своей жизнью.

Не успел Годердзи подойти к свалившемуся орлу, как из лесу выскочила черная собака и, дико лая, набросилась на смертельно раненого хищника. Тот, защищаясь, бил по земле своими мощными крыльями и так саданул собаку по спине своим окровавленным клювом, что та завывала и бросилась назад, в лес.

¹ Ч о х а — национальный костюм.

² П а и ч и — ноговицы.

Подобрав подстреленного орла, Годердзи поехал дальше. Он свистел, звал собаку, но она будто бы провалилась сквозь землю.

Остановился он у пещеры, скрытой в скале.

Годердзи вошел туда.

На огромном камне стоял высеченный из камня гроб, в котором покоился длинный скелет. На стене — два заржавленных железных обруча. Юноша когда-то бывал в Хевсуретии и узнал горское погребение.

Годердзи привязал коня к железному обручу, прихватил ружье и по тропинке, извивавшейся у подножья скалы, двинулся пешком, так как по ней нельзя было проехать всаднику. Дорога привела его на площадку, окруженную с трех сторон ельником. В центре высились развалины крепости, поросшие кустарником. Некогда она занимала всю гору.

Его внимание привлек огромный обломок сланца. Он подошел к нему и в ужасе отпрянул. На нем, свернувшись корабельным канатом, лежала змея, торжественно, словно в экстазе, подняв свою голову, размером с колено буйвола. Острые и холодные ее глаза сверкали, подобно алмазам. Вокруг нее с непостижимой быстротой резвилось несколько змеенышей.

Годердзи, как зачарованный, смотрел на это удивительное зрелище.

Тут до его слуха донесся свист из ельника и возгласы: «гоп!», «гоп!». Он подошел к сохранившейся в стене крепости бойнице и стал всматриваться в ельник. Оттуда послышался лай собак.

Только охотник может испытать то волнение, которое вызывает лай гончих. Зверя еще не видно. Залает одна собака и замолчит. Замрешь, и слышишь биение собственного сердца. Напряженно вглядываешься в тихий еще лес. Вот залает вторая, третья собака. И снова тихо, слышен даже хруст сухой хвои. Но тишина эта обманчива. Пройдет минута, и весь лес встрепенется, заживет, зашумит. Соберутся вместе гончие и с радостным лаем погонят зверя к притаившимся в засаде охотникам.

Так же было и в тот день. Годердзи не отходил от бойницы. И вот раздался дружный лай гончих. Кольцо ельника будто бы разорвалось. И он увидел, как прямо к развалинам крепости стремительно несутся олени. По его следам мчались разъяренные собаки. Когда олень находился не далее, чем в двадцати шагах от него, в ельнике сверкнуло дуло ружья, и один за другим грянули два выстрела. Олень рухнул, как подкошенный, ударившись мордой о землю.

Годердзи подошел к зверю. Из раздутых ноздрей оленя хлынула кровь. Глаза побелели и закатились. Уткнувшись головой в траву, он задрожал, как в лихорадке, несколько раз ударил ногами о землю, как бы стараясь в последний раз оставить на ней след своего существования, и затих.

Вслед за этим раздался чей-то крик. Годердзи повернулся и увидел бежавшего к нему с ружьем в руке Канкре.

Канкре узнал его и орал:

— Не хочешь ли ты присвоить этого оленя?

Годердзи спокойно сказал ему:

— Положи ружье, сядем и поговорим.

— Я и без ружья разом прикончу тебя, — бесился Канкре.

— Брось по-пусту хвастаться, — сказал Годердзи.

Канкре швырнул ружье на землю, изо всей силы ударил Годердзи в бок. Годердзи выдержал удар и свалил Канкре на землю. Но он вскочил и ударил Годердзи в подбородок.

— Не хочешь, значит, поумнеть, — угрожающе произнес Годердзи и ответил таким ударом, что Канкре дико зарычал от боли. Он вскочил и хотел ударить Годердзи по голове. Но тот изловчился, вовремя нагнул го-

лову и так стукнул его снизу, что у Канкре изо рта и из носа хлынула кровь, и он растянулся на земле.

Годердзи наступил ему коленом на грудь и сказал:

— Теперь, надеюсь, ты будешь разговаривать со мной по-другому. Я тебе не продавец вина Коберидзе.

— Баба я и дурак, — злился Канкре, — что не стал стрелять в тебя в ту ночь, когда ты целовал свою потаскушку под старым дубом.

— Я не люблю бить поверженного, но вот тебе еще за то, что ты оскорбляешь девушку! — крикнул Годердзи и ударил Канкре.

Канкре заревел от боли.

— Теперь встань, да смотри, не размахивай руками, не то я покажу тебе, как надо стрелять, — пригрозил Годердзи.

Канкре поднялся, провел рукой по окровавленному лицу и вытер ее о штаны.

— Сядь! — приказал Годердзи. Канкре рванулся было к придорожным камням. Но Годердзи преградил ему дорогу.

— Сядь сейчас же! — строго повторил он.

В это время к ним по спуску приближался рослый человек, в котором Годердзи узнал Лалбаца. Он был одет в пестрые лохмотья. На спине у него висел мешок из шкуры теленка.

— Что случилось? — спросил Лалбаца.

— Ничего особенного, — ответил Годердзи. — Я же говорил тебе, Лалбаца, чтобы ты образумил Канкре.

Лалбаца уставился на окровавленного Канкре.

— Зря я в тебя не выстрелил, как только увидел, — прорычал Канкре, обнадеженный приходом Лалбацы.

— Лалбаца, будь другом, подай-ка то ружье, — сказал Годердзи и указал пальцем на ружье Канкре.

Он открыл затвор и вынул оттуда пустые гильзы.

— Вот так всегда ошибается этот бедный Канкре, — сказал он, улыбаясь. — Ружье-то у него пустое. И патронташ, как я вижу, пуст.

Лалбаца попытался их примирить:

— Вы оба такие хорошие парни...

— Нет, ты ошибаешься, Лалбаца, — заметил Годердзи. — Если бы Канкре был хорошим человеком, то я с ним так не поступил бы. Ты меня с юности знаешь, Лалбаца. Слышал ли ты, чтобы я с кем-нибудь так жестоко подрался, побил бы кого-нибудь? Я не только товарища зря не обижу, но и свою собаку Мгелу. А этот человек так оскорбил меня...

Канкре оправдывался:

— Чем я виноват перед тобой? Это ты не даешь житья ни мне, ни Лалбаце.

Но Лалбаца не поддержал его:

— Я на Годердзи не в обиде, — сказал он. — Годердзи желает нам добра. Он хочет, чтобы мы хорошо трудились и были уважаемыми людьми в колхозе.

Канкре опустил голову. Он не ожидал этого от Лалбацы.

— Я не даю ему житья? — передразнил Годердзи. — А кто пристаёт к этой сироте — Ну ну? По-бандитски напал на нее. Да еще жалеет, что меня тогда не убил. Теперь охотится на оленя. А ведь охота запрещена. За одного оленя ему положено пять лет тюрьмы. А за все остальное сколько — пусть-ка сам сосчитает.

Канкре молчал. Заговорил Лалбаца:

— Годердзи прав. Я уже разговаривал вчера с тобой об этом. И я решил отныне побрататься с Годердзи. Он, я вижу, хочет добра и мне,

и тебе, Канкре. Зря не упрямясь. Теперь я прошу тебя, Годердзи, простить Канкре, простить и меня, так как я, хоть и не убивал оленя, но если охотники делят по-братски добычу, то и вину обязаны разделить по-братски. Если ты простишь нас, то лучших братьев чем мы, тебе не найти.

Годердзи тронули слова Лалбацы. Он подошел к Канкре и дружески сказал:

— Дай слово мужчины, что ты исправишься.

Канкре хмуро ответил:

— Даю.

— Встань, — сказал Годердзи и протянул ему правую руку.

Лалбаца снял со спины мешок и на радостях вынул оттуда вино и закуску. Гагриа застал их уже за пиршеством.

Первый рог поднял Лалбаца.

— Воробей, — сказал он шутя, — простая птичка, но и она дорожит жизнью. Я, конечно, дорожу своей жизнью, но припомните сказанное мной сегодня, братья: если нашей стране понадобится моя жизнь, я отдам ее ей.

У Лалбацы взял рог Канкре.

— И я не пожалею своей жизни, — твердо произнес он и выпил.

Очередь была за Гагриа. Он поднял уже рог и произнес какие-то слова, но их неожиданно заглушил страшный рев оленя, доносившийся сюда с Лысой горы, расположенной к югу. Все поднялись и посмотрели в ту сторону.

Невдалеке под сосной стоял одинокий зверь и жалобно трубил.

— Бык-олень, спустившийся с гор в Бермуху, искал, должно быть, свою подругу, поэтому и всполошил все село, — предположил Гагриа. — К нему, как видно, за эти три дня, пока преследовали оленя, присоединилась и самка. Теперь она ищет и зовет его...

Канкре побледнел.

— Пусть мать моя станет моей женой, — поклялся он, — если я еще раз убью оленя.

Цихистави оставил дом Нико Мирианашвили еще до окончания ужина, так как его вызвали телефонограммой в Кварели.

Тамада распорядился заново накрыть стол на балконе. Отсюда, как на ладони, видна была Алазань, а за нею — Кавкасиони. Небо, усеянное звездами, на севере заслоняли горы. Их гордо вознесенные пики были повязаны белыми ледниковыми башлыками. С востока по небу плыли облака, того красноватого оттенка, какой бывает обычно на спинах кахетинских фазанов.

Коринтели был очарован этим зрелищем.

— Эй, ты, мечтатель, кувшинчик ждет тебя! — загремел тамада.

— Хватит с меня, дядя Нико, — ответил Коринтели.

— Пир устроен для тебя, — настаивал тамада. — Выпей еще немного, и я не стану больше заставлять тебя, ей-богу.

Но все обернулось совершенно по-другому. Тетя Варя оставила свое место, обошла довольно длинный стол и села рядом с Коринтели. Дядя Нико почувствовал что-то недоброе, но он — увы! — ничего не мог предотвратить.

— Может быть, вам не понравился мой приход, *mon cher gendre*¹? — вызывающе обратилась она к Коринтели.

— Что вы, наоборот...

¹ Мой дорогой зять. (Фр.).

— Ах, кто знает, месье профессор, вы человек, воспитанный в Европе, и, наверное, помните афоризм одного иезуита-епископа: «Les mots sont donnés pour cacher la pensée»¹.

— Я, к вашему сведению, не воспитывался в школе иезуитов и мне не по душе их афоризмы.

— А вы, mon cher gendre, должно быть, полагаете, что те, кто вас воспитывали, выглядят, в сравнении с иезуитами, ангелами?

— Мои воспитатели — почтенные передовые ученые. Они ненавидят иезуитов и фашистов.

— Неужели в Европе еще остались такие ученые?

— Вы, я вижу, не читаете даже газет.

— Я уже ничего не читаю.

— Это почему?

— Нет времени.

— Чем же вы заняты?

— Революция наказала меня: вяжу трусики для колхозниц.

— Ого, и это вы считаете наказанием? Я бы на месте нашего правительства не ограничился таким легким наказанием.

Тетя Варя дымила папиросой и хохотала.

— Мой отец был князем, ганджинским вице-губернатором, а я вот вяжу трусики, и вы находите это гуманным наказанием?

В разговор вмешался тамада:

— Если ты не испортишь нам сегодняшний прекрасный вечер, Варя, то я, клянусь Бахусом, обещаю назначить тебя вице-губернатором преисподней.

— Ты продолжай свое дело, толстяк, — пренебрежительно ответила ему тетя Варя и подняла свой кувшинчик. Она хотела выпить вместе с Коринтели.

— Вы, я вижу, анемичный человек, — упрекнула она его. — Мужчина должен быть с горячей кровью, сильным и выносливым, как буйвол.

— У меня повышенное давление, — оправдывался Коринтели.

— Я сомневаюсь, есть ли вообще у вас кровь, — съязвила тетя Варя.

— У меня, конечно, не голубая, а крестьянская кровь, но тем не менее я могу со многими поспорить в выносливости.

— Помилуйте, если вам так неприятна голубая кровь, почему же вы женились на девушке из семьи Вачнадзе? Искали бы себе какую-нибудь дородную крестьянку.

В это время подошла Медея и прошептала ей что-то на ухо.

— Не сердитесь, mon cher gendre, — продолжала тетя Варя. — Вот племянница сделала мне замечание, просила, чтобы я вас не обижала. Но я и не хотела этого. Я хочу лишь поговорить с вами откровенно, как с близким родственником. К чему ложь и скрытность? Я тоже не согласна с афоризмом иезуитского епископа.

В гостиной заиграли фокстрот.

Тамада попросил Сускию Миндели пригласить кого-нибудь из мужчин. Она покраснела и отказалась. Тогда к ней подошел Церодена, и она в конце концов согласилась танцевать.

Тетя Варя сказала Коринтели:

— Вы многое потеряли, дорогой зятек. И вообще вы, ученые, лишены галантности. Мужчина должен уметь и танцевать, и играть, и пить. В молодости за мной ухаживали два профессора, но я не могла полю-

¹ Слова даны, чтобы скрывать мысли. (Фр).

бить этих беспомощных мужчин, у которых то не хватало пуговиц на пиджаке, то еще что-нибудь оказывалось не в порядке.

— Не знаю, к какой категории ученых вы отнесете меня, — заметил Коринтели, — но я думаю, что у настоящего ученого мало времени для шегольства.

Он нахмурился. Пикировка с тетей Варей явно затянулась.

— Чего грустишь, Вахтанг, — услышал он голос Зураба Арадели. — Посмотри на нашу Алазань, на наш несравненный Кавкасиони. Видишь, какая молодая луна взошла над его снежными вершинами? Сколько раз мы мечтали с тобой увидеть Алазань и Кавкасиони, когда бродили где-то в джунглях, у черта на куличках. Так давай веселиться, брат мой, Вахтанг.

Коринтели в ответ грустно улыбнулся. Взгляд его скользнул в сторону гостиной, где танцевали Церодена и Суския. Он видел, как этот лысый толстяк с короткой шеей, обхватив Сускию за талию, прижимал к себе ее красивое полное тело. Его лоснящееся лицо сияло. Он что-то говорил ей, пронзительно хихикал, а она густо краснела и старалась отодвинуться от него.

Коринтели наблюдал за каждым ее движением. Он пожалел о том, что не опередил Церодену и не находится сейчас на его месте. Эта женщина волновала его.

Тете Варе трудно было, конечно, не съязвить:

— Вы, кажется, ревнуете, а?

— Что вы? К кому? — опешил Коринтели.

— Вам не удастся ничего скрыть от меня, — ответила тетя Варя. — Я ведь отлично знаю все, что происходило с вами за двадцать лет вашей жизни в Телави. Я знаю и то, что до моей племянницы вам нравилась дочь пекаря Луки, и то, что она пыталась отравиться как раз в тот день, когда вы отправились в Париж. Ах, как глупы были тогдашние девушки! Ведь нынешняя комсомолка не отравится из-за любви — и это правильно: нужно не яд пить, а разве что воду с сиропом.

Тетя Варя громко засмеялась.

— Не бойтесь, я Медико ничего не скажу. А если и скажу, то уверяю, она не обидится. Вы воспитывались в Париже и лучше моего, вероятно, знаете, что мужское увлечение — не грех, а доблесть, а женщина, которая постоянно верна мужу, превращается в плохо размешанное тесто.

Коринтели рассердился.

— Простите, но я не давал вам повода для подобных рассуждений. Сускию Миндели я, действительно, знаю давно, однако из этого вовсе не следует все то, о чем вы толкуете

— *Мოი ძეგ გენძე!* — притворно воскликнула тетя Варя. — Неужели вы и трезвый такой обидчивый? Мы же с вами не на поминках, а на пиру, и я просто шучу.

За столом становилось все скучнее. Но чем больше гасло веселье, тем энергичнее действовал тамада.

— Батоно Зураб! — обратился он к Арадели. — О чем ты с таким азартом рассказываешь Гиви Дадиани? Всем нам интересно тебя послушать.

— Не такой я рассказчик, чтобы всех вас развлечь, — ответил Арадели. — Мы здесь с товарищем Гиви беседовали об американской прессе. Я убежден, дядя Нико, что если бы продажным буржуазным журналистам Европы и Америки отрубить головы, то не было бы новой войны.

— Ты несколько ошибаешься, мой Зураб, — оживился Коринтели. — Их пресса — чертова кухня, а газетчики — только повара. Чтобы

не было войны, нужно отрубить головы тем, кто содержит эти чертовы кухни, является их хозяевами, кого французы называют *l'homme de politique*¹.

— Никого я так не ненавижу, как этих так называемых политиков, — откликнулась тетя Варя.

— Дядя Варя ненавидит всех, кроме своих родственников, — прокомментировал тамада.

— Если хочешь знать, толстяк, — не смолчала тетя Варя, — то любить родственников, гордиться своей фамилией — старый обычай аристократов.

Дядя Нико подумал с усмешкой: «Сколько прошло времени, а эта уже выжившая из ума женщина все еще держится за свой мнимый былой аристократизм».

Коринтели пересел к Зурабу Арадели. Медея заняла место мужа.

Дядя Нико горячо любил Коринтели, хотел ему всяческого добра и потому, вероятно, принимал желаемое за действительное: семейная жизнь Вахтанга и Медеи рисовалась ему в самых радужных красках. И он, разумеется, был от души рад этому. Он знал, что тетя Варя давно собиралась поехать в Бермуху и погостить там. И он тревожился: если эта крокодилиха отправится туда, то она может перевернуть все вверх дном, может разрушить счастье Коринтели. Нужно было предотвратить это. Но как? Разве запретишь Медею принять родную тетку?

Хотя дядя Нико и выпил сейчас больше всех, но мозг его пока что работал исправно. Внимательно прислушивался он к тому, о чем говорили тетя Варя с Медеей.

— Что произошло с тобой, милая? — набросилась на племянницу тетя Варя. — Как ты могла выйти замуж за коммуниста? Чтобы княжна Вачнадзе разыскала в Париже коммуниста — это «quelque chose ridicule!»². Эх, не было меня, несчастной, рядом с тобой. Разве я позволила бы тебе совершить такую глупость!

— Кто сказал тебе, что Вахтанг коммунист? — защищалась Медея.

— И ты наивно полагаешь, что твой муж не коммунист? Не верь, он это скрывает от тебя.

— Нет, зачем же скрывать? Он действительно не член партии.

Дядя Нико старался не пропустить ни одного слова из этого разговора. Но тут, как на зло, возникла ссора между Дадиани и Цероденой. Дадиани обозвал его спекулянтом.

Арадели попытался вывести Церодену из-за стола, но тот уцепился обеими руками за свой стул и его нельзя было сдвинуть с места. Дадиани полез в драку. Учитель Чхетиани кое-как успокоил его.

Скандал многих напугал, и стол заметно опустел.

Церодена явно перепил и развязно приставал к Сускии. Он всячески поносил Гиви Дадиани, называл его лысым дураком, забывая при этом, что сам лыс, как тыква.

Дядю Нико возмущало поведение инженера, но он придерживался старой народной поговорки — «гость от бога», и это сдерживало его. Когда же терпению пришел конец, то тамада придумал довольно оригинальный способ избавиться от неприятного гостя: он приказал принести большую вазу, наполнил ее вином, выпил до дна и протянул этот необычный сосуд Церодене.

Тот вынужден был последовать примеру тамады. Не трудно сообра-

¹ Политикан. (Фр.)

² Нечто смехотворное. (Фр.)

зять, что произошло с ним буквально через несколько минут. Суския могла быть уже спокойна.

Теперь разбушевалась тетя Варя. Оставив Коринтели, она стала открыто издеваться над Зурабом Арадели, называла его «тараканьим профессором», «духовным и физическим уродом» (он слегка косил глазами).

Медея, остерегаясь, как бы тетя не сказала что-нибудь еще более неподобающее, схитрила:

— Ты уже устала, тетя, от общества. А у меня есть к тебе дело. Выйдем в сад.

— И мне нужно тебе кое-что сказать,—встрепенулась тетя Варя.— Я ведь потому и просила тебя приехать в Телави. Месяц тому назад пришло письмо от твоей тетки Ефимии.

Весть эта встревожила и насторожила Коринтели.

Тамада был охвачен жаждой настоящего большого кутежа. Но он видел, что никто из сидящих за столом, не может, увы, составить ему компанию. Поэтому, он не мог закончить пир так, как ему хотелось. Все пошло, как говорится, по воле волн. Стол, в конце концов, опустел.

Когда собралась уходить Суския, дядя Нико подмигнул Коринтели: проводи, мол, ее. Старик боялся, что проснется Церодена. Этого, вероятно, опасалась и Суския. Она торопилась. Должно быть, потому она и забыла свою сумку. Дядя Нико обнаружил ее на пианино и, будучи уверен, что Суския и Вахтанг не дошли еще до ворот, поспешил за ними. Но во дворе никого не было. Он заглянул в сад. И там — никого.

Тогда дядю Нико осенила мысль: «Сумку можно будет передать Сускии завтра, а сейчас, дай-ка я сяду и малость передохну после трудов праведных». И он спокойно уселся на своей старой любимой скамеечке, расположенной под деревьями инжира.

Только начал он отдыхать, как до его слуха донеслись знакомые голоса тети Вари и Медеи.

— Я с нетерпением ждала твоего приезда, Медико,—говорила одна.

— Когда ты получила письмо от тети Ефимии? — спрашивала другая.

— На прошлой неделе.

— Почему же ты до сих пор ничего мне о нем не сказала?

— Боялась, что оно может попасть в руки твоего мужа.

— О чем же она пишет?

— Люсьен, оказывается, болен, он только в апреле вернулся из Ниццы.

— Что еще? Что нового в Париже?

— О парижских новостях ты можешь узнать из газет. Ты о другом спроси, детка. Тетя Ефимия пишет: Люсьен очень тяжело переживает разлуку с Медеей. На него напала меланхолия, поэтому он отправился в Ниццу. Этим летом он предполагает ехать в Италию. Из ее письма у меня создалось впечатление, что...

Медея перебила ее:

— Тише, как бы нас кто не подслушал. Что ты говоришь?

— Ты еще дитя и находишься под влиянием тех глупостей, которые каждый мужчина вбивает в голову своей жене сразу же после женитьбы, — продолжала тетя Варя. — Ты до сих пор не разобралась в том, какой необдуманный шаг ты совершила. Ты не даешь себе отчета в своих поступках. Знай, Медико, три четверти молодых людей — сомнамбулисты. Кто знает, сколько глупостей вбивают в наше сознание школа и книги,

газеты, друзья и товарищи, все то, что обычно называют «средой», «окружением». Мы так и ходим одурманенные до тех пор, пока виски у нас не поседеют.

Ты не думай, что я только на тебя сержусь. Я сама давно потеряла свое счастье, впад в сомнамбулическое состояние. В молодости я была отнюдь не такой невзрачной, как теперь. Ты ведь знаешь — оспой я заболела после замужества. Я была дочерью мегрельского князя, генерала, а это — немаловажно для невесты. Вокруг меня увивались самые блестящие офицеры-грузины Нижегородского полка: Багратиони, Амилахвари, Амiredжиби и Палавандишвили. В те времена в меня влюбился офицер этого же полка, крупный помещик, балтийский барон Мантейфель, которого из-за меня убил на дуэли князь Мухранский.

Наши бабушки, матушки, тетушки всегда твердили девушкам: «Мушайте каждого влюбленного. Выжимайте из него все соки. Не разрешайте целовать себя выше запястья до тех пор, пока он не склонится, как тростиночка, перед вами и не один, а семь раз... И только тех удостойте чести жениться на вас, у кого хватит терпения просить вашей руки так упорно, как начетчики твердят свои молитвы».

А потом помню, красавец корнет, влюбленный в меня, — князь Мачабели, пустил себе пулю в лоб из-за того, что я ему отказала. Отец мой испугался, как бы родственники Мачабели не отомстили нам, и увез меня к тетке в Сухуми. В Сухуми в меня влюбился грек-миллионер, некто Димитриади, владелец табачных фабрик, у которого были крупные акции в оттоманском имперском акционерном обществе «Табак-Режи» в Константинополе.

Этот грек буквально лишился ума, хотел бросить красавицу жену — итальянку Марчию с тремя детьми. Я ему отказала, ибо придерживалась мнения, вычитанного из глупых романов, что молодая принцесса должна выйти замуж только по любви. А у этого грека было порядочное брюшко и фурункулы на шее. Он, этот грек, оказался очень самолюбивым человеком. Когда отец мой, по моему настоянию, вежливо отказал ему, он уже больше не посещал рауты, устраиваемые моими бабушками и тетушками.

Однажды, когда мы возвращались из офицерского клуба, он довел меня до дому, пожал руку и почти равнодушно произнес:

— Мы с вами больше никогда не встретимся, но только, смотрите, не пожалейте об этом, мадемуазель.

А потом в Тбилиси ко мне привязался грузинский князь Джорджадзе, этот твой несчастный дядя, у которого в Кварели было лишь двадцать десятин земли, а в Тбилиси — невзрачный дом, который неоднократно закладывался в банке, и еще несколько мельниц на Алазани.

Целыми днями слонялся он по редакциям грузинских газет. Карманы у него были набиты социалистическими газетами и прокламациями. Внешне же он вел себя, как истинный князь, посещал выборы дворянского банка и банкеты. Позже я узнала, что он не был тем, чем прикидывался. Он, оказывается, прятал у себя на мельницах социалистов и кормил их. Но этот человек так влюбился в меня, что не только семь, но десять раз преклонил предо мной колени. Я послушалась советов бабушек и матушек и вышла за него замуж.

Что произошло позже, ты хорошо знаешь. Я не любила длинноволосых социалистов, каждый день имела из-за них неприятности с мужем. Пришли большевики, отобрали поместья и мельницы. И я вот осталась на милость божью и вяжу теперь трусики крестьянским бабам.

Советую тебе, дочка, внять голосу разума, пока ты красива и молода. Ты долго жила в Европе и понимаешь: красота является капита-

лом, приобретенным без трудов и жульничества, на проценты от которого красивые женщины не только живут, но и обеспечивают себе старость. Твоему мужу доверяют. Уговори его, пусть попросит правительство направить его снова в командировку за границу по научным делам. И ты поезжай с ним, можешь сослаться на болезнь.

Как это видно из писем твоей тетки Ефимии, месье Шаркутье тяжело переживает разлуку. Я представляю, как и ты сама натерпелась в Бермухе. Чем дальше, тем больше ты будешь жалеть о счастье, которое упустила из своих рук.

Дядя Нико сидел ни жив, ни мертв. Он не должен был подслушивать, но он не мог и не слушать. Ведь все это кровно касалось его дорогого Вахтанга. Он ждал, что же ответит Медея.

— Что ты говоришь, тетушка, как это можно? — робко запротестовала Медея. — Правда, я уже не люблю Вахтанга так, как любила раньше, но ведь это же измена? К тому же, разве Люсьен примет меня?

— Примет, с удовольствием примет. Я завтра же напишу Ефимии, чтобы она уточнила свои две-три иносказательные фразы. Ты ведь знаешь, что французы и немцы не такие дикари, как мы, в этих вопросах. Европейским мужчинам вообще свойственно ценить жен, когда те им изменяют. Ты дитя—и потому боишься измены. После того, как Люсьен узнает, что ты изменила своему соплеменнику из-за любви к нему, он будет носить тебя на руках. Это отлично понимают жены, наставляющие рога своим мужьям.

История полна примеров, когда верные своему чувству люди шли на эшафот, а предатели обретали трон ценой измены. Это не забывали ни министры, ни политики, ни даже писатели.

Ты молода, и еще не знаешь, что мужчины грубы до тех пор, пока жены им на самом деле не наставят рога. Когда же это случится, они становятся совсем иными. Изменяющие жены садятся тогда на них верхом и как хотят погоняют.

Кроме того, с каждым мужчиной происходит одна и та же беда: чем больше он стареет, тем жаднее глядит на чужих жен.

Вот твой муж, например, солидный, казалось бы, профессор. Он был сегодня в дурном настроении, сидел нахмурившись до тех пор, пока не появилась эта врачиха — дочь пекаря Луки. Неужели ты этого не заметила?

Для пущей убедительности тетя Варя сослалась уже не на свой богатый житейский опыт, а на... птиц.

— Известно,—сказала она своей племяннице,—что ни самки скворца, ни самки соловья не поют, а поют только самцы. И все для того, чтобы вскружить головы самкам.

Какое это имело отношение ко всему предыдущему разговору, осталось для дяди Нико загадкой. Он плохо себя чувствовал, ему надоело сидеть на скамеечке, противно было слышать циничные и пошлые нравоучения тети Вари (все было ему уже ясно), но он не решался встать, боясь обратить на себя их внимание.

Тетя Варя, между тем, спросила:

— Если тебя это не очень стеснит, то я приеду в Бермуху. Хочу немного отдохнуть.

— Что ты, тетя, я буду очень рада, — ответила Медея.

— Родственники матери зовут меня в Сухуми, но я предпочту поехать в Бермуху, помогу тебе, кстати, разобраться в твоей семейной жизни.

Понизив голос, тетя Варя сказала:

— Предупреждаю, опасайся дяди Нико. Он, думаю, тоже скрытый

большевик. Меня он еще кое-как терпит, думает, чем, мол, может навредить эта старуха. А ведь ты только вернулась из-за границы, внучка генерала Вачнадзе. Никому не открывайся, дочь моя. Как бы беды не вышло.

И еще тетя Варя произнесла таинственно и желчно:

— Скоро, вероятно, будет война. Я верю в то, что она станет их страстной пятницей...

Дядя Нико услышал шепот Медеи:

— Кажется, кто-то идет. Не вернулся ли Вахтанг?

— Пусть теперь приходит кто угодно, — громко ответила тетя Варя. — Я тебе раскрыла свою наболевшую душу. Не забывай, что я по происхождению Дадиани. Женщины нашей фамилии всегда были отважными, куда более отважными, нежели их мужья. Мужья перед ними дрожали.

Покинув дом Нико Мирианишвили, Коринтели и Суския спускались по тропинке. Суския была в туфлях на высоком каблуке, и Коринтели вел ее под руку. Он чувствовал близость ее полного тела и хмелел от этого еще больше.

Когда тропинку преграждали камни или рытвины, Коринтели, поддерживая Сускию, невольно прижимался к ней. И она не пыталась от него отстраниться.

Женщина сказала:

— Я чувствую себя как во сне, Вахтанг!

— Почему?

— Трудно поверить в то, что ты рядом со мной. Ты казался мне таким далеким и недостижимым...

— Почему?

— Как почему? Ты известный ученый, а я — провинциальный врач.

— Это не столь важно, — ответил Коринтели. — Каждый, кто добросовестно делает свое дело, достоин уважения.

Нахлынули воспоминания. Они так освежали душу!

— Помнишь, — сказала Суския, — когда ты был тбилисским гимназистом, а я ученицей заведения Святой Нины, мы возвращались в ночь под рождество из церкви. Впереди с шумом и смехом шли товарищи. Мы отстали. Я боялась идти домой одна и не решалась попросить тебя проводить меня. И ты, будто разгадав мое состояние, — сам робко предложил проводить меня. А я застеснялась и лепетала что-то вроде: «К чему это? Не надо...». И ты обиделся, ты, безусый еще тогда юноша, не знал, что женское «нет» иногда означает «да».

В последний раз мы встретились на именинах Русико Биланишвили. В тот вечер ты проводил меня домой, а на следующий день уехал в Париж. Какой несчастной я тогда себя чувствовала. Если бы ты знал...

Коринтели хотел утешить ее, сказать, что он чувствовал себя еще более несчастным. Но она не дала ему этого сказать. Она продолжала:

— О боже, как хорош был тот тихий осенний вечер. Под нашими ногами шелестели сухие листья, облетевшие с виноградников. Мы шли такие счастливые и довольные! Ты обещал мне в тот вечер писать из Парижа, как только приедешь. Но ты ничего не написал. Не так ли, Вахтанг?

Коринтели взглянул на Кавкасиони, сверкающий под лунным светом, и с тяжелым сердцем ответил:

— Да, Суския. И я жестоко поплатился за это. Жизнь, к сожалению, устроена так, что мы не всегда имеем возможность выполнить обещанное. Это нам только кажется, что мы всегда создаем свою жизнь.

Часто жизнь сама таскает нас по своим кривым дорогам — она куда сильнее людей. И мы, испытывая влияние окружающей среды, обстоятельств, конечно, изменяемся, хоть и тешим себя мыслью о том, что остались такими, какими были вчера и позавчера. Единственное, что не изменилось с тех пор, это Кавкасион. И такого же цвета были облака над ним, точно ветер с тех пор ни разу не сгонял их с насиженных мест. Я тоже помню тот последний вечер, когда я проводил тебя домой. В тот день я был немного пьян, и мы так же, как сейчас, шли под руку, и у меня так же, как сегодня, от волнения пересыхало во рту.

Суския рассмеялась:

— Неужели ты тогда волновался, Вахтанг? А я не замечала.

— Волновался. Я только не подавал виду.

В темноте возникли два освещенных окна. Вахтанг и его спутница приблизились к дому Сускии.

Навстречу им выскочила черная собачонка. Она обнюхала их и радостно завизжала.

Все показалось Коринтели знакомым в комнате Сускии. На камине по-прежнему тикал будильник. Старая тахта была по-прежнему покрыта красным ковром и украшена плюшевыми мутаками и подушками. Но раньше здесь не было электричества, не так свежо был выкрашен пол и на стене не висел портрет молодого военного.

— Кто это? — спросил Коринтели.

— Это мой брат Автандил, — ответила Суския.

Они сели на тахту.

Коринтели, охваченный страстью, обнял и поцеловал Сускию. И он почувствовал, как отозвалось ее сердце.

Но Суския посмотрела на часы и робко сказала:

— Вот-вот должен прийти отец.

Коринтели был счастлив от того, что так случайно был награжден любовью. Легко поднимался он в гору, точно не было ему сорока лет и не был он болен гипертонией. Восторженно смотрел он на небо, усеянное крупными звездами, глубоко вдыхал свежий воздух, и думалось ему, что впервые, с той ночи, когда он двадцать лет назад попрощался с Сускией, до этой ночи, когда он снова с ней встретился, он познал радость любви, радость жизни. Эта сегодняшняя ночь была неразрывно связана с той давней ночью, являлась ее продолжением.

Коринтели открыл калитку в отцовский двор. Из пустых окон дворца Ираклия смотрела на него запертая там ночь. Ему почудилось, как и в юности, что дворец — разоренное гнездо сказочных дэвов. Они вымерли, и дворец остался без хозяев...

«О печаль, выглядывающая из окон разоренного убежища людей, ты чернее безлунной и беззвездной ночи», — подумал Коринтели.

Эта отцовская усадьба, эти ажурные верхушки деревьев вырисовывающиеся на небе, возвращали его к прошлому, к дням его юности, говорили ему о том, что в мире его чувств ничего не изменилось. Но сознание возвращало его к реальности: дома его ждут Медико и ее тетка. Они замучают теперь его упреками, подозрениями. Они расплатятся с ним за те счастливые минуты, которые он провел с Сускией.

И теперь Коринтели вспомнились слова отца, которые тот произнес, еще тогда, когда телавские родственники в шутку называли Вахтанга «вачнадзевским женихом». Отец сказал ему: «Что тебе за дело, сынок, до князей, которые считают труд только крестьянской обязанностью. Ведь ты потомок трудовой семьи». И отец рассказал басню: «Филин пожелал породниться с орлом и выдать за него свою дочь.

Согласился орел. Сыграли свадьбу. Но на свадьбе, которая проходила ночью, орел не узнал своей невесты. А днем — дочь филина не узнала своего жениха».

Скоро уже два года, как он женился на Медее. Но орел и филин вряд ли когда-нибудь поймут друг друга.

Старинные часы пробили три раза, когда Коринтели вернулся домой.

В кресле перед пианино безмятежно спал дядя Нико. На диване, раскрыв рот, тяжело храпела тетя Варя, будто тысяча чертей вселилась в нее. Тощее ее тело походило на скелет, выставленный в анатомическом музее.

Коринтели тихо открыл дверь в спальню: Медее в ожидании мужа оставила зажженным ночник. Она лежала лицом к двери, одеяло сползло.

Он разделся, потушил ночник. Но сон не шел к нему. Он думал о Сускии...

В его памяти ожил во всех своих подробностях сегодняшний вечер. Он вспомнил ядовитые слова тети Вари и то, как молча слушала их Медее. Его охватила ярость. В эту минуту он острее, чем когда-либо понял, какой чужой была ему лежавшая рядом с ним женщина.

Он встал, оделся и вышел на балкон.

Небо уже светлело. Где-то прокричал петух.

Коринтели спустился во двор и присел под навесом из вьющегося винограда, расстегнул рубашку и с радостью ощутил предрассветную свежесть.

Так сидел он довольно долго, не сидел, а почти лежал, устремив взгляд туда, где клубились кружева облаков, заслонявшие лунный диск. Луна пыталась выйти на простор. Но облака с разных сторон обступали ночное светило, сгущались и походили тогда на бесчисленные овечьи стада.

Хотелось отвлечься, ни о чем не думать. Но память настойчиво возвращала его к Медее, Сускии, тете Варе... Наконец, пришла спасительная дремота. А с нею — виденья.

...Море меняло цвета, подобно саламандре. Корабль плыл по спокойно вздымающимся волнам. Машина, работавшая в глубине корабля, гремела, стонала и шипела. Звенела посуда и скрипела мебель в каютах... По небу мчались серые тучи. Усиливался ветер. Корабль качало все сильнее и сильнее. И вот на него низверглись тысячи бешеных Ниагар.

Разбушевавшаяся стихия превратила корабль в беспомощную щепку, которая то вздымалась на гребни волн, то проваливалась в страшную пропасть. Водяные холмы прокатывались по палубе, налетали друг на друга, вырастали в горы и рушились под могучими ударами ветра.

Потом, внезапно, море, как бы израсходовав всю свою энергию, успокаивалось. В бескрайней водяной пустыне жалобно выла корабельная сирена, и к свинцовому небу мирно поднимался дым.

И чудилось ему, будто он снова ел экзотический плод манго, будто малайки подавали ему настоящие райские плоды. Их благоуханием пропитаны джунгли... Летали рыбки стального цвета, блестя яхонтовыми глазами... В небе блестели атласные занавески...

(Продолжение следует)

Юрий Рышков

Рассказы о детстве

ПРАСОЛ

Я, маленький мальчик, понял из разговора взрослых только то, что бык постарел и потому годится лишь на мясо. По этой причине его и продали прасолу.

Слово «прасол», разумеется, мне было знакомо: им называют человека, торгующего скотом. Но что это за человек, что он из себя представляет, — я не знал...

И вот, когда я впервые увидел прасола, краснорожего толстяка в синей поддевке нараспашку, в картузе с блестящим козырьком, — я почему-то почувствовал к нему неприязнь.

Подойдя к бричке, чтобы в последний раз взглянуть поближе на знакомого мне быка, который был коротко привязан к задней оси экипажа, я в ужасе отшатнулся. У быка не было глаз. На их месте зияли черно-красные провалы, а с длинных красивых ресниц, стекая по морде, капали слезы и кровь.

— Что это? — прошептал я.

— Так он спокойнее дойдет, — охотно пояснил мне прасол и улыбнулся: — На убой куплен...

— Где его глаза?! — зашептал я, как в бреду, вопрошающе глядя то на быка, то на прасола.

— О том и речь, сударик... Чтоб в пути нам спокойнее от него было, мы, значит, ему глазки и выкололи. Ножичком: р-раз и два!..

Бросившись на землю, я забился в истеричном плаче. Мне было невыносимо жаль быка и стыдно — стыдно до безумия за прасола.

Как сквозь кошмарную дрему, я различил его слова, обращенные к кучеру:

— Видать блаженный или юродивый...

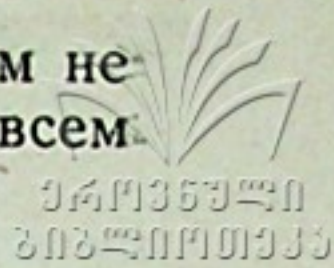
— Может быть, припадочный?..

— Чей он сынок-то будет?

— Кто его знает...

— Бедные отец-мать, — вздохнул прасол. — Породили порченого и, небось, мучаются с ним. Таких господь бог прибирать должен... Едем, а то на нас еще чего подумают. Эк ведь, корежит малого... И с чего его разом схватило?..

Когда бричка тронулась с места, бык шагнул и жалобно, совсем не так, как раньше, замычал. Я знал, что он прощается и со мной и со всем белым светом... И разрыдался еще сильнее.

Прасол взглянул на меня, покачал головой и улыбнулся:

— Посмотри, дурной какой!

— Безмозглый, — согласился кучер и подхлестнул лошадь.

УДУШЛИВЫЕ ГАЗЫ

Когда я впервые услышал о том, что войска германского кайзера стали применять на войне отравляющие вещества, и не совсем понимая, что это значит, я задался целью изобрести нечто страшное, что можно было бы тоже направлять по ветру в сторону врага.

Мое полное незнание химии и отсутствие под руками каких-либо материалов вынудили меня встать на сложный путь самостоятельных поисков тех именно веществ, которые могут удушить человека.

Вскоре я познал, что резко и отвратительно пахнут горящая резина, рога и копыта, шерсть, сера... На этом и ограничивался перечень «химических элементов», доступных моим возможностям и долженствующих удушать и побеждать неприятеля.

Началась деятельная и совершенно секретная от домашних подготовка материалов для первой, экспериментальной пробы.

Вооружившись ножницами и перочинным ножом, я, в первую очередь, извлек из чулана и остриг все старые щетки: сапожные, платяные и даже совсем новую—серпообразную с серебряной ручкой, предназначавшуюся для сметания крошек со скатерти. Остриг и собственную зубную щетку. Но количество заготовленной щетины мне показалось недостаточным. Пришлось, скрепя сердце, выстричь из рукавов (это не так заметно) своей бараньей шубки изрядный ворох шерсти.

Всю заготовленную шерсть я мелко-мелко настриг. Затем пошли в ход целлулоидные игрушки: большая утка, маленький верблюд, гребешок и еще что-то... Нарезая все это, я натер себе на пальцах водяные пузыри. Но до пузырей ли было, если родина находилась в опасности и если враги отравили отца газами, и сейчас он, теряя день за днем зрение, лежит в госпитале!

Затем я искрошил все свои резинки для карандаша. Их оказалось мало. Пришлось изрезать собственные, правда, далеко не новые, галоши и резиновую грелку.

Потом был испорчен большой, отделанный серебром, грузинский рог для вина, висевший на стене в столовой. Его я долго скоблил ножом. Дело наладилось не сразу: но вскоре стружка уже летела с него—курчавая и веселая... Серу, мелкую, как пудра, я стащил в оранжерею у соседей.

Перемешав тщательно все свои заготовки и слегка утрамбовав их в старой фанерной коробке от шляп, я решил произвести опробование своего удушающего вещества на домашних. На маме, кошке и собаке:

Приоткрыв наружную дверь и создав таким образом сквозняк в доме, я запалил свое химическое оружие. Горело оно прекрасно!..

Дым — и не так дым, как потрясающее зловоние,—потянуло в прихожую, в коридор, в комнаты и кухню.

Первым мимо меня проскочил кот.

«Хорошо пробирает!» — обрадовался я.

Затем, кашляя и чихая, дико взглянув на меня, проскочил на лестницу гончий пес и со двора принялся облаивать меня.

Затем из кухни стремительно выбежала перепуганная мама...

Не сгорело и половины моего снадобья, а все домашние были побеждены...

— Я изобрел для войны газ! — кричал я и хлопал в ладоши. — Сдавайтесь!..

Когда изобретение было залито водой и вышвырнуто на помойку, мать, как ни странно, не только не наказала меня, а, наоборот, приласкала; и задумавшись о чем-то своем, немножечко всплакнула. Потом сказала:

— Для того, чтобы изобретать, — надо прежде всего стать взрослым и образованным человеком... А для родины можно пожертвовать не только глазами, но и жизнью...

Я понял: мать подумала об отце...

СОБАЧКА

Когда детский дом вывезли на дачу, там, неизвестно откуда, появилась небольшая белая собачка. Видимо, она была бездомной, и потому легко прижилась, встретив восторженные ласки ребят.

Однажды доктор увидел собачку и приказал немедленно изгнать ее с территории дачи. Но не тут-то было! Она ловко увертывалась от взрослых и пряталась под низким фундаментом дома.

Няни не раз гонялись за ней, но собачка с поразительным проворством ускользала от них, навсегда почуяв во взрослых людях недоброжелателей. Зато детям она доверяла полностью.

Приехали как-то на дачу проведать детей «дядя» и «тетя» из горкома комсомола.

«Тетя» спросила детей и про собачку:

— Зачем вы, ребята, ее прячете и скрываете?

Малыши задумались. Вопрос им показался очень сложным. Надс было найти для ответа что-то серьезное и убедительное. Один карапуз нашелся:

— Она сирота...

И все дети утвердительно закивали головами.

— Вы ее трогаете, — продолжала «тетя», — ласкаете, а она грязная. Потом немытыми руками прикасаетесь к лицу, к губам... Это вредно....

Последовал ряд возражений:

— Собачка совсем беленькая, значит не грязная..

— И к лицу мы не прикасаемся...

— И губы не трогаем...

— И руки перед едой моем...

— Допустим, — согласилась «тетя», скрывая улыбку. — Но для чего все-таки вам нужна эта собачка? Объясните...

— Она сирота...

— Это мы уже слышали. Если она сирота, ее кто-нибудь приютит в другом месте.

Но детский изобретательный ум, ради спасения собачки, нашел новый довод:

— У нее мы учимся лаять...

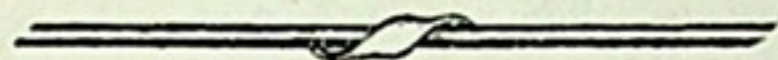
— Вот это дело! — не удержался от громкой реплики «дядя».

— И кто же из вас лучше всех научился лаять? — не унималась «тетя», с трудом пряча улыбку.

— Лучше всех лает Вова Стрельцов, потом сама собачка, потом я и Надя Маленькая... А у нас есть Надя Большая... Она совсем не лает. Катя тоже не умеет. Но собачку мы все равно не отдадим. И пусть ее кормит тетя Маша. Она повариха. Вот этот мальчик ее сын. Он тоже хорошо лает...

— Ну-с, товарищи, как будто все резонно! — не вытерпел «дядя» и громко расхохотался.

Мы, глядя на него, рассмеялись тоже.

Юсеф Идрис

Р а м а д а н

Перевод с арабского Е. Стефановой

Фатхи, десятилетний мальчик, очень зол на взрослых, а особенно на отца. Помнится, еще три года назад просил он отца позволить ему поститься в Рамадан¹. Отец сказал тогда: «Подожди, пока тебе исполнится восемь лет».

Фатхи ждал. Год тянулся мучительно долго. Когда же настал канун Рамадана и в лавках появились кульки с «фитра», «накл» и «айн уль-гамаль»², он решил, что не станет ждать, пока ему разрешат поститься. Улучив минутку, когда отец был в хорошем настроении (а минуты хорошего настроения, как известно, бывают у отца в начале месяца), Фатхи напомнил ему про обещание, и заявил, что на этот раз он будет поститься — и никаких!

Отец сначала сделал было вид, что не помнит ни о каком обещании, но потом, когда Фатхи припер его к

стенке, увидел, что деваться некуда, и сказал:

— Кто не молится, тому и поститься нечего!

Фатхи горячо заверил отца, что обязательно станет молиться. Он думал, что все будет очень просто, — совершил омовение, помолился и, пожалуйста, постись себе на здоровье!

На деле же все оказалось значительно сложнее — и помолиться как следует ему так и не удалось.

Совершив омовение так, как его учили в школе, он расстелил отцовский коврик и уж собрался было молиться, как появился отец и отнял коврик. Когда Фатхи спросил — почему, отец сказал, что не уверен, достаточно ли тщательно он, Фатхи, совершал омовение, и боится, как бы он не осквернил эту молитвенную принадлежность.

Отказавшись от мысли о молитве на коврике, Фатхи стал молиться на старой, но чистой рубашке. Но отец так и не согласился признать ее чистой, следовательно, не признал и молитвы Фатхи. Тогда, решив, что все равно он вырвет у отца

¹ Рамадан — месяц поста у мусульман, во время которого не разрешается пить и принимать пищу с восхода до захода солнца.

² Кушанья из орехов, которыми разговляются постящиеся в Рамадан.

«согласие, хоть силой, Фатхи отправился молиться в мечеть.

Мечеть наполнила его благоговейным восторгом и оглушила гулким эхо, напоминавшим отзвук громкой музыки. Кашляет кто-нибудь из молящихся, и вслед за ним закашляет весь огромный зал мечети. А если сказать вслух «Бисмилляхи-р-Рахмани-р-Рахим»¹, то эхо разносит голос вокруг, звук нарастает, становится громче и громче, рождает десятки новых «бисмилля», и все они носятся кругом, сталкиваясь, как волны, и затихают, наконец, разбившись о высокие гладкие стены мечети.

На улице — раскаленное пекло, а в мечети ты всегда найдешь отрадную сердцу прохладу. На улице яркий свет режет глаза до боли, но, попадая в мечеть сквозь разноцветные стекла купола, этот же свет, словно вдруг успокаивается и раскрашивает молящихся в красивые причудливые цвета — лицо сделает красным, а шею, например, синей, чалму — желтой, а глаза — лиловыми.

А вечером в мечети зажигают огни, и тогда — ой, как светло становится вокруг! И как красиво сверкает и переливается хрусталь!

Сами молящиеся нравились Фатхи только, когда они молились все вместе. Тогда они выстраивались прямыми рядами — друг за другом. Скажет имам: «Велик Аллах!», а они повторяют за ним хором: «Велик Аллах!» И кажется Фатхи, что это сказал один человек — большой, большой. И голос у этого человека совсем не страшный, а приятный, звучный такой, словно это голос ангелов, которые сидят у него где-то внутри.

Но самое замечательное наступает, когда молящиеся опускаются на свои коврики и начинают отвешивать поклоны до самой земли.. Сотни согнувшихся спин, так похожих

¹ «Бисмилляхи-р-Рахмани-р-Рахим» — «Во имя Аллаха, милостивого, милосердного» — традиционное начало многих мусульманских молитв.

друг на друга и в то же время таких различных по цвету, что, кажется, будто гигантский многоцветный узорчатый ковер раскинулся во всю ширину мечети, от одной стены до другой...

Но и в мечети Фатхи хлебнул немало горя. Если он подходил к краю совершать омовение, то взрослые прерывали свое и следили за ним, дожидаясь, пока он сделает что-нибудь не так. Тогда кто-нибудь говорил: «Руки надо мыть до локтей, мальчик!» Если же он мыл их до локтей, влезал кто-нибудь еще: «Мальчик! Ты коснулся мытой рукой руки немытой! Мой сначала!»

И он начинал мыть сначала, хотя знал наверняка, что даже близко не подносил одну руку к другой.

Или бывало еще, что какой-нибудь длиннородый шейх ехидно усмехался и спрашивал: «А ты подмывался, мальчик?» Сгорая от смущения, Фатхи отрицательно качал головой. Омовение в мечети приходилось бросить, и он уходил мыться домой, где не было шейхов и никто не мешал.

Если же случалось, что он становился молиться в общую группу, то и здесь начинались осложнения. Стоящий рядом непременно хлопнет его по плечу и скажет: «Ступай-ка ты во второй ряд!». А из второго ряда его отправят в третий. И так до тех пор, пока не окажется он в самом конце, где уже вообще нет никаких рядов и где собираются такие же как и он, малыши, которые пришли помолиться, но их прогнали разговаривать с Аллахом из последнего ряда.

Однако очень скоро Фатхи понял, что и последний ряд имеет свои преимущества. По крайней мере, отсюда видны все молящиеся, когда они кланяются или опускаются на колени. Фатхи ужасно любил наблюдать за ними и всякий раз на общей молитве выжидал, пока они нагнутся в поклоне или опустятся на колени. Он же, один из всех, стоял и наблюдал, а когда чувствовал, что молящиеся

вот-вот выпрямится, торопливо кланялся тоже, пока никто не заметил.

Но бывало и так. Опоздает какой-нибудь пожилой дядя на общую молитву и приходится ему становиться к ним — в последний ряд. Увидит он малышей и набросится на них: «Это что ж такое, одна мелюзга в мечети! А ну, марш отсюда, бесстыжие!». И они разбегаются в разные стороны, оставляя мечеть целиком в распоряжении взрослых.

А когда случалось, что Фатхи везло и какой-нибудь добрый дяденька разрешал ему молиться рядом с собой, то обязательно находился другой, который, прервав молитву, шипел: «Мальчик! Ты молишься без тюбетейки!.. А ну, беги сейчас же, найди себе тюбетейку, несчастный!»

Так и не удалось Фатхи ни разу помолиться как следует, а значит, не удалось и выполнить неременное для поста условие. Поститься же было для него крайне необходимо. И не просто поститься и мучиться задаром, нет! Пост был нужен Фатхи затем, чтобы есть на рассвете Сухур¹, а, как известно, едят его только те, кто постится.

Мечта о том, чтобы есть с большими на рассвете, была для Фатхи заманчивей всех сказок и фильмов, увлекательней, чем разглядывание всяких там львов и обезьян в зоологическом саду, и вообще — слаще всех соблазнов мира.

До сих пор ему ни разу не удавалось ни видеть, как взрослые едят, ни самому есть с ними. Он только слышал, как это происходит...

...Когда он, досыта набегавшись, напрыгавшись, накричавшись и наигравшись с ребяташками из их квартала, возвращался домой, ему казалось, что в Рамадан взрослых словно подменили.

Взрослым вообще всегда хочется, чтобы дети были похожи на них — такие же серьезные и важные. Сами

¹ Сухур — принятие пищи перед рассветом во время мусульманского поста в месяц Рамадан.

не играют — и хотят, чтоб и дети не играли тоже. Сами не любят кричать и прыгать — и хотят, чтобы дети тоже не кричали и не прыгали, сидели бы вечно на одном месте — вроде них самих!

Когда же наступает Рамадан, взрослые начинают есть и пить (ведь известно, что в пост люди всегда едят больше, чем в обычное время!). Так вот, они начинают есть и пить, сидят и разговаривают по ночам и становятся как-то добрее. Поэтому нет ничего удивительного в том, что и детям в эту пору разрешается играть и гулять на улице позже обычного. В такие вечера Фатхи возвращается домой, до конца истощив свой небольшой запас энергии, но, несмотря на усталость, он не может заснуть. Вскоре, а иногда и не очень вскоре, начинается Сухур, и тогда Фатхи окончательно лишается сна. Мучась от бессоницы, словно во время жестокого приступа малярии, он ворочается с боку на бок, не зная, куда деть руки, и то натянет на себя одеяло, то сбросит его, а слух его, внимание и все мысли целиком прикованы к соседней комнате, где едят отец и мать.

Начинают они обычно молча, и Фатхи слышит только, как зевает отец да причитает мать, жалуясь на усталость, на боль в суставах, на соседей, соседских собак и кошек и на черствый хлеб.

Потом отец вдруг объявляет который час, хотя мать его вовсе об этом и не спрашивала. Но Фатхи знает, что это говорится просто так, для того, чтобы начать разговор. А что может быть интереснее разговора во время ночной еды? В основном говорит отец, а мать больше поддакивает или жалуется на боль в суставах. Фатхи очень любит слушать отца в такие минуты. Голос у него немного хриловат спросонья, и среди тишины и мрака слова получаются какими-то особенно задушевными и сердечными. Так бы,

кажется, вскочил с постели и расцеловал отца!

Разговаривая, отец при этом еще что-то жуёт, и весь разговор звучит под своего рода аккомпанемент позвякивающих ложек. И даже не зная, что ест отец, Фатхи уверен, что это что-нибудь необыкновенно вкусное, и он беспокойно возится в постели, готовый выскочить, чтобы быть поближе к отцу.

Когда же разговор заходит о детях, то есть о нем, Фатхи, и его братьях, — то мальчик желает горластому уличному торговцу кислым молоком, чтоб тот споткнулся, что ли, о камень и замолчал бы, наконец! И чтоб сосед стукнул как следует свою жену, которая орет без умолку, как ужаленная. Короче — чтоб весь мир замолчал и он, Фатхи, мог бы услышать, что говорят о нем отец с матерью.

Днем они только и делают, что отчитывают его за что-нибудь, или за чем-нибудь посылают, или просто ругают. Другое дело, когда они говорят о нем ночью, уверенные, что он спит. Чтобы подслушать такой разговор, и, в особенности, узнать, что за планы они там для него готовят, и жизни отдать не жалко! Например, отец скажет: «К будущему году купим ему новый костюм». Сердце у Фатхи забьется часто-часто, как будто костюм уже куплен и надет. Или мать скажет: «Давай, отдадим его в сельскохозяйственную школу. Там недолго учиться!» Фатхи возмущен и едва не кричит из своей кровати: «Нет!» Но за него отвечает отец: «Нет, мальчику лучше учиться в обычной средней школе».

«Ну что за молодец этот папа», — думает Фатхи, и с этой минуты разговор становится вдвойне интересным и радостно-волнующим, потому что теперь Фатхи верит, что его дальнейшую судьбу определяют именно эти слова отца, а не те пустые фразы, которые он слышит днем.

А потом... потом случается беда! Фатхи чувствует — у него уже вы-

работалось особое чувство на этот счет — что еда подходит к концу. Речь родителей становится невнятной, и до слуха мальчика доносится такое характерное причмокивание, что у него немедленно начинает сосать под ложечкой и капают слюнки. Тогда уже он знает наверняка, что пришел черед сладостей вроде кенафы, камаруддина или чего-нибудь еще в этом же роде. И хотя ему прекрасно известно, что утром он получит свою долю от каждого лакомства, но одно дело есть кенафу ночью, в полумраке, когда царит тишина и покой, и совсем другое — есть ее при ярком свете дня, когда кругом летают мухи и братья поднимают шум и возню. Да нет, никакого сравнения и быть не может!

Но Сухур приносил Фатхи не одни радости. Бывали и огорчения.

Если не хотелось есть, то он был счастлив от того, что не спит и слышит разговор взрослых. Если же случалось, что разговоры эти ему не нравились и не по вкусу были планы на будущее, а просто очень хотелось получить что-нибудь со стола взрослых, Фатхи не выдерживал. Встав с постели и делая вид, что идет в уборную, он проходил через комнату, всячески стараясь при этом, чтобы родители обратили на него внимание и заметили, какой у него надутый вид — вот-вот ребенок расплачется!

Иногда он и в самом деле плакал и, когда отец спрашивал, в чем дело, начинал реветь еще громче. Если отец настаивал, он, в конце концов, выдумывал что-нибудь — мол, живот разболелся или блоха укусила. Если же отец начинал смеяться, Фатхи ревел во все горло. Пусть видят, как он зол на них!

А еще бывало, что он притворялся и кричал, будто во сне. Когда же подбегали родители, изображал пробуждение от кошмара. И надо сказать, изображал так искусно, что никому из них и в голову не пришло заподозрить неладное. Его же смущало только то, что они ни о чем не

догадывались и ни разу не пригласили его есть Сухур или просто посидеть вместе с ними и послушать, о чем они разговаривают.

Бывало, скажут только:

«Спи, малыш! Спи, родной! Аллах тебя благослови!» — ну и прочие слова, которые говорят сытые, довольные люди, занятые своим разговором.

Нет, Фатхи было совершенно необходимо поститься!

Так он и злился на всех взрослых, и в особенности, на отца, до тех пор, пока, наконец, не добился своего.

В середине месяца Шаабана¹ Фатхи прямо заявил, что, конечно, он будет поститься, и никаких!

И тут вдруг отец ласково похлопал его по плечу и сказал:

— Ну что же, может и так!

Ликуй, Фатхи! Беги, расскажи всем ребятам, всем родственникам, близким и дальним! Всё! Наконец-то кончились муки и счастье улыбнулось ему! Он будет поститься! Так сказал отец, а у матери он тоже вытянул обещание!..

Настал месяц Рамадан. В первую ночь, ожидая Сухур, Фатхи не пошел спать. Он даже не ходил гулять в тот вечер, боясь, как бы родители не обманули его. Вдруг возьмут и начнут есть без него, а потом скажут: «Ничего! Пропустил первый раз, значит вообще поститься в этом году не будешь!»

Когда они, наконец, сели втроем за стол, Фатхи изо всех сил старался ничего не уронить, чтобы вдруг не нарушить тишины. Он до смерти боялся, как бы не проснулся кто-нибудь из младших братьев и не начал канючить и требовать, чтобы и его тоже пустили есть с большими: «Да-а, а почему Фатхи можно?». И, кто знает, вдруг родительские сердца не выдержат, и тогда прощай вся прелесть уединения, и значит—все труды пропали даром!

Как нарочно, вдруг один из

братьев, и правда, встал и пошел через комнату в уборную. Тут уж Фатхи не удержался:

— Это он нарочно встал, чтоб приставать! Ты смотри, пап, ни о чем его не спрашивай!..

И хотя это была первая ночь Рамадана и стол ломился от яств, но так или иначе, а действительность почему-то показалась Фатхи намного бледнее той яркой мечты, которая дразнила его воображение долгие дни и ночи.

Все было совершенно таким же, каким бывает всегда в присутствии взрослых: «Подай то, подай другое!», «Что мы будем есть завтра?..»

И Фатхи заснул...

Он встал поздно. Собственно, проснулся-то он рано, но решил сделать вид, что спит, чтобы встать попозднее, совсем как большие. Он проснулся с одной неотвязной мыслью: нельзя ни есть и ни пить. Об этом много раз предупреждал его отец..

Фатхи стал наблюдать за братьями, которые, как всегда утром, робко возились поодаль, готовые утихнуть при первом же окрике. Фатхи смотрел на них, презирая и их самих, и их возню, а про себя думал: «Ну, что ж, им простительно! Они-то ведь не постятся!»

Тут они принялись разгадывать какую-то загадку в журнале и, прислушавшись, Фатхи понял, что самим им до решения не добраться. Ну что ж, сейчас он им покажет, пусть знают, какие они еще несмышлениши и какой он умный! Уж он-то, разумеется, решит эту загадку раньше их всех!

Не торопясь, встал он с кровати, чувствуя какую-то тяжесть во всем теле и странный, неприятный вкус во рту. Посидев с ними и так и не сумев ничего решить, он пришел к заключению, что такая чепуха, как загадка, не стоит его внимания. И вообще, было ли что-нибудь на свете, ради чего стоило бы сидеть? Рассудив так, он снова отправился спать, и на душе у него было спо-

¹ Шаабан — месяц, предшествующий Рамадану в мусульманском календаре.

койно, потому что не надо было идти в школу — Рамадан в тот год пришелся на лето.

Проснулся Фатхи не потому, что ему так захотелось, а потому, что какая-то сила заставила его беспокойно заворочаться, открыть глаза и проснуться. Преведный неприятный вкус во рту исчез, но зато теперь там было так сухо, что вообще не ощущалось никакого вкуса. Едва открыв глаза, Фатхи понял, что ужасно хочет пить. Он вскочил и пошел было за водой, но, сделав несколько шагов, остановился: сон прошел окончательно, и Фатхи вспомнил, что постится. Сначала он обрадовался, как человек, который вовремя заметил яму и не споткнулся. Но... странное дело! Стоило ему только вспомнить, что он постится, как пить захотелось еще сильнее.

Он сел на тахту в большой комнате. Мать на кухне с головой ушла в стряпню, отец на работе, братьям вообще ни до чего нет дела, времени около двенадцати часов, а он должен избавиться от этого дурацкого ощущения во рту!

Сначала Фатхи попробовал просто забыть о нем и стал придумывать, чем бы заняться. Он уже давно собирался разобрать будильник, чтобы посмотреть, что там внутри... Он стал искать инструменты. Гвоздь для этой цели явно не годился — он не желал поворачиваться ни вправо, ни влево. В конце концов будильник упал. Фатхи вовсе не нарочно уронил его. Просто так получилось, что он нечаянно столкнул будильник со стола, а тот упал, и стекло разбилось. Пришлось поскорее собирать осколки и прятать следы преступления. Будильник пришлось спрятать тоже...

После этого печального опыта он вышел из дома и отправился разыскивать братьев или вообще каких-нибудь ребят из их квартала. Но напрасно. Видно, в этот проклятый час все сидели по домам. На улице

же было только палящее солнце, пыль да мухи...

Фатхи вернулся домой. Пить хотелось еще сильнее и было так скучно, что ему захотелось, чтобы вдруг случилось что-нибудь, чего в другое время он бы испугался. Но сейчас! Сейчас он покажет всем, какой он храбрый. Когда человеку так хочется пить, ему все нипочем!

Поскольку ничего такого не случилось, он попробовал заснуть. Куда там! Тогда он слез с кровати и решил немного побегать по дому и подвигать мебель, а потом опять расставить ее по местам — может, хоть так удастся побороть жажду, которая становилась уже совсем нестерпимой! Но едва начав двигаться, он тут же сел на первый попавшийся стул. Оказалось, что при движении пить хочется еще больше. Все попытки забыть жажду привели к тому, что она стала просто угрожающей.

И тут в первый раз Фатхи задумался над тем, что такое пост, и с беспокойством стал понимать, на какой тернистый путь он вступил. А ведь он так этого хотел и добивался! Подумав так, он попробовал сравнить муки, которые придется испытывать сейчас, с наслаждением, которое ожидает его в час ночной еды. Но из сравнения тоже ничего не вышло: думалось упорно только о муках и о том, как бы от них избавиться. Тут он услышал сигналы времени по соседскому радио. Уже час. Значит, до того момента, когда он сможет напиться, остается пять часов. Пять часов? Какой кошмар! Пятью золь — ноль, пятью шесть — тридцать, да ноль в уме... получается... получается три тысячи минут. Не может быть! Нет, нет, он никогда не сможет протерпеть еще три тысячи минут. Три тысячи? Наверняка, он где-нибудь ошибся. Конечно же! Ведь там всего два нуля, значит... 300 минут. Тоже ничего себе! Нет, даже триста минут вытерпеть невозможно! Послушай-ка,

Фатхи, ты же молодец, ты должен выдержать, ты должен потерпеть, пока не придет время разговляться. А тогда... тогда ты напьешься вдоволь и крякнешь от удовольствия, как отец и все, кто постится, а потом станешь рассказывать, как мучился от жажды с самого утра и будешь расписывать свои страдания. Ах, надо вытерпеть! Главное, он ведь сам слышал, как один шейх, из тех, что особенно часто приходят к ним в дом в Рамадан, сказал: «Чем больше терпит человек мучений, тем больше ему воздастся потом». Ну, что же! Очень просто! Он вытерпит и никаких! И ведь всего-то терпеть несколько часов. Несколько? Целых триста минут! Раз... два... три... десять... двадцать... тридцать. Ну вот, одна минута прошла. Нечего сказать! Еще осталось двести девяносто девять. Нет, нет! Он не выдержит! Он умрет! Погибнет, как герой! И сразу попадет в рай! А в раю вода! Ой, нет, какой ужас! Говорят, там текут реки вина, кислого молока и меда. Брр! Какой там мед, когда так хочется пить! Целые реки меда и кислого молока. А воды нет! Да, но как же быть, если вот так захочется пить в раю? Разве можно напиться кислым молоком? Оно такое белое, жирное... Брр!

«Фу, как не стыдно! Что за мысли! Это, наверное, дьявол. Ну, конечно же, это сам дьявол нашептывает мне! Прочь, ты, нечистый! Я не стану тебя слушать. Не стану и все! Ты хочешь меня погубить, а я не буду тебя слушать!»

В этот момент, несмотря на шум примуса, Фатхи услышал, как на кухне из крана течет вода: «буль-буль-буль».

«Ну, ясно, опять дьявол! Это он открыл кран или, может, нашептал матери открыть его. Пропади ты пропадом, паршивый! Да если бы мне хоть насильно влили воду в рот, все равно я бы ее не проглотил!»

И Фатхи изо всех сил сжал губы,

как будто кто-то и в самом деле собирался насильно поить его водой.

Так он сидел со сжатыми губами, и ему казалось, что раскрой он сейчас рот, и обет поста непременно будет нарушен.

Тем временем пламя во рту полыхало все сильнее. Теперь у Фатхи было такое чувство, что горло его превратилось в сплошную рану, которая горела огнем. Он попробовал проглотить слюну и поводит во рту языком, тщетно пытаюсь найти хоть где-нибудь влажное местечко.

А вода из крана все текла и текла, и понемногу Фатхи стало казаться, что она вливается ему в уши. Он заткнул уши, но шум воды (а может, это был опять дьявол?) все равно щекотал слух... Мысли стали путаться. Конечно, он не нарушит поста раньше времени, но что же делать, если так хочется пить? И тут Фатхи вспомнил, как тот же шейх говорил, что полоскать рот разрешается. В самом деле, почему бы не попробовать? Правда, отдельные капли могут проскочить внутрь, но тайный голос настойчиво твердил, что надо верить в себя. Фатхи встал и пошел прямо к этому смутившему его покою проклятому крану.

У крана он остановился и покосился на мать. Та была занята стряпней. Тогда, подставив руку под бегущую струю, Фатхи набрал полную ладонь воды и поднес ее ко рту, но тут мать заметила его и подняла крик. Фатхи стал было объяснять ей, что у него просто высохла вся слюна, и он хотел только немного смочить рот, но мать ехидно усмехнулась и сказала:

— Я же говорила!.. Хорош взрослый мужчина! Теперь-то мне ясно!

Фатхи ужасно рассердился и тут же выплюнул всю воду. Однако этого ему показалось мало, и он плевался, пока во рту не осталось и намека на слюну или вообще какую-нибудь влагу. После этого он вернулся на прежнее место в большую комнату, твердо решив доказать матери и

всему свету, что он все-таки мужчи-
на и может поститься не хуже их!
А там будь что будет!

Но незаконченное полоскание
только еще сильнее разожгло
огонь, полыхавший во рту. Теперь
пламя его перекинулось на внутрен-
ности, и Фатхи стало казаться, буд-
то в пищевод ему вогнали столб,
сделанный из огня пополам с пер-
цем.

Дали бы отпить хоть глоточек во-
ды, тогда он мог бы поститься даль-
ше, хоть до полуночи, если им угод-
но! Но попить — значит нарушить
пост. А тогда никто уже не позво-
лит ему есть ночью с большими.
Как мужчина, он будет опозорен в
глазах родителей, и они решат, что
он еще мал для поста, как и его
братья.

Впрочем... Кто сказал, что если он
разочек напьется, это непременно
станет известно? А что, если он
напьется потихоньку, так, чтобы
никто не видел? Зато потом, весь
остаток дня будет поститься изо
всех сил и вечером даже пожалует-
ся на жажду, которая мучила его
днем! Ничего ведь не случится.

Ровным счетом ничего! Никто не
станет его стыдить, потому что ни-
кто не увидит!

Вон там стоит кувшин, в нем еще
с вечера осталась вода: сейчас он
возьмет его в гостиную, закроет
дверь, поскорее напьется, потом по-
тихоньку посмотрит, нет ли кого в
большой комнате и поставит его об-
ратно. А там можно будет погулять
или поспать...

Но... Рамадан?!!

Ведь Рамадан же все узнает, по-
тому что люди его не видят, а он их
видит и знает, соблюдают они пост
или нет!

Фатхи представил себе Рамада-
на. Страшный, огромный, сидит он
на троне из золота и алмазов, далеко-
далеко, по ту сторону солнца, за об-
лаками и за звездами, и знает этот
Рамадан наверняка, кто постится, а
кто нет... А того, кто не постится, ка-
рает. Возьмет камень, да как даст

им по лбу, так кровь и потечет!

Фатхи так живо себе все это пред-
ставил, что даже вздрогнул, и ско-
рее стал припоминать, приходилось
ли ему встречать человека, которого
Рамадан покарал за то, что он не
соблюдал поста. Вроде, не приходи-
лось. Но, кто знает, а, может, это он.
Фатхи, будет первым таким челове-
ком? И тут вдруг у него мелькнула
мысль: «А что, если вся эта история
с Рамаданом просто выдумка? Ни-
кто его не видел, никого он пока
еще не покарал — так, может, его
и вообще-то не существует?». Фатхи
и сам не знал, откуда взялась по-
добная мысль. Впрочем, может, в
этом тоже была повинна жажда.
Но так или иначе, он в смятении
колебался между страхом, который
отвергал подобный вопрос, и жаж-
дой, которая так и подмывала его
проверить.

И Фатхи решил проверить: он со-
считает до трех и поднимет руку.
Если Рамадан не хочет, чтобы он
поднял руку, пусть попробует поме-
шать. «Считаем... Раз... два... три!..».
Фатхи напряг все силы: ему вдруг
показалось, что рука не поднимает-
ся. Но потом она ни с того, ни с
сего сама подскочила вверх, да так
неожиданно, что Фатхи даже испу-
гался. Немного успокоившись и об-
ретя прежнюю уверенность в себе,
он решил, что не мешает повторить
опыт. Он встал и сказал:

— Вот сейчас я возьму и сделаю
шаг вперед. Если Рамадан меня
видит, то пусть он не дает мне шаг-
нуть!

Фатхи сделал шаг. Ноги повино-
вались ему. Он шагнул другой шаг,
третий. И по мере того, как он ша-
гал, страх исчезал и росла уверен-
ность в себе, а вместе с ней росло и
презрение к Рамадану.

Тогда он решил провести послед-
ний опыт и выяснить окончательно,
как велика сила этого Рамадана и
есть ли у него вообще-то какая-ни-
будь сила!

Он взял кувшин с водой и пошел
в гостиную. «Вот сейчас я отопью

глоточек.. Если Рамадан и вправду существует, пусть разобьет кувшин прежде, чем я поднесу его ко рту. Или, если сумеет, пусть-ка выдернет мне язык!»

Уверенный в себе и полный презрения к Рамадану, он поднял кувшин и выжидающе уставился на вмятину в его боку, ощущая, однако, некоторую робость, словно кувшин вот-вот должен был взорваться.

Но ничего не случилось. Тогда, окончательно уверившись в том, что Рамадан и все его кары—это просто глупая выдумка, Фатхи смело опрокинул в рот все содержимое кувшина. Он не просто пил, он смаковал воду, с удивлением спрашивая себя: и как это он раньше не замечал, что вода имеет такой замечательный, волшебный вкус!

Напившись, он снова вернулся в большую комнату, где провел долгие часы, мучаясь от жажды. Теперь он с лихвой вознаградит себя не менее долгими приятными часами безо всякой жажды!

Но мало-помалу им стало овладевать какое-то гнетущее чувство. Сначала слабое, оно становилось все сильнее и сильнее. Какой-то непонятный страх теснил душу. Он был совсем не такой, какой испытываешь, когда боишься чертей, джиннов или Деда с ободранной ногой. Нет, сейчас страх исходил откуда-то изнутри и не проходил, а напротив, постепенно овладел всеми мыслями Фатхи и всем его существом. Было ясно, что беды не миновать. Конечно, Рамадан не упустит случая отомстить ему. Ведь не может же быть, чтобы он, Фатхи, испытал такое удовольствие, утолив жажду, и это сошло безнаказанно! Вообще-то говоря, он был готов понести любое наказание и встретить любое несчастье, лишь бы знать какое! Все понятно! Рамадан ничего не сделал

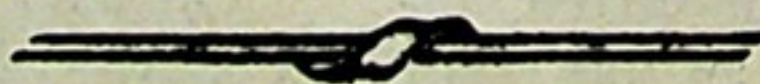
ему раньше, пока он не выпил воду, но непременно сделает теперь, когда он напился. Да, но когда именно, теперь? И как? Вот, что было страшно. Может, Рамадан покарает его тем, что провалит на экзаменах? Или сбросит ему на голову камень, который, как говорила бабушка, висит где-то между небом и землей, поднявшись туда вслед за Пророком? Или, может, заболит и умрет кто-нибудь из братьев?..

Он ждал беду днем. Потом стал ждать ее к вечеру. Перед тем, как ложиться спать, он получил трепку от отца и решил: «Вот она, кара Рамадана!..» Однако позднее, уже плача у себя в кровати, он сообразил, что это кара за разбитый будильник, а не за нарушенный пост. Значит, не то.

И на следующий день Фатхи ждал беду, а она так и не пришла, хотя он опять потихоньку пил воду.

Беда случилась уже через несколько дней, когда за этим занятием его застала мать. После того, как прошла первая растерянность, и мать перестала браниться, Фатхи про себя обрадовался и решил, что теперь-то они, конечно, решат, что он недостоин Рамадана и позволят ему не поститься, а тогда можно будет вдоволь и пить и есть, не боясь ничьей кары! Вот тут-то и приключилась самая большая беда: они обозвали его грешником, выпоролы, заставили поститься силой, зорко присматривали за ним.

И пришлось Фатхи соблюдать пост не из страха перед Рамаданом и его карой, а из страха перед родителями, с которыми лучше не связываться и не производить опытов, потому что они-то рано или поздно все узнают и покарают уже по-своему — вздуют как следует, и тогда не проси пощады!

Галактион Табидзе

Скончался народный поэт Грузии, академик Академии наук Грузинской ССР Галактион Табидзе. Перестало биться сердце крупнейшего грузинского поэта нашего века, основоположника грузинской советской поэзии, одного из лучших и талантливейших мастеров многонациональной советской поэтической культуры.

Со смертью Галактиона Табидзе грузинский народ потерял своего любимейшего поэта, а грузинская советская литература — одного из тех выдающихся представителей, которые составляют ее славу и гордость. В течение полувековой вдохновенной поэтической деятельности Г. Табидзе обогащал сокровищницу родной литературы неувядаемыми шедеврами поэзии. Проникающими в глубину сердца поэтическими образами выражал он мысли и чаяния народа, отражал лучшие качества духовного мира народа, воспевал свободу и счастье Родины. Он был достойным преемником корифеев грузинской классической поэзии, признанным главой и знаменосцем новой грузинской поэзии.

Галактион Табидзе родился в 1892 году, в селе Чквиши, нынешнего Ванского района, в семье народного учителя Василия Табидзе. Годы его учебы в Кутаисском духовном училище проходили в той обостренной исторической обстановке, когда трудящийся народ Грузии спланивался для великих классовых боев и самоотверженно выступал на баррикадах первой русской революции. Кутаиси в этот период был одним из важней-

ших очагов революционного движения в Грузии и Закавказье. В освободительном движении вместе со всем народом с воодушевлением участвовала учащаяся молодежь Кутаиси, в передовых рядах которой находился и Галактион Табидзе. Под воздействием великого революционного пафоса трудящегося народа формировались мировоззрение, общественные идеалы и творческие стремления поэта.

В 1908 году в Кутаиси, на развалинах храма Баграта, на нелегальном собрании революционно настроенных учащихся Г. Табидзе прочел свое стихотворение «Первое мая». Это было началом большой творческой жизни поэта. В этом стихотворении молодой поэт пламенно выражал гнев народа против темных сил реакции, потопивших в крови первую русскую революцию. Наряду с презрением и ненавистью народа к временно победившей реакции, Г. Табидзе выражал в этом стихотворении непоколебимую веру в то, что народ вновь поднимется на борьбу за свободу и добьется полной победы.

В том же 1908 году Г. Табидзе поступил в Тбилисскую духовную семинарию и начал сотрудничать в грузинских журналах и газетах. Первые же его стихи вызвали живой общественный интерес. Наряду с редким поэтическим даром в них ярко проявились новаторские стремления поэта, его непоколебимая верность светлым боевым идеалам народа.

В 1914 году Г. Табидзе опубликовал первую книгу своих стихов, явившуюся крупным явлением в исто-

рии грузинской литературы XX века. Каждая строка этой книги с большой взволнованностью выражала глубокую духовную драму передового человека эпохи, непримиримого к темной социальной действительности, его вдохновенные мечты о преобразовании и обновлении жизни.

В творчестве Г. Табидзе нашли многостороннее и высокоталантливое отражение благородные чувства протеста и недовольства, вызванные в сердце народа поражением революции 1905 года. Правда, выражая эту великую социальную печаль и народную скорбь, Г. Табидзе иногда высказывал в своих стихах безнадежность и настроения духовного одиночества («Я и ночь», «Пустыня», «Могильщик» и др.), но главным и определяющим мотивом дореволюционного творчества поэта являлось светлое стремление к обновлению жизни. Поэтому совершенно естественно то искреннее воодушевление, с которым встретил Г. Табидзе свержение самодержавного строя («Шумите, знамена!»).

В грозные дни Октября Г. Табидзе находился в Петрограде и Москве. Великие исторические события этих дней оставили неизгладимый след в душе поэта и нашли глубокое отражение во многих его поэмах и стихотворениях («Джон Рид», «Идея», «Несколько дней в Петрограде» и др.). В его замечательном стихотворении этого периода «Корабль «Даланд» впервые в грузинской поэзии сверкнул образ бессмертного Ленина. Но социальная действительность меньшевистского режима и обстановка литературного упадка тех лет ослабляли творческое вдохновение поэта, его революционные стремления. В изданной в этот период книге стихов «Артистические цветы» Г. Табидзе отдал определенную дань эстетике модернистской поэзии. Но и в эти годы поэт не отошел от реалистично-демократических традиций грузинской классической поэзии и народного творчества. Во многих стихотворениях этой книги поэт четко выражает свое духовное родство с Руставели, Бараташвили, Акакием Церетели, Важа Пшавела, часто обращается к мотивам народной поэзии, и, что главное, вдохновенно выражает светлую мечту об обновлении

родной страны, пламенно воспекает и приветствует ее счастливое будущее.

Своими лучшими стихами этого периода Г. Табидзе заслуженно завоевал имя крупнейшего мастера новой грузинской поэзии. Он поднял на новую высоту грузинскую поэтическую культуру, обогатил и расширил мир ее изобразительных средств. Его стихи, отмеченные редкой мелодичностью, глубоким внутренним драматизмом, большой эмоциональной силой, находили живой отклик в сердце народа.

В первые же дни победы советского строя в Грузии Г. Табидзе одним из первых среди грузинской интеллигенции искренне и без колебаний приветствовал великое обновление родной страны. Перед ним даже не возникал вопрос о том, присоединяться или нет к вдохновенной борьбе народа за построение новой, социалистической жизни. В своем известном стихотворении «Мы, грузинские поэты» Г. Табидзе призывал творческую интеллигенцию смело встать на защиту завоеваний революции и смело следовать «за новыми вихрями». Г. Табидзе первым подал пример самоотверженного творческого труда во имя утверждения нового мира. С обновленной творческой энергией, с неисчерпаемой поэтической потенцией отражал и воспевал поэт величественную эпопею могучего строительства новой жизни. В 20-х годах он путешествует по всей Грузии, с большим интересом знакомится с процессами развернувшегося в городах и селах строительства новой жизни. Вместе с делегатами VI конгресса Коминтерна он объездил важнейшие промышленные центры Советского Союза. Под впечатлением виденного поэт создал цикл поэм и лирических стихотворений: «Эпоха», «Сто стихов», «Пацифизм» и др., в которых выразил всемирно-историческое значение революционного творчества советского народа и уверенность в победе нашей Родины в поединке со старым миром. В 1931 году, к 10-й годовщине Советской Грузии, Г. Табидзе написал поэму «Революционная Грузия», в которой дал увлекательную картину строительства новой Грузии, написанную с

ГАЛАКТИОН ТАБИДЗЕ

Фото Э. Песова.

энциклопедической многосторонностью и полнотой.

Эти произведения завоевали Г. Табидзе огромную популярность, имя лучшего грузинского поэта советской эпохи. В 1933 году торжественно был отмечен 25-летний юбилей поэтической деятельности Г. Табидзе. Благодарная Родина дала юбиляру высокое звание народного поэта республики. В 1935 году Г. Табидзе принял участие в работе проходившего в Париже под руководством Анри Барбюса Конгресса прогрессивных писателей мира, главным пафосом которого являлась борьба за защиту культуры человечества от фашистских варваров. После окончания Конгресса Г. Табидзе путешествовал по странам Европы, в результате чего создал целую книгу стихов «Воспоминания о Европе». В этих стихах поэт с чувством национальной гордости советского патриота разоблачал глубокие внутренние противоречия капиталистического мира, а также отобразил последовательный рост и усиление борьбы народов за мир, победу прогресса и идей демократии.

Почти накануне Великой Отечественной войны, в юбилейные дни двадцатой годовщины Советской Грузии Г. Табидзе создал лучший образец патриотической лирики — «Родная моя земля», в котором показал готовность советского народа к самоотверженной борьбе в защиту жизни и свободы нашей Родины.

В суровые дни Отечественной войны Г. Табидзе горячо воспевал беспримерное геройство советского народа в борьбе против орд злейших врагов человечества. В этот период он опубликовал несколько книг своих стихов, среди которых были «Родная моя земля», «Жизнь моя, отчизна» и другие замечательные образцы советской патриотической лирики. Г. Табидзе многими вдохновенными стихами воспел великий созидательный

труд, развернувшийся в нашей стране в послевоенные годы, борьбу советского народа и всего прогрессивного человечества за мир, победу высочайших идеалов демократии и гуманизма.

Г. Табидзе пламенно откликался на все значительные события нашей эпохи. По своей идейности, актуальности, высокому мастерству его поэтическое наследие является редчайшим примером подлинной народности художественного творчества.

Многие лучшие творения Г. Табидзе переведены на русский язык, на языки других братских народов нашей Родины, а также народов зарубежных стран.

Народ, Коммунистическая партия, Советское правительство всегда высоко ценили заслуги этого замечательного поэта нашего времени, Юбилейные даты его жизни и творчества несколько раз отмечались как большие народные празднества. Г. Табидзе был награжден орденом Ленина, избран академиком Академии наук Грузинской ССР.

В последние годы Г. Табидзе был тяжело болен, что и вызвало трагический конец его жизни.

С чувством огромной признательности и любви, глубокой скорби провожал грузинский народ в последний путь своего любимого поэта, великого творца и непревзойденного мастера. Он похоронен в пантеоне на Мтацминда, рядом со своими великими предшественниками Николозом Бараташвили и Ильей Чавчавадзе, Акакием Церетели и Важа Пшавела. Светлый образ Г. Табидзе вместе с именами бессмертных классиков нашей национальной поэзии будет вечно жить в памяти грузинского народа.

Союз Советских писателей Грузии,
Академия наук Грузинской ССР.

Шалва Дадиани

15 марта, в 4 часа дня, после непродолжительной болезни в возрасте 85 лет скончался старейший грузинский писатель и общественный деятель, народный артист республики Шалва Дадиани. Смерть его — огромная потеря для грузинской советской литературы и искусства, для всей современной грузинской культуры.

Неизмеримо велики заслуги Шалвы Дадиани в развитии грузинской литературы и искусства. Высокоталантливый беллетрист, блестящий драматург, крупный актер и режиссер, многосторонний общественный деятель, он на протяжении шестидесяти пяти лет неустанно служил делу развития родной литературы и искусства, свободы и счастья народа. Он являлся одним из лучших представителей той плеяды выдающихся писателей и общественных деятелей дореволюционной эпохи, которая в жестокие годы реакции твердо отстаивала великие реалистические и демократические традиции грузинской классической литературы, а после победы Советской власти весь свой талант и творческий опыт посвятила великому делу строительства новой жизни нашей Родины.

Шалва Дадиани родился 21 мая 1874 года в семье писателя и общественного деятеля Нико Дадиани. Нико Дадиани был тесно связан с такими представителями прогрессивной интеллигенции XIX века, как Илья Чавчавадзе, Акакий Церетели, Иван Мачабели, Кирилл Лордкипанидзе и другие. В такой среде формиро-

валось юношеское сознание Шалвы Дадиани, его патриотические устремления и высокогуманные идеалы.

В 1893 году он, тогда 19-летний юноша, опубликовал под псевдонимом «Куджи» сборник стихов «Наперцкали». В том же году он поступает актером в Кутаисский грузинский драматический театр. Его первое появление на сцене вызвало живой интерес общественности.

В период мощного подъема революционного рабочего движения в Грузии Шалва Дадиани твердо стал на сторону борющегося за свободу народа и своей сценической и литературной деятельностью активно участвовал в деле воспитания народа в революционном и патриотическом духе.

В 1908 году Шалва Дадиани организовал передвижную драматическую труппу, которая объехала всю Грузию, устраивала представления в Бакинской и Новороссийской рабочих аудиториях. Эта труппа сыграла большую роль в деле пропаганды революционных идей среди широких слоев народа.

В 1896 году в газете Илья Чавчавадзе «Иверия» была напечатана первая миниатюра Шалвы Дадиани «Святые слезы», за которой последовали другие его повести и новеллы. В этих произведениях молодой писатель в аллегорической форме показал подъем революции, боевое настроение народа.

Когда царское самодержавие потопило в крови первую русскую революцию, Шалва Дадиани в пьесе

შალვა დადიანი

Фото К. Крымского.

«Когда пиршествовали» выразил презрение народа к темным силам реакции, непоколебимую его веру в победу дела свободы. За этим последовали пьесы «Шени чириме», «Гегечкори», «Варами», «Гушинделни» и др., которыми писатель живо откликнулся на острые социальные проблемы эпохи.

С первых же дней установления Советской власти в Грузии Шалва Дадиани искренне и непоколебимо встал на сторону Советской власти и активно включился в дело строительства новой грузинской культуры. Он был первым заведующим театральным отделом Наркомпроса, одним из инициаторов основания Союза советских писателей Грузии и творческого объединения деятелей грузинского театра.

На протяжении ряда лет Шалва Дадиани руководил Домом грузинской культуры в Москве, Грузинской драматической студией, возглавлял Грузинское общество защиты авторских прав, участвовал во всесоюзных съездах, пленумах и совещаниях писателей.

Особенно широко в годы Советской власти развернулась литературная деятельность Шалвы Дадиани. В 1926 году он опубликовал большой исторический роман «Георгий Русский», явившийся одним из первых произведений этого жанра в грузинской советской литературе. Его последующие романы «Урдуми», «Семья Гвиргвилиани», много повестей составляют ценный вклад Шалвы Дадиани в основной фонд грузинской художественной прозы.

Особенно велики заслуги Шалвы Дадиани перед историей грузинской драматургии. Его пьесы «Какал гулши», «Тетнульд», «Из искры...» и созданные на основе лучших произведений нашей классической литературы драматические произведения «Сломанный мост», «Гурия Ниношвили» и другие сыграли поистине историческую роль в подъеме грузинского советского театра и драматургии.

Перу Шалвы Дадиани принадлежит множество мемуарных произведений, публицистических, литературно-критических статей. Особенно

большое значение имеют его статьи о грузинском театре и драматургии, о выдающихся деятелях нашей культуры.

Шалва Дадиани обогатил родную литературу многими превосходными переводами.

В годы Великой Отечественной войны Шалва Дадиани с огромным патриотическим воодушевлением служил великому делу победы нашего народа над коварным врагом. Маститый писатель выступал с пламенными речами перед бойцами на фронте, а также на собраниях и митингах трудящихся, писал рассказы и пронзанные патриотическим духом публицистические статьи, в которых отражал героизм нашего народа. Именно в суровые дни войны вступил Шалва Дадиани в ряды Коммунистической партии Советского Союза.

Шалва Дадиани всегда пользовался огромной любовью и популярностью среди народа.

В 1937 году во время первых выборов, проведенных на основе новой Конституции Советского Союза, Шалва Дадиани был избран депутатом Верховного Совета СССР.

Он был награжден орденом Ленина, двумя орденами Трудового Красного Знамени и медалями Советского Союза.

Несмотря на преклонный возраст, Шалва Дадиани до последних дней своей жизни не прекращал многосторонней, плодотворной литературно-общественной деятельности.

Со дня основания Союза советских писателей Грузии Шалва Дадиани бесменно являлся членом правления и президиума Союза писателей, возглавлял Театральное общество Грузии.

Смерть Шалвы Дадиани — большая утрата для всего грузинского народа, всех братских народов.

Светлая память о Шалве Дадиани вечно будет жить в сердцах нашего народа, в истории нашей культуры.

Союз писателей
Грузинской ССР,
Министерство культуры
Грузинской ССР,
Театральное общество
Грузинской ССР.

Этери Гугушвили,

кандидат искусствоведения

Главный герой—современник

Можно ли одним словом охарактеризовать актера, сыгравшего на своем веку Уриэля Акосту, матроса Рыбакова из «Кремлевских курантов» Н. Погодина, боярина Шуйского, секретаря райкома в одноименной пьесе Р. Табукашвили и царя Эдипа в трагедии Софокла? Право же, нелегко найти для человека, воплотившего этот, далеко не полный, перечень столь разнохарактерных образов, подходящую сценическую «аттестацию», именуемую в театральном лексиконе понятием «амплуа». Но, как у всякого действительно большого художника, у Серго Закариадзе есть нечто такое, что присуще только ему, составляет его неповторимую индивидуальность. Впрочем, может быть, именно это тяготение к разнообразным ролям и определяет во многом своеобразие и самобытность актера, методы его работы над образом и его место в театральном искусстве своего народа.

Какую бы роль ни исполнял С. Закариадзе, будь то образ современника, исторический персонаж или герой классической драматургии, для него первостепенное значение приобретают поиски мельчайших деталей, тонких психологических нюансов, придающих образу неповторимую характерность, филигранную отточенность. Но никогда поиски этих деталей не становятся самоцелью для актера. Сценические находки актера рождаются всегда из глубины его психологически верного внутреннего самочувствия, и именно это определяет их органичность, убедительность, художественность.

Путь Серго Закариадзе к творческому самоутверждению был труден и тернист. Стажер театра имени Руставели, он мог лишь мечтать о большой, инте-

ресной работе. И когда однажды молодой, никому еще не известный юноша прочел свою фамилию в списке актеров нового театрального коллектива, организованного в 1928 году в городе Кутаиси, он испытал первую в жизни творческую радость. Так бывший статист театра имени Руставели стал называться актером театра Котэ Марджанишвили.

Второстепенные роли, в которых первоначально выступал молодой актер, не принесли ему широкой известности. Да и сам Закариадзе воспринимал их, как первые ступени той огромной сценической лестницы, которую можно преодолеть только упорным трудом, несгибаемой волей, сознанием огромной ответственности перед избранной профессией, четким, повседневным внутренним самоконтролем. Медленно поднимался он по этой лестнице, осторожно нащупывая свое место в искусстве, порою не доверяя самому себе, но в то же время незаметно накапливая жизненные познания, а вместе с ними — мастерство и сценический опыт. И когда в следующие годы им были созданы образы Гулбата в «Хатидже» Карло Каладзе, Тибула в «Трех толстяках» Юрия Олеси и чтеца в «Поэме о топоре» Николая Погодина, — в них уже угадывался будущий мастер, актер, неустанно стремящийся к яркому, образному сценическому мышлению, к глубокому пониманию психологии роли.

Ученик К. Марджанишвили, Серго Закариадзе остро ощущал дыхание и пафос боевой современности и с первых дней жизни в искусстве стремился к воплощению на сцене ее героя.

Образ рабочего - революционера Домения, созданный С. Закариадзе в пье-

се Шалвы Даднани «Из искры», был в этом смысле необычайно характерен. Небольшая, почти незаметная в пьесе, роль Доментия стала одной из запоминающихся в спектакле. Молодой актер, работая над образом Доментия, упорно и кропотливо искал выразительные художественные детали, стараясь через них восполнить недостающее в тексте и то возможности более выпукло представить характер своего героя. И он этого достиг.

В Доментии — Закариадзе ощущалась все время необычайная цельность натуры. В нем не было ничего половинчатого, недосказанного. Именно ясность, внутренняя просветленность, искрящийся оптимизм и вера в торжество идеи революции составляли основное содержание образа Доментия в спектакле.

Работа над этой ролью многое определила в сценической судьбе Серго Закариадзе. Она не только утвердила в молодом актере веру в свои потенциальные творческие возможности, но и заставила его острее задуматься над решением проблемы современного героя в грузинском советском театре.

Актер разносторонних творческих возможностей, Серго Закариадзе ищет разрешения этой проблемы в различных жанрах. Арчил из «Зависти» Ионы Вакели, остро-характерный Джибило из «Свадьбы колхозника» Поликарпа Какабадзе, волевой коммунист Шалва из пьесы Виктора Габескирия «Повесть о них», или мужественный матрос Рыбаков из «Кремлевских курантов» Николая Погодина — все эти образы, созданные Серго Закариадзе, представляют собою блестящие варианты одной и той же высокой темы, темы современного героя, которая становится ведущей в творчестве Закариадзе. Образы современников, созданные актером, несли в себе обобщенные черты той эпохи, в которую жили и действовали его герои. И поиски мельчайших деталей или, как можно было бы условно назвать их, — художественных **частностей** приводили его к созданию **общего**, рождали целостный, законченный образ героя — современника.

Так в годы Великой Отечественной войны родился в исполнении Серго Закариадзе капитан Мераб Ратиани — отважный советский моряк, герой пьесы «Непобедимые» Левана Готуа.

Проникновенно и тонко играл Закариадзе своего Ратиани. Без всякой внешней бравады, без нарочитой приподнятости и декларативности рисовал он мужественные, волевые черты капитана. Актер был до предела откровенен со зрителем. Он не скрывал сложных душевных переживаний своего героя, не побоялся показать и его душевные спады. Но спады эти ничуть не оборачивались слабостью или пессимизмом. Право-

мочность и достоверность их была обусловлена той глубоко драматической ситуацией, в которой разворачивалось действие пьесы и сквозь которую проступила огромная человечность и высокая гражданская честность главного героя.

Стремясь к дальнейшему углублению образа современника, Серго Закариадзе направляет свои поиски на утверждение гармонического сочетания личных качеств и общественных устремлений героев. И в этих поисках он избирает себе наиболее надежный, безошибочный и убедительный путь, путь интимного общения со зрителем.

Играя молодого ученого Гигаури в пьесе Ило Мосашвили «Его звезда», секретаря райкома в пьесе Гено Келбакиани «Наше личное дело» или волевого коммуниста Миколу в пьесе Ярослава Галана «Любовь на рассвете». Серго Закариадзе настойчиво утверждает, что целеустремленность и любовь к труду, упорство и энергия, непримиримость по отношению ко всякого рода отклонениям от норм поведения советского человека, является неотъемлемой и благородной чертой его положительных героев — всегда человеческих, предельно простых, даже задушевных.

Серго Закариадзе ощутил простоту и обыденность подвига советского человека и через них утверждал простую жизненную истину: чтобы стать необыкновенным, надо быть прежде всего обыкновенным. Таким обыденным и вместе с тем необычным выглядел в исполнении Закариадзе и секретарь райкома товарищ Георгий в пьесе Реваза Табукашвили «Секретарь райкома».

Оставаясь верным своим художественным принципам, С. Закариадзе и в этой своей работе не боялся осложнений в построении и разрешении сценических задач, действовал смело, не по шаблону. Он утверждал не только волю и неутомимость Георгия, но и его мучительную душевную драму. Актер решал образ на сложном сценическом контрасте, при котором внешнее спокойствие, сдержанность и кажущаяся бесстрастность ничуть не противоречили огромному внутреннему «накалу» страстей человека, живущего в гуще событий, в постоянной борьбе.

Между положительными героями С. Закариадзе есть какое-то внутреннее родство. Но актер всякий раз искал и находил для каждого из них новую яркую, оригинальную форму, шлифовал их характер и в этих неустанных поисках шел к решению самой **проблемы современного положительного героя** в грузинском советском театре. Партийность искусства Закариадзе определяется не только его симпатиями к судьбам своих положительных героев — активных, действенных борцов за счастье наро-

да, но и той непримиримостью, с какой подходит он — истинно советский художник — к характеристике отрицательных персонажей. Его сценические портреты превращаются в остро обличительные, разящие, исполненные гнева художественные творения.

Всем памятно, как в дни войны С. Закариадзе появлялся на сцене в облике жестокого прусского монарха Фридриха II. Особо акцентируя его цинизм и жестокость, подчеркивая моральное падение и историческую обреченность героя, актер вызывал тем самым ассоциации с конкретными примерами современной войны. Но если в пьесе К. Финна и М. Гуса «Ключи Берлина» Закариадзе не вполне удалось подняться в своем обличении до большого художественного обобщения, то в пьесе Михаила Мревлишвили «Лавина» ему удалось создать обобщенный образ человека, вобравшего в себя все то порочное, уродливое, мерзкое, что досталось нам в наследство от прошлого.

Актер был бескомпромиссен в своих выводах. Он не оставлял ни малейшего намека на возможность амнистии Тинибегу. Но в игре Закариадзе при всей остроте оценки Тинибегу не звучала нота сарказма. Он осуждал его, но осуждал без издевки, без сатирического осмеяния. Тинибег в его исполнении был страшен. Раздавленный, побитый, внутренне опустошенный Тинибег оставался жить, и беспросветное будущее его было гораздо страшнее физической смерти.

Тинибег был сыгран Закариадзе крупно, масштабно, с горьковской силой. И надо сказать, что роль эта является одной из лучших в его творчестве.

Актер большого диапазона, острой мысли и яркой, впечатляющей формы, Серго Закариадзе увлеченно работал и над исторической тематикой. Он умел подчеркнуть в своих исторических персонажах их современное, актуальное звучание, делал их героические подвиги созвучными нашей эпохе.

Так играл он в пьесе Л. Готуа «Царь Ираклий» пламенного Бесики Габашвили — поэта-героя, патриота своей отчизны; так подходил к решению образа величественного и мудрого правителя Грузии Давида-Строителя в одноименной пьесе Л. Готуа; так понимал он и роль полководца Багратиони в пьесе А. Самсония «Багратиони». Но за социально-исторической оценкой своих героев Серго Закариадзе никогда не забывал их человеческой характеристики. В его исполнении герои истории были прежде всего живыми людьми, со всеми присущими им психологическими нюансами, душевными переживаниями. Пожалуй, только в пьесе Уш. Чхеидзе «Георгий Саакадзе» С. Закариадзе не сумел подняться до монументальности, и

сложный образ героя не прозвучал в спектакле с должной силой. Впрочем, и в этой пьесе Закариадзе отдал дань истории, сыграв первоначально роль Бахута, в которой создал не только глубоко человеческий, но и вполне исторически-конкретный характер героя.

Особое место в ряду исторических персонажей С. Закариадзе принадлежит образу Шуйского в трагедии А. С. Пушкина «Борис Годунов».

С. Закариадзе сыграл Шуйского в пору своей творческой зрелости, сейчас же вслед за Эдипом. Обе эти роли он создал на сцене театра имени Руставели, где тридцать лет назад незаметным статистом начал свой путь в искусстве.

Лукавый царедворец, изворотливый, ловкий и юркий Шуйский в исполнении Закариадзе был блестящей антитезой Бориса Годунова. Но в сценическом портрете Шуйского, созданном С. Закариадзе с большой реалистической убедительностью, недоставало одного штриха. Актер не наделил своего героя потенциальной силой характера. Шуйский — Закариадзе не был волевым и сильным человеком, в нем не было той самой странной смеси смелости, изворотливости и силы характера (подчеркнуто мною — Э. Г.), о которых так недвусмысленно писал А. С. Пушкин, характеризуя Шуйского в своих знаменитых «Набросках предисловия к «Борису Годунову»». В Шуйском — Закариадзе трудно было угадать будущего властного правителя России.

Разумеется, отмеченный пробел в образе Шуйского в трактовке Закариадзе несколько обеднял социально-историческое звучание этого образа. Но мастерство актера в утверждении своего понимания образа поднималось на большую высоту, и это отрицать невозможно.

Работа Закариадзе над образами классики также шла в направлении поисков жанрового разнообразия.

В течение ряда лет готовился он к роли Уриэля Акосты и долго не решался войти в спектакль, в котором двумя великими художниками сцены — режиссером Котэ Марджанишвили и актером Ушанги Чхеидзе был создан поэтический, вдохновенный и мужественный образ героя трагедии.

Серго Закариадзе не пошел по пути чисто внешнего восприятия гениального творения своего любимого актера. Он создавал свой собственный рисунок роли, в котором на первый план выдвигал тему Уриэля-философа, мыслителя. Быть может, здесь, в образе Уриэля, впервые дал он волю развитию разумного начала в роли, методично, последовательно прослеживал ход мыслей своего героя. В сценическом поведении актера не доминировали пылкая влюбленность Уриэля, его трепетная и боевая

эмоциональность. И надо сказать, что образ, созданный Закариадзе, не очень отвечал режиссерскому замыслу, вступал в некоторое противоречие с содержанием и внутренним ритмом спектакля. Впрочем важнее другое — творческая инициативность актера, его самостоятельность в работе над ролью.

Яркий, своеобразный талант Закариадзе засверкал еще одной гранью, когда ему пришлось сыграть роль юноши Баха в трагедии великого грузинского классика Важа Пшавела «Изгнанник». Давая глубокий психологический анализ поступков героя, актер особо акцентировал его морально-этическую победу в финале трагедии.

И, наконец, — Эдип!

Нет надобности говорить о том, как трудно было Серго Закариадзе вступать в готовый, уже утвердивший себя спектакль, в котором роль Эдипа уже получила сценическую интерпретацию.

Образ Эдипа обретает у Закариадзе своеобразную трактовку. Сказанное во все не означает, что замысел Закариадзе противоречит замыслу режиссера Д. Алексидзе или оригинальностью своей претендует на какие-либо резкие противопоставления. Напротив, Закариадзе лепит этот образ в согласии с режиссерским замыслом и так же, как другие исполнители, следует, в общем, тому рисунку роли, который предлагает режиссер. Но в характеристике образа Эдипа Закариадзе, как впрочем, и его коллеги, акцентирует то, что ему, как актеру доступнее и ближе. Он не стремится, как А. Хорава, к созданию монументального образа античного героя, но так же, как и А. Хорава, видит в Эдипе прежде всего человека. И в этом человеке Закариадзе занимает, в первую очередь, процесс его раздумий. Сознание, мысль, логика, последовательное раскрытие тягостной неизвестности, анализ и самоанализ — все это определяет поведение Эдипа—Закариадзе — то степенного и задумчивого, то взволнованного и неистового, то объятых ужасом перед развязкой, то озаренного сознанием своего морального торжества — в финале спектакля.

Вся партитура роли Эдипа отделана у Закариадзе до мельчайших подробностей. Мы не оговорились, употребив слово «партитура». В игре Закариадзе четко определены (как в симфоническом произведении) куски, фразы, паузы, мелодические оттенки, детали. Вот почему никак нельзя согласиться с оценкой Эдипа — Закариадзе, данной журналом «Театр», где автор статьи говорит об отсутствии у актера «четкости сценического действия», о том, что в игре

Закариадзе «логика его (Эдипа — Э. Г.) поведения оставляет желать лучшего».

Нам думается, что такая оценка в корне ошибочна, и уж если можно было бы в чем-либо упрекнуть Закариадзе, так именно в рационалистичности, в некоторой рассудочности его Эдипа, но никак не в отсутствии логики.

Несколько особняком в творческой биографии Серго Закариадзе стоит роль Алексея из «Оптимистической трагедии» Вс. Вишневского. Но методы работы над ролью, присущие Закариадзе, — те же и здесь. Умение актера показать разумное в образе и здесь выступает на первый план. Гуляка и бузотер, Алексей в исполнении Закариадзе приходит к осознанию истинного смысла жизни, приходит к этому не только сердцем, но и разумом. И здесь снова не прав рецензент из журнала «Театр», утверждающий, что в образе Алексея не виден процесс роста.

Большое место в творческой жизни Серго Закариадзе занимает кино, где, как и в театре, актеру пришлось сыграть самые разнообразные по своей характерности роли. И каждая из них как бы дополняла то, что создавал Закариадзе на сцене театра. В хевсуре Торгвае из фильма «Последний маскарад» или в гурийце Симоне — герое фильма «Дарико» — было много непосредственности, теплоты и взволнованной трепетности; в образе Багратиона из фильма «Фельдмаршал Кутузов» черты великого полководца обогащались новыми интересными красками.

Но как бы ни были удачны образы С. Закариадзе, созданные им на экране, нам думается, кинематограф не является для него той стихией, в которой ему удобнее всего развернуть свой творческий процесс. И не только потому, что театр ему любимее, ближе и роднее, а потому, что есть в этом самом театре один очень важный компонент, без которого Закариадзе трудно творить. Этим компонентом является зритель, тот самый зритель, с которым ежеминутно общается актер, которого он слышит, ощущает, которому открывает свои мысли. И вовсе не удивительно, что Закариадзе так сильно увлекает искусство чтеца. Здесь, на эстраде, это общение со зрителем ощущается еще острее, и в этом живом творческом единении чтеца с аудиторией художественные образы больших писателей властно входят в сознание и сердце зрителя, еще больше сближают с ним Серго Закариадзе — народного артиста Союза ССР, лауреата Сталинской премии, одного из виднейших деятелей грузинского советского театра.

Бесо Жгенти

Выдающийся писатель-революционер

(К 100-летию со дня рождения Эгнате Ниношвили)

Исполнилось 100 лет со дня рождения Эгнате Ниношвили — выдающегося представителя грузинского критического реализма конца прошлого столетия, большого писателя-революционера, одного из основателей первой грузинской марксистской социал-демократической организации «Месаме Даси». Широко отмечая эту юбилейную дату, грузинский народ еще раз и с новой силой выражает глубокую любовь к славному классику своей национальной литературы, беззаветно отдавшему весь свой талант и всю жизнь свою великой борьбе за свержение рабства и угнетения, за свободу и счастье трудового народа.

В творчестве Э. Ниношвили со всей полнотой отразилась новая социальная обстановка, сложившаяся в Грузии в последних десятилетиях прошлого века, в период мощного развития промышленного капитализма, вызвавшего новое обострение классовых противоречий в городе и на селе, подъем рабочего революционного движения. С именем Э. Ниношвили связано наступление нового периода в многовековой истории грузинской литературы, непосредственно предшествовавшего зарождению и развитию литературы социалистического реализма.

Э. Ниношвили (Эгнате Фомич Ингорква) родился в селе Чиргвети нынешнего Ланчхутского района в семье крестьянина-бедняка. Рано осиротевшему,

ему пришлось с детских лет добывать средства к существованию тяжелым, изнурительным физическим трудом. Еще ребенком он испытал на себе всю дикость и уродливость буржуазно-помещичьего строя, обрекавшего трудовой народ на беспросветную жизнь, нужду и страдания. Очевидно тогда же и зародилась в душе будущего писателя гневная ненависть к самодержавному строю и эксплуататорским классам, глубокая любовь и сострадание к трудовому народу, верным сыном которого он был как своим происхождением, так и мышлением и творчеством. Стремясь получить образование, Э. Ниношвили с большим трудом поступает в Озургетское (ныне — город Махарадзе) духовное училище, из которого он был потом исключен за активное участие в выступлениях революционно настроенной учащейся молодежи против реакционных руководителей училища. Получив «волчий билет» Э. Ниношвили был лишен права поступить в какое-либо учебное заведение или устроиться на государственной службе. При поддержке товарищей и друзей ему удалось выехать для продолжения учебы во Францию. Однако из-за отсутствия средств к существованию он вскоре был вынужден вернуться на родину.

Здесь его пригласил личным секретарем владетельный князь Гуриели. Во дворце этого крупного феодала Ниношвили обрел сравнительно сносные усло-

вия жизни. Он получил возможность пользоваться богатой библиотекой Гуриели с сохранившимся у него архивом рукописей и документов. Тут нашел он и обильный материал о восстании гурийского крестьянства в 1841 году, которому писатель посвятил свое первое художественное произведение — исторический роман «Восстание в Гурии». Однако ему недолго было суждено остаться во дворце Гуриели. К этому времени между этим крупным феодалом и гурийским крестьянством возник острый аграрный конфликт. Разгорелась ожесточенная борьба. В такой обстановке Э. Ниношвили, верному сыну крестьянской бедноты, невозможно было оставаться на должности личного секретаря князя. Он покинул дворец Гуриели. Отныне его жизнь протекала в условиях тяжелого физического труда. Работал то грузчиком, то рабочим на керосинообработывающих заводах в Батуми, то весовщиком в Зестафонской конторе марганцепромышленника Гогоберидзе, то наборщиком в одной из тифлиских типографий. Известный грузинский романист Георгий Церетели, познакомившись с Э. Ниношвили в период его работы в Батуми, впоследствии вспоминал: «Эгнате то таскал на спине огромные доски, то работал на заводе керосиновых баллонов и из пальцев у него сочилась кровь». А к этому времени Ниношвили уже был автором лучших своих беллетристических произведений. Стремительно возрастала его популярность среди рабочих и широких кругов прогрессивной интеллигенции.

В начале девяностых годов Э. Ниношвили знакомится с марксистской литературой и становится убежденным сторонником теории научного социализма. Он решил поселиться в Тбилиси, всецело отдаться делу пропаганды марксизма и практической революционной деятельности. По приезде в Тбилиси он сближается с кругом марксистской молодежи, с революционно настроенными рабочими и интеллигенцией. К этому времени относится его знакомство с Алексеем Пешковым, который был восхищен популярностью Э. Ниношвили среди революционной молодежи. «Как Вы счастливы, товарищ, что с таким интересом читают Ваши произведения и так любят Вас», — сказал Горький своему грузинскому единомышленнику. «Напишите и Вы все, о чем так прекрасно рассказываете, и Вы увидите, что Вас еще больше полюбит народ», — ответил Э. Ниношвили.

В январе 1893 года Э. Ниношвили принял активное участие в организации и проведении первого нелегального собрания молодых грузинских марксистов, состоявшегося в г. Зестафони и положившего начало существованию «Меса-

ме Даси» («Третья группа» — первая марксистская социал-демократическая организация в Грузии).

Говоря о возникновении этого нового течения в истории грузинской общественной мысли, Георгий Церетели писал: «Главарем этой группы в области художественной литературы надо считать Э. Ниношвили».

Писатель начал публиковать острые публицистические статьи, с большим воодушевлением вступил он на путь революционной деятельности, стремясь участвовать в создании в Грузии революционной партии рабочего класса. Но к этому времени его здоровье безнадежно было подорвано невыносимыми условиями жизни, постоянной нуждой, изнурительным физическим трудом. В конце 1893 и в начале 1894 годов он уже прикован к постели. Охваченный тяжелым недугом — туберкулезом, он был лишен возможности лечиться. Умер Э. Ниношвили 12 мая 1894 года в родной деревне Чиргвети, где и был похоронен. В день его похорон у свежей могилы писателя состоялось первое официальное выступление «Месаме Даси». В своих надгробных речах друзья и соратники Э. Ниношвили оповестили общественность об основании первой марксистской организации в Грузии.

Э. Ниношвили не дожидаясь до мощного и победоносного подъема в Грузии пролетарского революционного движения. Однако его литературное наследие, обладающее огромной революционизирующей силой, сыграло исключительную роль в боевом воодушевлении трудового народа, в подготовке и проведении революции 1905—1907 годов, в дальнейшем развитии великой освободительной борьбы трудовых масс.

* * *

Эгнате Ниношвили начал литературную деятельность в 1887—88 годах. На страницах газеты «Иверия» в 1887 году был напечатан его первый юмористический фельетон. Это был дебют писателя, его первый выход на общественную арену. За фельетоном последовал ряд корреспонденций, посвященных злободневным вопросам жизни тогдашней Гурии.

С конца 1888 года Ниношвили обращается к художественной литературе, к различным беллетристическим жанрам. Основным содержанием его произведений уже тогда стало изображение жизни угнетенного народа в условиях самодержавно-крепостнического строя, обличение невыносимых условий существования трудящихся, описание гнева и недовольства, накопившихся в сердце народа. Такова была идейная основа, на которой выросли первые беллетристические произведения Эгнате Ниношвили.

Роман «Восстание в Гурии» — единственное произведение Ниношвили, которое посвящено не современной писателю действительности, а историческому прошлому, одному из наиболее ярких эпизодов борьбы народа против рабства и угнетения. Несмотря на историческую тематику, «Восстание в Гурии» являлось весьма актуальным для своего времени произведением, так как писатель осветил события прошлого с точки зрения своего революционного мировоззрения, создав пламенную апологию идеи освободительной борьбы народа.

«Восстание в Гурии» повествует о широком народном движении — восстании гурийских крестьян в 1841 году. Это восстание занимает особое место в истории освободительной борьбы грузинского народа первой половины XIX века. Своеобразие этого движения заключается в том, что оно было направлено в одно и то же время против бюрократического чиновничества царского самодержавия и господствовавшего в Грузии института крепостничества, феодалного строя.

Создавая свой роман, писатель хотел обессмертить героев народного восстания в памяти поколений, дать его социально-исторический анализ, показать благородство и гуманность устремлений восставшего люда. И справился он с этим блестяще.

Э. Ниношвили с большой силой воссоздает героизм и самоотверженность крестьян, поднявшихся против крепостничества и самодержавия. С любовью и сочувствием рисует он образы повстанцев, среди которых выделяются Бесиа, прозванный «крестьянским генералом», Атармаза Тоидзе, кузнец Петриа, будочник Ростом и другие. Они привлекают беззаветной преданностью народному делу, свободолюбием, самоотверженностью и благородством характеров.

Силы, стоящие по другую сторону баррикад, представлены в романе целым рядом образов помещиков и дворян: Хасан-бег Тавдгиридзе, князь Дата, Дадзани, Церетели, дворянин Иване и другие.

Эгнате Ниношвили рисует в романе и третью силу — бюрократический аппарат царской администрации. Уездный начальник Брусиллов проводит колонизаторскую политику порабощения народа с жестокостью и беспощадностью, типичной для царских сатрапов.

Различные социальные группировки в романе не изолированы механически друг от друга, не разделены непреодолимой стеной. Э. Ниношвили поднялся до понимания сложных взаимоотношений различных социально-исторических сил. Поэтому в его романе мы видим дворян, искренне преданных народному делу, —

таковы Амбако Шаликашвили и Симон. В то же время и из среды крестьянства вышло несколько изменников и предателей — Козиа, Иваника, Джиджишвили и некоторые другие.

Последовательный писатель-реалист, Э. Ниношвили большинство своих произведений создал, опираясь на факты, взятые непосредственно из жизни. И эта особенность писательской манеры художника, всегда стремившегося к исторически правдивому воссозданию действительности, проявилась уже в этом его первом произведении.

Сравнение событий, описанных в романе Э. Ниношвили, с документальными материалами о восстании в Гурии 1841 года ясно показывает, насколько писатель был верен историческим фактам. В романе точно соблюдены даты выступлений восставших крестьян, географические особенности мест, где происходит действие. Значительную часть действующих лиц романа составляют исторические лица, действительные участники восстания.

Среди персонажей «Восстания в Гурии» особого внимания заслуживает образ революционера-интеллигента Георгия.

Георгий прямо высказывает свою мысль о том, что основная классовая цель крестьянства — бороться за изменение существующего строя, за уничтожение крепостничества. По его убеждению, национально-освободительные идеи, борьба за самостоятельность Грузии должны быть подчинены социальным, классовым устремлениям. Грузия сможет обрести подлинную независимость и свободу лишь после того, как будут свергнуты силы, угнетающие трудящихся. Следует особо подчеркнуть, что Георгий выдвинул положение о необходимости прочного союза грузинского народа с трудовым людом России в общей борьбе за свержение существующего строя. Георгий, беседуя с руководителями крестьянского восстания, говорит:

«...В России лучшими людьми начата сейчас борьба за уничтожение крепостного права. И есть надежда, что рано или поздно русские крестьяне добьются свободы. Разумеется, тогда придет спасение и для наших крестьян, они сбросят с шеи ярмо рабства. Вот на что мы должны надеяться. Другого пути у нас нет... Наше крестьянство должно равняться по русскому крестьянству, добиваться свободы вместе с русским крестьянством. Если случится, что крестьяне в России не добьются ничего миром и восстанут, тогда, конечно, и наши крестьяне не могут стоять в стороне сложа руки: они должны будут последовать примеру русских и бороться за свободу...»

В этих словах впервые в грузинской

литературе прозвучала идея интернациональной солидарности в революционной борьбе. Георгий высказал также свое убеждение в том, что после победы восстания в нашей стране неизбежно образуется республиканский строй.

Большинство исследователей творчества Ниношвили справедливо считает, что в устах грузинского интеллигента 40-х годов подобные высказывания звучат неубедительно. Писатель наделил Георгия мировоззрением представителя революционной интеллигенции 80—90-х годов. Еще точнее будет сказать, что герой в данном случае высказывает сокровенные взгляды автора, его социально-политическое кредо. Это обстоятельство позволяет сделать вывод о том, что, обратясь к историческому материалу, писатель хотел воспользоваться им, чтобы выразить свои революционные идеалы, высказать свои симпатии к трудовому народу и ненависть к самодержавному строю.

«Восстание в Гурии» относится к жанру социального романа, сюжет которого развивается по двум параллельным направлениям. С одной стороны, писатель, полностью соблюдая историческую достоверность и последовательность событий, описывает ход крестьянского восстания в Гурии; с другой стороны, автор повествует о личных судьбах персонажей, созданных его творческой фантазией.

Писатель умело показал глубокую связь судеб своих героев с судьбой народного движения. В результате такого переплетения общественных и личных судеб композиция «Восстания в Гурии» сложна и в то же время очень стройна, благодаря чему роман с первой до последней страницы читается с неослабеваемым интересом.

Уже в первом произведении Эгнате Ниношвили выразил свои идейные позиции и проявил художественные качества, которые впоследствии станут характерными для всего его творчества: занимательность сюжета, умение создавать яркие, типические образы, своеобразный колорит авторской речи и художественного стиля.

Сам Ниношвили, как видно, не считал свое первое художественное произведение законченным. Известно, что уже после написания романа писатель продолжал собирать материал о гурийском восстании 1841 года. По всей вероятности, он предполагал вернуться к этому роману и доработать его. Может быть, именно этим следует объяснить тот факт, что роман «Восстание в Гурии» при жизни Э. Ниношвили не был напечатан. Он увидел свет на страницах журнала «Квали» лишь после смерти писателя.

* * *

Главным героем творчества Эгнате Ниношвили было крестьянство, в частности — крестьянство Гурии.

Гнет и несправедливое положение крестьянства в эпоху развития торгово-промышленного капитализма наиболее ярко выразились в рассказах «Гогия Уишвили», «Распоряжение» и «Озеро Палиастоми».

Ужасная картина несправедливости и притеснения, которые приходилось терпеть крестьянству, описана Ниношвили в исключительно сильном по своему воздействию на читателя рассказе «Гогия Уишвили».

Сама фамилия героя этого произведения — Уишвили¹ выражает ту безысходность и горечь, которые пронизывали все существование бедного крестьянства в те годы.

Развитие торгово-промышленного капитализма в Грузии 80—90-х годов XIX столетия привело к стремительной экономической дифференциации крестьянства, вызвало обеднение и разорение большей его части. Гогия Уишвили является типичным представителем именно этой социальной группы. Его со всех сторон притесняют, грабят, эксплуатируют представители царского бюрократического аппарата, мелкие чиновники местной администрации.

«Выкуп за барщину плати, да церковный налог на содержание попа плати, да почтовый налог плати, да дорожный налог плати, и не перечислить еще, какую пропасть налогов мы должны составлять нашим горбом. Мало им этого показалось, у вас, говорят, разбойники скрываются, взяли и поставили нам прошлый год «экуцию»², совсем разорили нашу деревню...»

Эти слова Гогия не только проникнуты горечью и отчаянием; в них ясно видно, что побои и притеснения переполнили чашу народного терпения, что растет и крепнет чувство протеста. Некоторые крестьяне, не выдержав угнетения, покидали свои родные деревни, убегали в лес. На это царские власти отвечали экзекуциями, приносившими новые тяготы для гурийских крестьян, и без того разоренных и угнетенных. Суровая действительность жизни гурийской деревни в 80—90-е годы реалистически нарисована в рассказе «Гогия Уишвили».

Гогия и его жена Марине поначалу не страшатся нужды и тяжелого труда.

¹ «Уи» — глас отчаяния, горя, безнадежности.

² «Экуция» — искаженное «экзекуция» — так называли крестьяне карательные отряды.

В их образах воплощена любовь к жизни, вера в будущее, характерная для трудового народа: «Что из того, что мы пока бедны? Будем трудиться, не покладая рук, и у нас тоже будет достаток», — говорили Гогия и Марине. «Не сегодня—завтра наши дела поправятся, и все будет, как надо», — с надеждой думали они о своем будущем.

Но в тех социальных условиях, в которых жил Гогия Уишвили, мечты крестьянина о счастливой жизни были беспочвенны и неосуществимы. Эта мысль получает в рассказе Э. Ниношвили художественное подтверждение: трагическая судьба Уишвили является типичной для многих сотен и тысяч таких, как он. Марине говорит: «Мы не одни такие... из ста крестьян одного не найдешь, чтобы жил лучше нашего».

Все несчастья, приведшие жизнь Гогия Уишвили к трагическому концу, обрушились на него в день Нового года. Этим самым писатель особенно остро подчеркнул идею о недостижимости счастья для крестьянина в условиях самодержавного строя.

Новый год — «каланда» — праздник, который по традиции даже самый бедный гурийский крестьянин старается провести весело и беззаботно, забыв о трудностях и горестях. Гогия и вся его семья тоже приготовились отпраздновать Новый год, хоть на один день отвлечься от забот, повеселиться. Но как раз накануне праздника к нему пришел староста в сопровождении вооруженных солдат и потребовал заплатить десять рублей для покрытия расходов по содержанию «экуции». Где было взять деньги Гогия?.. И вот, все его хозяйство разорили, весь дом перевернули вверх дном, а его самого — за попытку воспрепятствовать насильникам — жестоко избили и затем по распоряжению начальника уезда всенародно высекли. Э. Ниношвили рисует своего героя связанным по рукам и ногам, высеченным, избитым и обесчещенным. И этот образ получает обобщенное, символическое звучание — в те годы так стонал весь трудовой народ.

Гогия Уишвили не раз высказывал недовольство своей жизнью и существующим положением вещей: «Пропади она пропадом, моя жизнь», «Нет правды на нашей земле. Справедливость, бог, вера — где вы?!», «Лучше смерть, чем такая жизнь», — говорил он. Последнее событие окончательно переполнило чашу его терпения.

Но на том историческом этапе, который описывает писатель, люди, подобные Уишвили, еще не могли решительно и организованно выразить свой протест. Идея массовой борьбы за улучшение жизни пока еще не овладела народом. У трудового крестьянства не было авангар-

да, который мог повести его на свержение самодержавия. Поэтому единственный способ выразить свой протест против существующего строя Гогия увидел в том, чтобы покончить жизнь самоубийством.

Эгнате Ниношвили нарисовал острую душевную драму своего героя психологически правдиво и убедительно. Много мыслей возникло у Гогия перед тем, как он принял трагическое решение покончить с собой. Тяжело было ему оставлять свою семью, и без того претерпевшую много горя и трудностей. Тяжело было прощаться с жизнью, женой, любимыми детьми. Перед смертью Гогия шлет проклятья тому общественному строю, который обрекает на смерть тысячи и десятки тысяч уишвили.

История гибели Гогия Уишвили и разорения его семьи — это обвинительный приговор, который писатель — революционер-демократ бросил в лицо государству помещиков и капиталистов.

* * *

Аналогичную идейную направленность имеет другой рассказ Эгнате Ниношвили — «Распоряжение». Его герой — Кацья Мунджадзе — такой же бедняк, как и Гогия Уишвили. Бедственное положение его семьи писатель обрисовал с большим мастерством и лаконизмом в нескольких строках, где описывается одежда детей Кацья. Вот что сказано о его старшей дочери Марине:

«Узкое ситцевое платье, потерявшее от времени цвет, настолько обветшало на ней, что местами виднелось голое тело. Бедняжка от стыда прикрывала рукой голые места даже в присутствии родителей».

«Из троих ребят, следующих за Мариной, только один был облачен в какую-то ветошь, полосами свисавшую с него сзади и спереди, а двое были совсем голы».

Но даже эта неопишуемая бедность не смогла убить в душе Кацья Мунджадзе веру в будущее. Он строит планы о том, как отвезет кукурузу в город на продажу, как на вырученные деньги обуеет и оденет всех в семье, как выправится и станет на ноги его пошатнувшееся хозяйство. Но Кацья не успел отправиться в город: как раз в тот момент, когда он собирался уезжать, его вызвали сторожить железнодорожное полотно, так как должен был проехать какой-то «важный начальник».

Стоя на своем посту, охраняя покой и безопасность «значительного лица», Кацья размышляет о своей жизни, о бедственном положении крестьянина, и в этих мыслях явно выражается недовольство существующим положением вещей:

«Сколько забот в голове горемычного мужика, — размышлял Кацня, — семью прокорми, одень, обуи, плати налоги, плати и учителю, и писарю... И на дорожные работы выходи, и дорогу покараулить надо, всем прислуживай, всем кланяйся!.. Вот едет теперь «большой начальник»... Так много больших начальников на свете, что никак не успеваешь им услужить... А мужик за все отвечай, и плати, и служи, и гни шею безропотно, а дашь промах — и тут же тебя в Сибирь!»

Мысли Кацня идут еще дальше, в его сознании даже мелькнула на минуту мысль о противодействии, сопротивлении: «А как жили бы они, если б не было нас на свете? А вдруг не захотел я выйти караулить? Скажем, не побоялся я Сибири?..» Но он не идет дальше в своем «свободомыслии». Кацня даже боится вслух высказать свои думы. Именно поэтому писатель и наделил его фамилией Мунджадзе¹.

Кацня погиб: он прилег от усталости на полотно железной дороги, заснул, и его, спящего, задавил поезд, в котором ехал «важный начальник». Такова была судьба бесчисленных мунджадзе, погибавших бессловесно под колесами жестокой и беспощадной машины буржуазно-помещичьего строя.

Столь же суровую и правдивую картину жизни рисует Эгнате Ниношвили в рассказе «Озеро Палинастоми».

Социально-экономическая дифференциация деревни, порожденная развитием капитализма, наряду с крайним обнищанием большей части крестьянства, вызвала возникновение из среды того же крестьянства зажиточной, кулацко-буржуазной прослойки. Зоркий взгляд писателя-реалиста подметил этот исторический процесс. Эгнате Ниношвили рассказал о нем в одном из лучших своих произведений — «Симона».

Давид Дроидзе — представитель богатой верхушки крестьянства, подлинный сын времени, воспользовавшийся обстоятельствами и севший на шею своих же односельчан. Он обирает и эксплуатирует их не меньше, чем помещики и царские чиновники. В своем безудержном стремлении к обогащению Дроидзе не гнушался никакими средствами. Его образом писатель подчеркивает, что возвышение и обогащение «новых хозяев» капитализированной деревни основано на мошенничествах и преступлениях.

Для того, чтобы наиболее ярко выявить зловещую и мелочную сущность характера Давида Дроидзе, писатель по-

казывает его в противопоставлении и столкновении с крестьянином-бедняком Симона Дзаладзе.

Давид свыкся с мыслью о том, что поскольку он владеет деньгами, все в этом мире купли-продажи должно безраздельно принадлежать ему. Поэтому, натолкнувшись на сопротивление со стороны Симона, он решил немедленно удалить его со своего пути. «Право» в руках сильного Давида, на его стороне сельская администрация. И ему без особого труда удастся, на основании лжесвидетельств и клеветы, добиться осуждения Симона и его ссылки в Сибирь.

Дроидзе и ему подобные стараются следовать «обычаям» помещиков не только в эксплуатации крестьян и способах жестокой расправы с непокорными. Они следуют за своими «предшественниками» и в вопросах морали, точнее — в полной аморальности своего поведения. Сыну Давида — офицеру Титико — понравилась Дарико, жена Симона. Он даже не мог представить, что кто-нибудь может встать на пути исполнения его прихоти. Но убедившись, что Дарико сохраняет свою честь и верность мужу, он с помощью приспешников похищает беззащитную женщину. Обесчещенная, она не может примириться с подобным унижением ее человеческого достоинства и в отчаянии бросается в реку.

Привилегированная верхушка, созданная новой хозяйственной формацией в деревне, губит и уничтожает все на своем пути в стремлении к власти, к господству. Но писатель показывает, что крестьяне уже не желают оставаться пассивными и бессловесными жертвами насилия. Классовые противоречия в грузинской деревне достигли предельной остроты, свидетельствующей о приближении взрыва. И если Гогия Уишвили единственной формой протеста считал самоубийство, то Симона Дзаладзе уже выступает против своих поработителей с оружием в руках. Правда, его выступление является лишь личной мстостью обидчику, но показателен тот факт, что он все же встал на путь борьбы. Симона убивает двух сыновей Давида, поджигает его дом, а сам укрывается в лесу, становится «пиралом», народным мстителем.

Эгнате Ниношвили не считает путь индивидуального террора, избранный Симона, правильным. Доказательством этого можно считать то, что писатель показывает гибель своего героя в лесу. Один человек не может противостоять вооруженной и организованной силе царизма. Но в тот период, когда трудовой народ не знал еще иных способов борьбы и протеста, путь, на который встал Симона Дзаладзе, был неизбежен. В рас-

¹ Мунджадзе — от слова «мунджи» — немой.

сказе «Симона», как и в других своих произведениях, Э. Ниношвили не только отразил типичные явления современной ему жизни, но и взглянул на них сквозь призму своего революционного мировоззрения.

* * *

Процесс разложения и обеднения дворянско-помещичьего класса, вызванного развитием капиталистических отношений, нарисован в произведении Эгнате Ниношвили «Рыцарь нашей страны». Главный герой этого рассказа — Тариэл Мклавадзе олицетворяет собой деградирующее дворянство. Для него перестали существовать всякие нравственные и моральные законы, единственным законом являются его собственные желания. В то же время он до мозга костей пронизан чувством собственного превосходства, гордостью от сознания своего дворянского происхождения. Почва словных преимуществ с каждым часом уходит из-под ног Тариэла, но тем отчаянней он за нее цепляется. Единственное, чем наградило его «благородное происхождение», — это представительная внешность и физическая сила. Подобные достоинства Тариэла производят впечатление на окружающих. Это и не удивительно — ведь все они такие же бездельники и паразиты, как сам Мклавадзе: последыши дворянских фамилий, пустые барышни, имеющие обыкновение прогуливаться по вокзальному перрону, и им подобные.

Родственники и знакомые уже с детства заметили «рыцарскую» внешность Тариэла. Именно поэтому они постарались «уберечь» его от тягот обучения. Избалованный Мклавадзе уверовал в свое превосходство над окружающими. Все и всех он считал лишь средством удовлетворения своих желаний и капризов, а целью своей жизни — веселое и беззаботное препровождение времени в пьянстве, кутежах и разврате.

Тариэл Мклавадзе — типический образ большой обобщающей силы. В рассказе ему противостоит персонаж с совершенно другим характером и общественным положением — Спиридон Мциришвили.

Спиридон — молодой интеллигент, вышедший из среды трудового народа. В нем воплотилось извечное стремление народа преодолеть мрак невежества и приобщиться к науке и искусству, чтобы впоследствии все свои знания поставить на службу народным идеалам.

Люди, подобные Спиридону, насчитывались сотнями в грузинской прогрессивной интеллигенции последних десятилетий XIX века. Они представляли собой значительную социальную силу, противостоящую реакционным и консервативным кругам.

На противопоставлении и столкновении двух этих сил и построен сюжет рассказа «Рыцарь нашего времени».

Поставив друг против друга Тариэла и Спиридона, писатель с особой остротой выявил коренные различия в их характерах и противоположность их устремлений. Причем при подобном противопоставлении неминуемо выявляется моральное и умственное превосходство Спиридона, как представителя прогрессивных демократических сил.

Мклавадзе совершенно безосновательно оскорбил и избил Спиридона, а затем напал на приглянувшуюся ему Деспине. Ему нет дела до того, что после его зверского нападения Деспине заболела и умерла, а жизнь Спиридона оказалась окончательно разбитой. Но пришло время, и Тариэл Мклавадзе перестал безнаказанно насильничать и издеваться над людьми — пуля, посланная Спиридоном Мциришвили, положила конец бесславному существованию «рыцаря» отмирающего дворянства.

Как и в «Симона», в этой повести писатель описывает людей, поднявших с оружием в руках на защиту поруганной чести и справедливости. Но и их протест пока носит индивидуальный, неорганизованный характер.

* * *

В своем наиболее сильном и художественно зрелом произведении «Христине» Э. Ниношвили вновь обращается к социальному типу, принадлежащему к тому же вырождающемуся классу, что и Тариэл Мклавадзе. Ясон Укмадзе — также выходец из древнего помещичьего рода, который безудержно катится под уклон, навстречу социально-экономической катастрофе. Ясон не способен сделать что-либо полезное в жизни, но зато сколько горя и несчастья может принести людям подобный паразит!

Писатель рисует трагическую судьбу крестьянской девушки Христине, которая сделалась жертвой Ясона. Поклявшись ей в любви и верности, он совратил наивную, неопытную девушку, а затем бессердечно бросил ее вместе с новорожденным ребенком на произвол судьбы. Христине пала жертвой не только лживости и подлости Ясона, но и жестоких, беспощадных пережитков старины, которые в те времена безраздельно царили в грузинской деревне. Обманутую девушку проклинали и избивали родители, насмешники-односельчане не давали ей проходу. Христине не могла больше жить в своей деревне.

В этот момент на сцене появляется новый образ — «самостоятельная барышня» Соня, которая представляет собой типичный продукт буржуазного города. По ее совету Христине решает ос-

тавить семью и переехать в город. Не легко Христине проститься навсегда со своим ребенком, с родным домом... Переживания и колебания Христине, ее мысли и чувства переданы писателем с такой психологической глубиной и убедительностью, что сцена ее ухода из дома представляет собой одну из замечательных страниц не только творчества Эгнате Ниношвили, но и всей грузинской литературы.

Женщина стремится в город в надежде найти там успокоение для своей исстрадавшейся души, но и этим мечтам не суждено было осуществиться. Буржуазный город — это омут, который безвозвратно затягивает людей в водоворот бездушной и развратной жизни. И беспомощная Христине не в состоянии оказать сопротивления жизни — после долгой борьбы она безвольно отдается течению. Таков путь Христине на дно буржуазного общества. Единственное светлое чувство, сохранившееся в ее душе, — это любовь к своему сыну Гогня, воспоминания о родном селе, желание хоть еще раз повидать все это. Христине умирает с этой неосуществленной мечтой, умирает в нужде и одиночестве.

Писатель возлагает вину за гибель Христине не только на Ясона Укмадзе, не только на темную и необразованную крестьянскую массу, но и на нравы буржуазного города с его развращающей, губительной «культурой». Именно в этом и состоит особенность данного произведения Э. Ниношвили. Писатель первым в грузинской литературе показал здесь теневые стороны буржуазной городской жизни, несущей нравственное падение и физическую гибель чистым, честным натурам. Поэтому «Христине» и заслужила большую популярность среди широких кругов читателей.

По основным идейным и тематическим мотивам перекликаются с «Христине» рассказы «Странная болезнь» и «Мор». В первом из них описывается губительное влияние буржуазной морали, проникающей в грузинскую деревню, а во втором остро ставится актуальный для того времени вопрос о бесправном положении женщины в помещичье-капиталистическом обществе.

≡ ≡ ≡

Среди эксплуататоров и угнетателей трудового народа не последнее место занимали мелкие чиновники, представители бюрократической административной машины царского самодержавия. Типичным представителем этой социальной прослойки в творческом наследии Эгнате Ниношвили является сельский писарь Мосе. В богатой и разнообразной галерее художественных персонажей

произведений Ниношвили образ Мосе выделяется исключительной реалистичностью и художественной убедительностью. Автор создал этот образ, основываясь на реально существовавшем прототипе, действительных событиях. Известен даже такой факт, что уже после смерти писателя в Озургетском уездном суде разбиралось дело, обстоятельства которого почти полностью повторяли сюжет рассказа «Писарь Мосе».

Мосе, так же, как и Давид Дроидзе, по происхождению принадлежал к крестьянам. Но благодаря своим «способностям» — необыкновенной ловкости, вероломству, беззастенчивому лицемерию, он сумел проложить себе дорожку к сельской «верхушке», стать мелким винтиком царской бюрократической машины. Писатель повествует о том, как Мосе, став сельским писарем, довольно скоро развернул бурную «деятельность» по обиранию своих же односельчан-крестьян, беззастенчиво вымогая взятки и составляя ложные документы. Он считал, что именно так и должен вести себя «правительственный человек», и успешно пролагал себе дорогу в избранном направлении.

Положение гурийской деревни Э. Ниношвили раскрывает на примере семьи бедняка-крестьянина Окруа Унатлошвили. Стремясь избавиться от воинской повинности, Унатлошвили пообещал писарю большую взятку. И без того немощное хозяйство Окруа не смогло выдержать такой непосильной затраты и окончательно разорилось. Вдобавок, властям донесли, что Окруа освобожден от военной службы по фальшивым документам. Началось следствие, поиски виновных. Набивши себе руку на обмане и комбинациях, Мосе всю ответственность переложил на других. В тюрьму были брошены все члены семьи Унатлошвили и ни в чем не повинный сельский священник. Страдания и гибель невинных людей не беспокоили писаря Мосе, который по-прежнему плел сети для вылавливания новых жертв.

Значение образа писаря Мосе шире, чем просто создание удачного и запоминающегося художественного типа: в нем автор выразил свою ненависть ко всей системе, порождавшей таких людей. Именно благодаря столь широкому общению рассказ «Писарь Мосе» принадлежит к числу лучших произведений Эгнате Ниношвили.

В творчестве Э. Ниношвили нашли свое отображение все сколько-нибудь значительные исторические явления и процессы, происходившие в общественно-политической жизни Грузии того времени. Писатель обрисовал различные классовые, социальные силы и их взаимоотношения не как бесстрастный

и безучастный наблюдатель. Он всегда откровенно и прямо высказывал свои революционные, демократические идеалы, свои симпатии к народу, крестьянству, поднимавшемуся на решительную классовую борьбу.

Сфера творческих интересов Э. Ниношвили в основном концентрировалась вокруг жизни гурийской деревни. Город, новые социальные противоречия, характерные для городской жизни, жизнь рабочего класса, не получили в его творчестве столь же широкого и разностороннего освещения. Единственным произведением на эту тему является рассказ «Приют рабочих», но и оно осталось незавершенным. До нас дошел только небольшой фрагмент этого рассказа.

В ту эпоху, когда жил и творил Э. Ниношвили, в Грузии уже зарождался промышленный пролетариат, однако он еще не превратился в организованную силу с оформившимся самосознанием своих классовых интересов. У рабочего класса Грузии еще не было своего политического руководителя — пролетарской революционной партии. Естественно, поэтому, что Э. Ниношвили не мог нарисовать образа передового рабочего, возглавлявшего революционное движение.

Эволюция мировоззрения Э. Ниношвили, проделавшего путь от народничества до марксизма, в период написания названных выше рассказов не была еще завершена. Поэтому, уйдя в своих произведениях гораздо дальше народнической идеологии, писатель не сумел подняться до последовательного марксистского мировоззрения. В свете сказанного становится ясно, почему в творчестве Э. Ниношвили преобладают темные, мрачные краски, почему он не может указать верной перспективы для своих любимых героев. Единственное, что ему остается, — это выводить их на путь вооруженной борьбы против мира угнетения и рабства, борьбы индивидуальной и обреченной на поражение.

Герои Ниношвили гибнут, столкнувшись с невозможностью доступными им средствами изменить существующий строй.

Эгнате Ниношвили — художник, отражавший ту историческую действительность, которая предшествовала широкому пролетарскому революционному движению. По своему мировоззрению и художественным особенностям творчества он принадлежит к ближайшим предшественникам социалистической литературы.

Продолжив и развив лучшие традиции грузинского критического реализма, Э. Ниношвили стал одним из крупнейших писателей школы Ильи Чавчавадзе, следы творчества которого явственно видны в «Симона», «Рыцаре нашей страны» и целом ряде других произведений.

Эгнате Ниношвили не пытался упрятать идейную тенденцию своих произведений в хитросплетении сюжетов и нагромождении художественных средств. Наоборот, он всегда стремился выразить эту тенденцию в наиболее яркой и простой форме. И это обстоятельство не снижает, а усиливает художественный уровень его произведений. Развитие сюжета у Ниношвили всегда напряженное, драматизированное. В большинстве случаев, сюжетные конфликты выражают социальные противоречия антагонистических классов. Пейзаж, как правило, рисуется скупыми, лаконичными красками, язык произведений прост и доступен, не грешит излишествами и ненужным украшательством, он всегда основывается на живой, разговорной народной речи, типичной для гурийского крестьянства.

Все это обусловило немеркнущую ценность творчества Эгнате Ниношвили, который навсегда запечатлелся в памяти потомства как писатель-революционер, писатель-демократ, все свои творческие силы отдавший справедливой борьбе за свободу и счастье трудового народа.

Повесть о судьбах интеллигенции

Судьба новой повести Серго Клдишвили «Ирина Тухарели» сразу же сложилась счастливо. И критики, и читатели — словом, обе читающие стороны, проявив не всегда встречающееся единодушие, дали высокую оценку идейно-художественным достоинствам этой книги.

Идея этого произведения заключается в утверждении победы нового, прогрессивного над старым, отживающим. Ветер революции, ворвавшись в жизнь захолустного провинциального городка Патархеви, коренным образом меняет ее. Старое, олицетворяемое вино-торговцем и винозаводчиком Симоном Берошвили, терпит моральный урон, за которым явственно ощущается близость его полного крушения.

Но, думается нам, данный тезис нуждается в расшифровке: небезынтересно выяснить, какой аспект этой всеобъемлющей проблемы — борьбы нового со старым — интересует автора, как, чем и почему оно, это новое, торжествует над властью провинциального денежного туза?

Изучение повести приводит к выводу, что главная проблема, которую решает в ней С. Клдишвили, — это проблема интеллигенции, судеб ее в революции (под которой мы понимаем в данном случае не только политическое, но и экономическое переустройство жизни).

В самом деле, кто они, герои повести? Рядом с Патархеви находятся марганцевые рудники, но на страницах повести с горняками мы не встречаемся. Патархеви — центр сельскохозяйственного района, но и о крестьянах в книге упоминается только вскользь.

Сказанное — не в упрек автору. Оно нужно для подкрепления нашей мысли о главной проблеме повести, о том, что автор, затрагивая в ней многие аспекты этой проблемы, выясняет причины и следствия отношения к революции и

народной власти различных представителей интеллигенции, причем за индивидуальным путем каждого из них явственно ощущается путь определенной группы.

«Земля давно уже стала белой, а снег все падает и падает.

Наступает унылое февральское утро.

Нестройными рядами, беспорядочными толпами бредут по полям и дорогам солдаты. Со скрипом тянутся груженые всяким скарбом фургоны, телеги, двуколки. Слышатся гудки автомобилей. С грохотом проходит артиллерия...

По пути то один, то другой солдат, оставляют ряды и тайком расходятся по своим деревням, селам. Горцы удаляются к северу от Мцхета, карталинцы разбрелись, не дойдя даже до Хашури...

За отступающими войсками следуют немногие беженцы — те, кто ждет от событий чего-то неотвратимого, необъяснимого. И уже сейчас сокровенной мечтой встает перед ними только что оставленный Тбилиси. Суждено ли кому вернуться обратно?»

Таков зачин повести. Уже в этой картине развала меньшевистской армии автор находит место для упоминания о тех, кто примкнул к ней не в силу принципиально враждебного отношения к побеждавшей Советской власти, а поддавшись страху перед тем, как им казалось, неизвестным будущим, которое несла им победа революционного народа. Здесь же, на первых страницах книги, представляет нам автор ее главных героев — Ирину Тухарели, ее отца Георгия и Гиви — солдата меньшевистской армии, юношу из интеллигентной семьи, в которого влюблена Ирина.

Уже позже мы встретимся с архитектором Элизбаром Корсавели, агрономом Мерабом Табагари, аптекарем Бегларом Саванели, стариком-книготорговцем Гедеоном Арабидзе.

Но симпатии автора принадлежат, прежде всего, скажем сразу, Ирине — умной, честной и благородной девушке, являющейся главной героиней повести...

Может, конечно, возникнуть вопрос: правилен ли сделанный автором выбор

Серго Клдишвили. «Ирина Тухарели». Перевод Б. Корнеева. Редактор Г. Бебутов. Издательство «Заря Востока», Тбилиси, 1958 г.

героини—ведь речь идет об интеллигенции в революции, между тем жизненный опыт Ирины очень скромный, а ее общественное лицо—по меньшей мере неясно.

Ирину мы видим впервые в обозе отступающей меньшевистской армии. На ее долю выпало немало тягот: бегство из родного Тбилиси, борьба с нуждой, тяжелейшее разочарование в возлюбленном, брак поневоле с человеком, ее не стоявшим и ее не понимавшим, незаслуженное оскорбление, им же нанесенное,—таковы этапы накопления Ириной жизненного опыта. Но не только это. Здесь и встречи с простыми, трудолюбивыми людьми, для которых Советская власть стала своей, родной властью.

Что же делать Ирине? Но прежде чем ответить на этот вопрос, мы хотим вернуться к другим героям книги.

В повести Клдиашвили очень ясно показано, что Советская власть принесла конец старой провинции с ее тупостью жизни. Закостеневшая в своем консерватизме старая провинция меняется с появлением новых людей—большевиков. Энергичным, отчетливо представляющим себе задачи Советской власти деятелем выступает в повести председатель патархевского горсовета Самадашвили. Он—живое воплощение тех сил, которые привели к краху «хозяев» и, вместе с тем, он сам—сила, собирающая вокруг себя тех, кто может быть полезен народу. Ирина не встречается с ним на страницах повести. Но она знает, что именно он, как представитель народной власти, извлекает, в сущности, из небытия старика-архитектора Корсавели, укрепившего было в себе «безразличное отношение ко всяким жизненным невгодам», он же посылает на усовершенствование, как сказали бы мы сейчас, агронома Табагари, жаждущего обратить «в сплошные сады и виноградники» весь мир. В обоих этих интеллигентах Самадашвили не только воскрешает мечты о жарком творческом труде, но и предоставляет им для этого реальные условия. Широкая возможность творческого труда приводит к желанию работать для Советской власти и старика Корсавели и сравнительно молодого Табагари.

А Ирина? Она учится все более точно распознавать маленькую правду своих личных неудач и правду большую, правду многих людей. Главным для Ирины становится то, что революция выдвигает вперед честных, хороших, трудолюбивых людей и уничтожает всеисилие денег, нажитых нечистым путем. И Ирина принимает революцию. На последних страницах повести она уже идет навстречу новой жизни, идет «не с тревогой, а с надеждой и уве-

ренностью», с горячим желанием быть полезной. Ирина — типичная представительница грузинской интеллигентной молодежи, искавшей верных жизненных путей и нашедшей их. И путь Ирины, показанный автором, как очень индивидуальный путь, в то же время типичен в главном.

Но были и другие пути...

Закономерно скатывается к бесчестью и позорному бегству за границу Гиви, выкрадший предварительно у Ирины деньги, доверенные ей Симонем... Что же, были и такие интеллигенты.

Были и такие, как Георгий—отец Ирины, гордившийся своей профессиональной честностью, но ни в чем не разобравшийся и ничего не понявший. Он растерялся перед революцией, и надолго. Только начинавшим прозревать и застала его смерть.

Были и такие, как старый, наивный энтузиаст Арабидзе, принадлежащий к тем, кому, как нетрудно понять, народная власть принесет осуществление их благородных надежд.

Рассматривая проблему интеллигенции в революции, Серго Клдиашвили разрешает ее на грузинском материале, разрешает свежо и оригинально, и, что особенно важно—с большой силой реалистического проникновения в самое ее существо. Художественное мастерство писателя служит яркой, хотя и лаконичной характеристике героев, как живых, встающих со страниц его книги. Здесь уместно вспомнить, что хотя повесть Клдиашвили и велика по объему, населена она не густо. Писатель избегает «штатных излишеств». На страницах его повести не встретишь людей, отличающихся от других только именем. Разумеется, есть в ней персонажи, только намеченные, но намеченные такими яркими мазками, что читатель легко представляет себе их облик.

За исключением, пожалуй, родителей и соседей Ваньки—Жана, люди в повести—разные и непохожие—обязательно связаны с главной героиней. Иногда нити, их связывающие, почти незаметны, но они существуют, и оборвать их, не рискуя нарушить живую ткань повествования, нанести урон разрешению главной проблемы, пожалуй, и невозможно.

И все же нельзя за кое-что не упрекнуть автора. Хотя он, в общем, внимателен к внутренней жизни главных героев своей повести, психологический анализ их поступков порой чрезмерно лаконичен. Автор словно хочет сказать читателю: вот об этом я расскажу тебе, а до этого доходи сам. И, право же, это не всегда оправдано. Ведь порой «шторка», как сказали бы кинемато-

графисты, появляется там, где увлеченный читатель ищет продолжения, то есть углубленной характеристики событий или мотивов поведения героев. Это, конечно, обедняет повествование, в особенности тогда, когда «шторка» возникает в решающие моменты жизни героев. Приведем пример.

После того, как Берошвили предложил Ирине выйти за него замуж, она, чтобы не оставаться более у него в доме, решает вместе с отцом покинуть Патархеви. Но предварительно сама хочет съездить в Тбилиси, чтобы узнать, сможет ли она найти здесь пристанище и работу. Комната у нее есть, работу «везде можно получить», «людей не хватает. Мне даже спасибо скажут за вас», — говорит ей соседка. Но вот Гиви крадет из комнаты Ирины деньги, которые ей дал на хранение Берошвили. Тот учиняет ей скандал, и после этого читатель узнает, что Ирина... выходит замуж за Берошвили. А ведь до этого в повести нередко подчеркивалось отвращение Ирины к Берошвили, отвращение, которое она хотела, но не умела преодолеть. И замужество ее поощряется отцом, который, узнав от дочери об этом скандале, «в первый раз представил себе Берошвили в настоящем его обличье — проходимца, без роду и племени, ловкого дельца, алчного, ненасытного, яростного хищника, бросающегося на все, что только завидит его глаз».

Вот поэтому-то и возникает вопрос, не ради ли большей драматичности появились в повести эпизод с похищенными деньгами Берошвили или же исто-

рия неудачного замужества Ирины? Нам могут ответить (и это слегка чувствуется в подтексте повести): Ирина пошла на этот шаг, чтобы «возместить» Берошвили потерю. Но нет, автор слишком уважает свою героиню, да и нет в ее характере того безволия, той пассивной жертвенности, которая могла бы объяснить этот поступок. Тем более, что до этого, в Тбилиси, как пишет автор, Ирина почувствовала «дыхание большого города», увидела другой мир, «наполняющий все живительной силой, животворным духом, неисчерпаемой бодростью. Так радостно смешаться с этой толпой, ощутить уверенность, что в этом большом, родном городе ей не страшны никакие трудности, что она добьется своего».

И еще одно... Время действия повести — начало двадцатых годов — трудные годы, когда страна только начинала залечивать свои раны. И поэтому, как результат смещения событий во времени, воспринимается читателем тот факт, что в Патархеви вдруг началось строительство театра, причем шло оно бурными для тех лет темпами. Нет, в это что-то не верится. Не театры тогда строились. Кстати, первые после установления Советской власти театры у нас в республике начали строиться в 30-х годах.

Все сказанное не снижает той высокой оценки, которую мы дали книге Серго Клдиашвили в начале статьи. Повесть «Ирина Тухарели» — одно из интереснейших произведений грузинской литературы последних лет. Ее хочется рекомендовать читателю.

Декабристы и общественно-литературное движение в Грузии

По мере изучения советскими учеными движения декабристов, перед нами все шире и шире раскрывается всеобъемлющая роль первых русских революционеров в истории нашей родины. Исследование В. С. Шадури посвящено весьма важным страницам этой истории. Оно охватывает большой круг вопросов, связанных с пребыванием декабристов на Кавказе до 14 декабря 1825 года и в период последекабрьской реакции, с грузинской проблематикой в творчестве литераторов-декабристов, с влиянием декабристов на развитие грузинской литературы и общественной мысли.

В рецензируемой книге проявились широта подхода автора к задачам своего исследования, его вооруженность сложной методикой исторического и литературного анализа, основательное знание эпохи. Автор не сужает своей темы, не сводит ее к изучению этнографического характера (как это нередко встречалось ранее), а рассматривает в широком историческом и историко-культурном плане. Освещение собственно литературных проблем связано здесь с освещением таких вопросов, как историческое значение присоединения Грузии к России или роль декабристов в борьбе с персидско-турецкой агрессией. В работе обобщен большой материал, внимательно изучено большое количество всякого рода периодических изданий, причем тщательность изучения позволила даже в известных, казалось бы, материалах обнаружить неиспользованные данные. Поистине огромным является и круг архивных фондов, использованных в книге и находящихся в одиннадцати архивохранилищах Советского Союза.

К изучению данной темы В. Шадури был подготовлен всей своей предшеству-

ющей научной деятельностью. Ему принадлежит ряд работ, связанных с темой этой книги, в том числе: «Грибоедов и грузинская культура», «Первый русский роман о Кавказе», «Письма русских литературно-общественных деятелей к Н. Я. Николадзе», «Друг Пушкина Шишков и его роман о Грузии», сборник «Русские писатели о Грузии» и другие. Таким образом монография является обобщением многолетних исследований автора на тему — «Русская литература и Грузия».

Подход В. Шадури к разработке темы основан на методологически правильном понимании исторического значения присоединения Грузии к России, которое автор рассматривает, как крупный акт, подготовленный предшествующими событиями предыдущих веков и обозначивший коренной перелом в истории грузинского народа. Этим актом был положен конец варварским вторжениям восточных завоевателей в Закавказье. Грузинский народ навсегда связал свою судьбу с судьбой великого русского народа. Но говоря об этом, В. Шадури не смазывает и остроту возникшей политической ситуации. Он подчеркивает, что, в противовес союзу русского царизма с феодальной верхушкой Закавказья, все более укреплялся союз трудящихся России и Закавказья, который стал могучим фактором совместной борьбы двух народов против внутренних и внешних врагов. Что касается исходных позиций автора в рассмотрении русско-грузинских общественно-литературных взаимоотношений, то об этом дают представление следующие положения предисловия:

«Хотя это содружество (речь идет о русско-грузинских общественно-литературных взаимоотношениях) возникло в глубине веков, но лишь в эпоху декабризма оно приобрело интенсивный и многогранный характер. Декабристы и связанные с ними великие русские писатели Грибоедов, Пушкин и другие сыграли огромную роль не только в русском общественно-литературном движе-

Вано Шадури. «Декабристская литература и грузинская общественность». Редактор Г. Бебутов. Издательство «Заря Востока», Тбилиси, 1958 г.

нии, но и в развитии грузинской литературы и в сближении русской и грузинской культур. Первое поколение русских революционеров вписало первую яркую страницу в историю литературного содружества наших народов. Декабристы первыми из русских писателей близко познакомились с Грузией и отразили ее в своих произведениях верно, колоритно, художественно. Русские вольнодумцы первые занесли в этот край революционные идеи, установили дружбу с передовой грузинской интеллигенцией и оказали на грузинскую литературу весьма плодотворное влияние». (стр. 8).

Первый период развития русско-грузинских общественно-литературных отношений расчленяется, согласно концепции В. Шадури, на два этапа: до декабрьского восстания и после него.

Переходя к рассмотрению первого этапа, В. Шадури в главе «Декабристы в Грузии до восстания 1825 года» (стр. 13 — 70) подробно анализирует деятельность и состав сосланных в 1816 — 1825 гг. членов декабристских тайных обществ и близких к ним литераторов, а также людей, которых В. Шадури называет добровольными изгнанниками. Автор поступает правильно, когда, анализируя идейное содержание русской литературы о Грузии, привлекает к рассмотрению произведения также и писателей, не состоявших в числе членов тайного общества. И, в самом деле, было бы, конечно, странным, если бы автор руководствовался при анализе влияния декабристских идей лишь формальным признаком принадлежности того или иного деятеля к тайному обществу. Поэтому вполне закономерно, что в книге такое большое место уделено Пушкину, который, не будучи членом тайного общества, тем не менее в наиболее яркой форме явился выразителем декабристской идеологии в литературе.

Как показывает В. Шадури, в конце 10-х — начале 20-х гг. XIX в. сложилась определенная группа литераторов, объединенных вокруг Грибоедова. Возникновение этой группы впоследствии дало повод возникновению в следственном комитете о тайных обществах дела о существовании нелегальной организации в Кавказском корпусе. На основе печатных и архивных источников автор монографии устанавливает пути общения между русскими вольнодумцами на Кавказе и вместе с тем со всей объективностью приходит к заключению, что оформленной нелегальной политической организации в Кавказском корпусе все же не было. Анализируя деятельность группы литераторов, В. Шадури устанавливает их влияние на подъем интеллектуальной жизни Грузии.

В следующей главе — «Грузия в де-

кабристской литературе 1816 — 1825 годов» рассматриваются специфические особенности изображения жизни этого края декабристами и близкими к ним писателями. Анализируя произведения этого рода, В. Шадури показывает, что они были пронизаны ненавистью к крепостничеству и самодержавию, прославлением свободы, глубоким сочувствием к положению так называемых «инородцев». При этом правильно отмечается, как и в других главах, что декабристы, и до декабрьского восстания и после него, подходили к проблеме Кавказа с позиций, совершенно противоположных русскому самодержавию. Для передовых людей России кавказский вопрос был составной частью большого вопроса о родине. Декабристы и близкие им деятели были горячими патриотами, хотели видеть Россию могущественным и свободным государством и верили в решающую роль, которую может и должен сыграть русский народ в деле прогресса и освобождения угнетенных соседних народов. Вместе с тем автор правильно отмечает и черты ограниченности в подходе декабристов к национальному вопросу. Он утверждает, что в рассуждениях декабристов о «хорошем управлении» и в «просвещении» кавказцев было много утопических элементов, связанных с классовой ограниченностью мировоззрения дворянских революционеров. Но ценно, что и декабристы, и Пушкин, и Грибоедов считали, что присоединение Кавказа к России необходимо для обеих стран, и что Россия способна освободить народы Кавказа от персидско-турецкого гнета. «Идее вражды народов, — пишет В. Шадури, — они противопоставляли идею дружбы, политике «стального штыка» — политику промышленного, торгового и культурного развития Кавказа». Декабристы-литераторы разоблачали шовинизм реакционных идеологов, выдвигали необходимость всестороннего изучения жизни кавказских народов, ее отражения в литературе.

При анализе произведений передовых русских писателей о Кавказе, появившихся в первой половине двадцатых годов, В. Шадури исходит из общепринятой в нашей литературе характеристики метода этих произведений как метода прогрессивного романтизма, в рамках которого зрели элементы и тенденции реалистические. При этом В. Шадури показывает направленность произведений прогрессивных романтиков о Кавказе против консервативного романтизма и сентиментализма карамзинистов. В круг исследования здесь вовлечены самые разнообразные жанры. Ряд произведений впервые освещен в монографии, в частности, записки Лачинова и Муханова, А. А. Шишкова. И по поводу произведений, которым посвящена боль-

шая научная литература, приводятся интересные и свежие соображения. Так путем внимательного рассмотрения поэмы Пушкина «Кавказский пленник» устанавливается, что в ней отражены определенные реальные события и явления грузинской жизни, в результате чего Пушкин воссоздал грандиозный образ величавого вольнолюбивого Кавказа и тем самым раздвинул географическо-этнографические рамки русской литературы.

После разгрома декабрьского восстания в Грузии оказалась большая группа лиц, в числе которых были и так называемые государственные преступники, и «прикосновенные к декабризму», а также более трех тысяч солдат — участников декабрьского восстания. Характеризуя эту ситуацию, В. Шадури верно заключает, что в лице декабристов и близких к ним людей на Кавказ прибыла прогрессивная для той эпохи военная, политическая и культурная сила, которая прошла школу Отечественной войны 1812 года и революционной борьбы с царизмом.

Освещая военные подвиги декабристов в годы борьбы против персидско-турецкой агрессии, автор исходит из положения о том, что декабристы, как выразители антифеодальной идеологии, были противниками тирании султанской Турции и шахской Персии — они понимали, что за спиной персидско-турецких кругов стояла Англия, вдохновлявшая восточных агрессоров. Фактический материал, приведенный В. Шадури, подтверждает, что декабристы рассматривали борьбу с восточной агрессией как выполнение патриотического долга. С таким подходом к военным событиям этих лет связана, как показано в книге, и тема войны в декабристской литературе 20-х годов, в произведениях Грибоедова, Петра Бестужева, Бестужева-Марлинского и других.

В работе впервые документированы слова Паскевича о том, что среди ссыльных декабристов живет «дух сообщества». Проанализированы также некоторые методы политической пропаганды, которые применялись русскими вольнолюбцами на Кавказе. Приведу один только пример. В одном из дел, сохранившихся в архивах, выдвигалось обвинение против декабриста Палицына и некоторых других лиц о «пасквильных картинках». В книге приводятся показания свидетеля, который рассказывает следующее о содержании этих картинок: «Внизу на возвышении поставлено пять виселиц с повешенными и в беспорядке размещены орудия площадной казни... В углублении под ними статуя Помпея, у подножия которой поверженный Цезарь, над ним Брут, вонзающий трикраты в труп кинжал. Здесь же в стороне

поставлен стол, за которым человек до осьми сидят. С левой стороны, почти параллельно с повешенными стоит статуя Свободы с кинжалом в одной и факелом в другой руке...» (стр. 329).

Особый интерес представляет глава пятая «Декабристы и «Тифлисские ведомости». Здесь анализируется история создания и само содержание этой газеты, издававшейся в 1828—32 гг. на русском и грузинском языках. Впервые В. Шадури документально раскрывает смысл высокой оценки, которую дал этой газете Пушкин, отметивший ее своеобразное и самостоятельное направление. На основании архивных материалов, а также изучения текста газеты, выясняется, что декабристам, сосланным в Грузию, постепенно удалось приобрести фактическое руководство в этой единственной закавказской газете, привлечь к ней декабристов и передовых литераторов (Бестужева-Марлинского, Бурцова, Сухорукова и др.). Газета, как показывает В. Шадури, выступала против реакционной прессы и, в частности, против клеветы на грузинский народ, которая содержалась в материалах, опубликованных в болгаринском «Северном архиве».

В последующих главах рассматривается отражение тем, связанных с Грузией, в декабристской литературе после 1825 года. Несмотря на сложность условий для литературной работы, декабристы-литераторы и близкие к ним деятели продолжали развивать в своих произведениях те же идеи, которые характеризовали передовую литературу, связанную с грузинской темой, до декабрьского восстания.

Вместе с тем, в литературе, проникнутой дворянской революционностью, после 1825 года имели место известные изменения. В некоторых произведениях стали звучать мотивы усталости и разочарования, в других стали все более явно ощущаться признаки эволюции писателей в сторону демократизма и реализма. Положительные тенденции декабристской литературы, связанные с Грузией, В. Шадури правильно связывает с тем, что на Кавказе декабристы ближе познакомились с нравами, бытом и историей народов, населявших Кавказ. Именно потому прежнее, несколько отвлеченное представление о кавказцах стало принимать более конкретные очертания. В этих главах анализируются идеи, выраженные в произведениях о Кавказе Бестужева, Одоевского, А. А. Шишкова, а также Пушкина и Грибоедова. Привлекая соответствующий фактический материал, автор раскрывает борьбу, которая развернулась в русской литературе после 1825 года вокруг кавказской темы и которая приняла острый и обнаженный характер. По определе-

нию В. Шадури, «реакционная культура», обслуживающая интересы царизма и помещиков, в новых условиях особенно рьяно выступала против передовой русской литературы по всем вопросам, в том числе по русско-кавказскому вопросу. Прав автор, утверждая, что две России — Россия Николая I и Булгарина, с одной стороны, и Россия Пушкина и декабристов, с другой — резко столкнулись в русско-кавказском вопросе. Характеризуя передовую литературу, связанную с Грузией, В. Шадури определяет политическое значение произведений передовых русских писателей о Грузии — таких, как Грибоедов (который создал первое по времени произведение о крепостном праве в Грузии), Бестужев-Марлинский, Павел Бестужев и другие.

Характеризуя отношение грузинской общественности к декабризму, личной идейной и творческой связи грузинских писателей — А. Чавчавадзе, Г. Орбелиани, С. Додашвили и др. с русскими литераторами, В. Шадури говорит здесь и о переводах грузинскими поэтами произведений русских поэтов, а также о влиянии передовой русской литературы на литературу грузинскую.

Итак, ценность книги В. Шадури очевидна. Но имеются в работе и дискуссионные положения и некоторые недостатки, вызванные, главным образом, недостаточной изученностью в литературе о декабризме отдельных моментов его истории. Иногда автор излишне увлекается, развивая в основном верную точку зрения. Приведу один из примеров.

Автор справедливо исходит из того, что понятие «декабристы» не следует ограничивать только теми деятелями движения, которые были присуждены следственным комитетом к наиболее тяжелым формам наказания. Действительно, следственный комитет в некоторых случаях не смог установить степень участия тех или иных деятелей в тайном обществе. Как известно, иногда для смягчения наказания имели значение и связи тех или иных лиц, привлеченных к следствию, с лицами из высших правительственных кругов. И все же нуждается в уточнении степень «прикосновенности» к декабризму некоторых лиц, упоминаемых в книге без каких-либо оговорок. Так, безусловно должен быть исключен из круга декабристских деятелей М. Пыхачев, который является случайным элементом среди деятелей тайного общества

(хотя его имя есть в «Алфавите декабристов»).

Более подробных аргументаций и мотивировок требуют некоторые гипотезы. Так, например, непонятно, на каком основании высказано предположение о том, что Грибоедов был одним из организаторов «Тифлиссских ведомостей».

Спорные моменты имеются в седьмой главе книги, где интересно анализируются лирические стихотворения Пушкина, связанные с Грузией. Однако утверждение о том, что стихотворение «На холмах Грузии лежит ночная мгла...» следует отнести к Марии Раевской, представляется мне необоснованным. Вряд ли можно согласиться и с тем, что Пушкин сократил первоначальный текст стихотворения, из-за того, что в нем проступали автобиографические мотивы, связанные с личностью любимой женщины (стр. 417). Сравнение чернового и белого текстов свидетельствует о том, что Пушкин руководствовался прежде всего соображениями художественного лаконизма (как это признает сам В. Шадури по отношению к другому стихотворению Пушкина — «Кавказ»).

Хотелось бы большей четкости в освещении автором творческого метода А. А. Бестужева-Марлинского. При всех положительных элементах творчества Марлинского последекабрьского периода, в его повестях явственно ощущаются пороки романтического метода, в них нет реалистического изображения характеров, повествование портят мелодраматизм, нарочитая эффектность стиля, условность ситуаций. Именно эти стороны творчества Марлинского вызвали критику Белинского. Поэтому неаргументированным является замечание автора о том, что сам по себе этнографический материал в произведениях Бестужева способствовал «разрушению субъективно-романтической системы» (стр. 316).

Однако такого рода недостатки не снижают общего весьма благоприятного впечатления, которое производит серьезный исследовательский труд В. Шадури. Этот труд вносит много нового в изучение данной проблемы не только для литературоведа, но и для историка. В своей книге В. Шадури приходит к интересным выводам о высокой плодотворности и разносторонности русско-грузинских общественно-литературных отношений декабристского периода русского освободительного движения.

Коротко об авторах

საქართველოს
გამომცემლობა

ТАБИДЗЕ
Галактион
Васильевич

См. журнал «Литературная Грузия» № 2 за 1959 г.

ДАДИАНИ
Шалва Николаевич

(1874 — 1959) — выдающийся грузинский писатель, общественный деятель, народный артист Грузинской ССР.

Перу Ш. Н. Дадiani принадлежат около пятидесяти пьес, более ста рассказов и новелл, стихи, очерки по истории, литературоведческие и театроведческие работы.

КАЛАНДАДЗЕ
Анна Павловна

Грузинская поэтесса. Первые стихи А. Каландадзе были напечатаны в 1946 году. В 1953 и 1957 годах вышли сборники ее стихов. В настоящее время в издательстве «Заря Востока» готовится к изданию первая книга стихов А. Каландадзе в переводе на русский язык.

ГАМСАХУРДИА
Константинэ
Семенович

См. журнал «Литературная Грузия» № 2 за 1959 г.

РЫШКОВ
Юрий Михайлович

(Род. в 1903 г.) — русский прозаик, кинооператор Тбилисской ордена Ленина киностудии «Грузиня-фильм». Начал печататься в период Великой Отечественной войны. Ю. Рышков — автор романа «Капитан Быстрова», вышедшего в издательстве «Заря Востока» в 1957 году.

ИДРИС
Юсеф

(Род. в 1927 г.) — египетский писатель, представитель молодого поколения в арабской литературе. Начал писать в 1950 году. Его ко-

роткие рассказы публиковались в журналах «Кысса» («Рассказ»), «Кысас лиль-джамна» («Рассказы для всех») и «Аль-Маляин» («Миллионы»). Рассказ «Рамадан» взят из сборника «Республика Фархата». На русском языке публикуется впервые.

ГУГУШВИЛИ
Этери Николаевна

Кандидат искусствоведения. С 1953 года выступает в союзной и республиканской периодической печати. В 1958 г. вышла в свет книга «Грузинский государственный драматический театр имени Котэ Марджанишвили», написанная Э. Гугушвили совместно с Д. Джанелидзе.

ЖГЕНТИ
Виссарион (Бесо)
Давидович

(Род. в 1903 г.) — литературный критик. Литературную деятельность начал в 1922 г. Его литературно-критические статьи систематически печатаются в союзной и республиканской прессе. За последние годы статьи Б. Жгенти вышли отдельными книгами.

ГВЕЛЕСИАНИ
Софья Ираклиевна

Журналистка. Начала печататься с 1947 года. Очерки и статьи С. Гвелесиани по вопросам литературы и искусства систематически печатаются в республиканской прессе.

МЕИЛАХ
Борис Соломонович

(Род. в 1909 г.) — доктор филологических наук, лауреат Сталинской премии, профессор Ленинградского университета. Научно-литературоведческую деятельность начал в 20-х годах. Б. С. Мейлах — автор около ста работ по истории и теории литературы и многих популярных статей о русских классиках.

Технический редактор М. Соселня

Подписано к печати 11 апреля 1959 г. 6 печ. лист.+2 вкл.

Формат бумаги 70×108¹/₁₆.

Заказ № 285

Тираж 4000.

УЭ 01295

Цена 4 руб.

ჟურნალი „ლიტერატურნია გრუზია“
(რუსულ ენაზე)

საქართველოს მწერალთა კავშირის გამომცემლობა „ხარია ვოსტოკა“

Типография „Заря Востока“ им. А. Ф. Мясникова издательства
ЦК КП Грузии, Тбилиси, пр. Руставели, № 42.

4 руб.

6. 38/98

